



ЮНОСТЬ



№12/2020 16+

12



ЮНОСТЬ



УЧРЕДИТЕЛЬ:
АНП «Реданция журнала
"Юность"»

«ЮНОСТЬ» —
зарегистрированный
товарный знак.
Правообладатель —
АНП «Реданция журнала
"Юность"»

ГЛАВНЫЙ РЕДАНТОР:
Сергей Александрович
Шаргунов

Выпуск издания
осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым
коммуникациям

Лиц. Минпечати №112.
ISSN 0132-2036

Наша почта:
unost-org@mail.ru

Наш сайт:
unost.org
юность.рф
Мы в социальных сетях:
facebook.com/unost
vk.com/zhurnaliunost
Instagram/@zhurnaliunost

Адрес редакции:
125047, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1

Для почтовых отправок:
125047, Москва,
а/я 182, «Юность»

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-40-74,
+7 (495) 250-40-95

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Ильдар Абузяров
Зоя Богуславская
Алексей Варламов
Анна Гедымин
Сергей Гловюк
Борис Евсеев
Тамара Жирмунская
Елена Исаева
Владимир Ностров
Нина Краснова
Татьяна Нузовлева
Евгений Лесин
Юрий Полянов
Георгий Пряхин
Елена Сазанович
Александр Соколов
Борис Тарасов
Елена Тахо-Годи
Игорь Шайтанов

Реданция не имеет
возможности вести
переписку с авторами.
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут
ответственность
за достоверность
предоставленных
материалов.
Мнения автора
и редакции могут
не совпадать.
При перепечатке
материалов ссылка
на журнал «Юность»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей Шаргунов
Вячеслав Ионовалов
Яна Нухлиева
Евгений Сафронов
Татьяна Соловьева
Светлана Шипицина

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР

Юлия Сысоева
РАЗРАБОТКА МАНЕТА
Наталья Агапова

ВЕРСТКА

Наталья Горяченнова
АДМИНИСТРАТОР САЙТА
Антон Шипицин
ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР
Людмила Литвинова

Подписные индексы:
каталог «Почта России» —
П1972,
объединенный каталог
«Пресса России» — 71120

Отпечатано
в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва,
ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс:
+7 (495) 619-08-30,
+7 (495) 647-01-89
E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3 500 экз.
Формат: 60x84/8
Заназ №

«ЮНОСТЬ»
© С. Красауснас. 1962 г.

Обложка создана в рамках
воркшопа от сооснователей
дизайн-агентства «Труд»
@trud_agency Светланы
и Всеволода Выводцевых
на творческой антишколе
дизайна и архитектуры
«Таврида»

НОВЫЙ ГОД

- 6 СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ
 ТАИНСТВЕННЫЙ МАГНИТ
- 8 ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ
 НОВЫЙ ГОД КАК ПРЕДАТЕЛЬСТВО
- 11 ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
 ПРАЗДНИК ОТЛОЖЕННОГО ЧУДА
- 14 ВАЛЕРИЯ КРУТОВА
 ДВА ЧУДА ДЛЯ ЕЛКИ
 МАШНА
- 21 СЕРГЕЙ КУБРИН
 НАСТОЯЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ
- 23 СУСАННА АЛЬПЕРИНА
 ДЕКАБРИСТКА
- 27 АЛЕКСЕЙ А. ШЕПЕЛЁВ
 СУПЕРКОТ И РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО
- 33 ОЛЬГА ХАРИТОНОВА
 ИДЕТ СОЛДАТ
- 38 АЛЕНА РАКИТИНА
 ПУМАКОТ
- 40 АРСЕНИЙ ГОНЧУКОВ
 СИТЦЕВ КРАЙ
- 54 ИРА ДАНИЛОВА
 НАКОЙ НАМ НОВЫЙ ГОД
- 57 ОЛЬГА ЮДИНА
 ПОДАРКИ ГОСПОЖИ ДЕСТИНИ

ПОЭЗИЯ

- 60 ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ
- 67 НАТЯ МАЛИНОВСКАЯ
- 71 ИРИНА КРУПИНА

ПРОЗА

- 80 ВИТАЛИЙ ТРЕТЬЯКОВ
МЫ, ШКОЛЬНИКИ 60-Х. ВОСПОМИНАНИЯ
- 88 РЕМИ ЭЙВЕРИ
ПЛОД
- 93 ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА
АМНЕЗИЯ
- 110 ДЕНИС БАННИКОВ
НОЖА, БЕЗ КОТОРОЙ МОЖНО ОБОЙТИСЬ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

- 134 ЕГОР АППОЛОНОВ
ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ: «МЫ НА 95% СОСТОИМ ИЗ ПРОШЛОГО»

НАША ПОБЕДА

- 152 МИХАИЛ БУТОВ
СООБЩЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ
- 156 АННА МАТВЕЕВА
САМАЯ ЧЕСТНАЯ КНИГА О ПОСЛЕВОЕННОМ СССР
- 159 ФЕДОР ШЕРЕМЕТ
САМЫЙ ДОВОЕННЫЙ ФИЛЬМ О ВОЙНЕ

Юность №12
ДЕНАБРЬ 2020

Тема номера:
Новый год

| Юность №12
| Денабрь 2020

| Тема номера:
| Новый год

НОВЫЙ ГОД

ТАИНСТВЕННЫЙ МАГНИТ

О «ЮНОСТИ», НОВОГОДНЕЙ И БЕСКОНЕЧНОЙ



СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

Однажды вечером 31 декабря я выгуливал во дворе собаку. На тонком снегу с цоканьем отпечатывались когтистые лапы.

Где-то совсем близко раздался бешеный вой, и темноту разорвал цветастый фейерверк. Собака с силой рванулась, а я, сплеховав, не удержал поводок и побежал за ней, призывно крича, среди свиста, грохота и вспышек.

Бег оборвался возле подвала, в продох которого она умудрилась занырнуть, и теперь лаяла оттуда, беспомощно тыкаясь в отверстие мордой.

Вытащить или выманить ее было невозможно, найденный дворник ничем не помог, пришлось звонить спасателям. Я ждал их долго, всю новогоднюю ночь, длившуюся бесконечно, наблюдая из мрака и холода девятиэтажный праздничный дом: перемигивание гирлянд, голубые зарницы телевизоров и просто яркий свет окон, блестящих, как облизанные леденцы.

Двор гудел и орал, снова жахали в небо фейерверки, а я наборматывал Иве бессвязные слова успокоения.

Когда подвал вскрыли и осветили и мы бросились друг к другу, я обнаружил, в окружении чего она провела эту ночь. Это были похужшие книги, может быть, оставшиеся от кого-то из жильцов. Отдельно стояла высокая стопка журналов. Я протянул руку и стал перебирать номера с узнаваемыми пестрыми

обложками, с неизменной девушкой, чьи волосы из листьев, и именами тех молодых, которые успели стать старыми или уже ушли.

Мы брели под мелким рассветным снежком: освобожденная Ива, подвальная «Юность» – номеров пять под мышкой.

А теперь, лет пятнадцать спустя, пишу предновогодние слова в «Юности», которая продолжается. Которая бесконечна.

Подозреваю, многим из читающих эти строки приходило в голову: скорее бы ты прошел, 2020-й. Уходи уже, сваливай, нестерпимый...

Дотянуть бы последние метры простреливаемой территории, плюхнуться в окопчик, припасть к новогоднему столу, под защиту хвойных крыл.

Загадывать – занятие нелепое. Такое уже бывало не раз, когда после трудного года кругом благословляли грядущий, а он-то и оказывался самым беспощадным.

И все же понадеемся на снисхождение стихий и уж точно отнесемся с пониманием к тем, кто, вытесняя дурное и страшшее, спешит очутиться в 21-м, еще пребывая в 20-м. Неслучайно в этом году по всему миру отмечен симптом радикального предпразднества: сильно заранее устанавливают елки, развешивают гирлянды, украшают витрины.

Пир как противоядие чуме, будто бы за порогом, едва перешагнем все эти мандариновые корки и скользкие блестяшки, все будет совершенно иначе.

Сколь многим хотелось бы, обернувшись в темноту, облегченно бросить: «Год ловил меня и не поймал».

Но и наивные радости, и смелые надежды, и хмельные смешки имеют горчащий привкус.

Горечь присутствует и в этом номере, хотя мы постарались сделать его светлым, летучим, местами легкомысленным.

Слишком велик помянник усопших, в том числе людей литературы...

Умерших по разным причинам, но в 2020-м.

Так, в марте умер Эдуард Лимонов, написавший свою первую и последнюю колонку для «Юности».

2020-й для журнала юбилейный, 65 лет. Не до торжеств, но хочется думать: за этот год осуществлено немало.

Стартовала премия журнала, и сильное жюри будет весь год отбирать лучшее в жанре малой прозы.

Премия, между прочим, имени Валентина Катаева, придумавшего «Юность» и ставшего ее первым главредом, человека, как мне кажется, таинственным магнитом своей судьбы притянувшего меня сюда.

Но сколько их, этих магнитов и поводырей...

Такса Ива, старушка, может быть, тогда ты понеслась молодой стрелой в тот подвал, потому что учуяла что-то по-настоящему важное?

Журнал в новом году собирается быть только ярче – во всем.

Нынешняя «Юность» – это обновленный внешний вид (сочетание традиции и современности), сайт, где и архивы (ничто не пропало, ни один номер за 65 лет не утрачен!), и новости, и постоянные публикации того, что не всегда умещается на бумагу или выскакивает в сеть с пылу с жару. «Юность» – это знаковые писатели и львиная доля совсем юных, для которых здесь возникает родная среда. И специальные выпуски – то с премией «Лицей», то с литераторами из Сибири...

«Юность» – это читатели, оставшиеся нам верными во время испытаний, и новые, которых становится все больше.

Будем продолжать!

Пишу эти строки, а сам все еще вижу отпечатки когтей на тонком снегу под светлеющим небом, и несу под мышкой новогоднюю находку – пестрые легендарные журналы, от которых веселее.

НОВЫЙ ГОД КАК ПРЕДАТЕЛЬНОСТЬ



ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ
Поэт, прозаик и эссеист.
Родился в 1968 году
в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института. В 2007 году в рамках фестиваля «Территория» избран королем поэтов. Был автором и ведущим программ

о литературе на «Радио России» и радио «Нультура»: «Записки неопита», «Своя колокольня», «Свободный вход», «Воскресная лапша», «Поэтический минимум». Автор множества книг стихов и прозы.

Когда-то, давным-давно (будем считать, под Новый год), к советскому психологу и врачу пришел странный пациент. То есть, конечно, ничего странного в нем не было – дяденька и дяденька, – и даже просьба у него была обычная: проверить свою память. Все мы что-то с возрастом начинаем забывать. И вот тут как раз и начинается странность: дело в том, что память пациента работала ненормально, как бы в обратную сторону: он ничего не мог забыть. Ни одного воспоминания стереть он не мог.

Как такое может быть?

В своих бумагах доктор записал его как пациента Ш. По профессии Ш. был репортером в одной из газет и несколько раз уже привел в недоумение своего начальника, когда тот с утра раздавал своей команде задание, сообщая им, куда они должны пойти и что должны узнать. Никогда Ш. не воспользовался ручкой и бумагой. Просто запоминал это и мог все запомненное без запинки повторить.

Главный редактор несколько раз пытался поймать его на неточности, но всегда оказывался в проигрыше.

Тогда он заинтересовался этой странной особенностью своего подчиненного и стал задавать Ш. вопросы о его памяти, но тот высказал лишь недоумение: разве то, что он запомнил все, что ему было сказано, так необычно? Разве другие люди не

делают то же самое? Тот факт, что он обладает какими-то особенностями памяти, отличающими его от других людей, оставался для него незамеченным.

Тут и выяснилось невозможное и огромное, как елка в детстве: у Ш. действительно память оказалась аномальной – он помнил все.

...У меня с памятью с детства было не слава богу: я забыл, что на конверте с пластинки Булата Окуджавы эта песня названа «Прощание с новогодней елкой». То, что все начиналось с синей кроны и малинового ствола, было неважно: мало ли какой текст начинается с описания природы. Такой природный параллелизм, или просто все начиналось на новогодней неделе. Я, только уже вырастая, как то же дерево, понял, что там, в песне, поется о елке. А мне в отрочестве казалось, что о женщине.

*Синяя крона, малиновый ствол,
звяканье шишек зеленых.
Где-то по комнатам ветер прошел:
там поздравляли влюбленных.
Где-то он старые струны задел –
тянется их переключка...
Вот и январь накатила-налетел,
бешеный, как электричка.*

Вот она входит, как Настасья Филипповна, и садится, нервная, у окна. Кто эти мужчины, что тол-

Это как маленький Судный день: когда ангел ничего не забудет, когда ты будешь стоять перед ним, недавно умерший, а он откроет свою огромную белую снежную книгу.

пятая вокруг, что им надо (ясно, что им надо). Ей грустно, она балованная, но знает, что когда-нибудь все кончится.

*Мы в пух и прах наряжали тебя,
мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя,
словно на подвиг спешили.
Даже поверилось где-то на миг
(знать, в простодушие сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным.*

Почему я не понял, что женщины той очарованный лик – это просто о женщине, даже не другой, а вообще иной, не древесной породы? Это не Настасью Филипповну они обряжали в прах и пух, а елку, дерево, минутную, недельную игрушку новогодних горожан. Это не про ту, резкую, гордую, иногда вздорную, женщину речь – это просто про ель. Метель, капель, постель. Ужель. (Если хочется чего-то пушкинского.) Это не женщину предали эти молодые повесы, не женщину, уже отплакавшую свое и знающую свой будущий удел, они отправили сперва вон из сердца и шутовского поклонения, а потом и в последний путь (чахотка, рак, истерическая склянка яда).

*В миг расставания, в час платежа,
в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!
И утонченные, как соловьи,
гордые, как гренадеры,
что же надежные руки свои
прячут твои кавалеры?*

Предали? Забыли? Полюбили других?

Где вы, мальчики прежней поры? На кого вы оставили ее? Почему никто не вышел вперед, не сказал: «Это не вас я целую, это все страдание в вашем лице я целую» – почему на ней никто не женился?

*Нет бы собраться им – время унять,
нет бы им всем – расстараться...
Но начинают колеса стучать:
как тяжело расставаться!
Но начинается вновь суета.
Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста,
и воскресенья не будет.*

Это самое страшное – в этой песне. Она все-таки что-то сделала с собой, убежала наверх, когда поняла, что все рухнуло, все пошло прахом (не тем, первым, игрушечным, в который обряжали, а настоящим, земным, пылью неудачи), что-то выкрикнула им в побледневшие лица (а у одного лицо судорогой прошло – но все равно не вышел вперед, не сказал: «Я буду с тобой, мне все равно, что их так много. Я все страдание в тебе люблю. Не отдам»).

Или наоборот: просто – без сцен – тихо увяла, сгорела. Платок, пятно крови, чахоточная грудь: где ваше веселье, мальчики?

(Они еще смущенно толпятся в дверях, потом по одному уходят.)

*Ель моя, Ель – уходящий олень,
зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная тень
в хвое твоей затерялась!
Ель моя, Ель, словно Спас на Крови,
твой силуэт отдаленный,
будто бы след удивленной любви,
вспыхнувшей, неутоленной.*

И даже тут «ель моя, ель – уходящий олень» ничего мне, тому, отроческому, не подсказала. Ну опять вспомнил Окуджава про елку, закольцевал с началом, сюда же и олень, неожиданно выпрыгнувший, не считать же это за обращение. Вот где про нее, про героиню: «осторожная тень» – а все прочее только для красоты и сравнения.

...Пациент Ш., конечно бы, так этот текст не считал. Он бы все услышал правильно. Он все помнил и ничего не забывал.

Невропатолог, заинтересовавшийся его необычным случаем, сперва предложил Ш. ряд слов, потом ряд чисел, а затем и ряд букв, которые он медленно читал или показывал пациенту в письменном виде.

Ш. внимательно выслушивал или читал то, что ему предлагали, а потом в идеальном порядке воспроизводил все по памяти.

Это было похоже на новогодний фокус.

Когда задачу усложнили, и пациент закрыл глаза, и ему продиктовали ряд в 70 слов, а потом чисел, он все равно сделал паузу, мысленно проверил в памяти услышанное, а затем без ошибок снова воспроизвел весь этот длинный ряд. (Это как маленький Судный день: когда ангел ничего не забудет, когда ты будешь стоять перед ним, недавно умерший, а он откроет свою огромную белую снежную книгу.)

...Героиня моей песни Окуджавы (песни, которой никогда не было) тоже ничего не забыла. Предательство есть предательство, ненадежные руки гренандеров есть ненадежные: оставившие тебя руки, они разжимаются, и этого уже никогда не забыть.

И теперь, когда я наряжаю елку или вижу, как она стоит, наряженная, смешная, как любая невеста, я всегда думаю не о Новом годе, не о несбыточном, но обещанном новом счастье, а о предательстве – грядущем и не отменимом. С которым ничего нельзя поделаться. И с которым, к слову сказать, никто ничего и не собирается делать.

Потому что мы уже, все тут решившие пообещать друг другу новое счастье, на это скорое будущее предательство заранее подписались.



ПРАЗДНИК ОТЛОЖЕННОГО ЧУДА



ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства

«Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

А еще – помните? Вас ведут за руку в цирк. Или зоопарк. Вот оно – наконец. А вам грустно. Заранее грустно, что оно наступило и через несколько часов вам уже станет нечего ждать.

Первое января в детстве было одним из самых грустных дней в году.

Радостное предвкушение, вскипавшее в ней в последнюю декаду декабря, внезапно гасло вскоре после двенадцатого удара часов, словно под ним резко выключали пламя газовой конфорки.

Заключительные дни года были полны радостными сюрпризами: то утренники в детском саду или школе, то купленная на развернутом рядом со школьным двором базаре елка – и снимаемые с антресолей темной комнаты игрушки в старой, потертой и запылившейся бордовой картонной коробке. Из-под чего была коробка, неведомо, известно только, что она была немецкая. В ней эти самые игрушки в свое время бабушка с дедушкой привезли из Германии, когда деда – военного фельдшера – перевели служить домой и семья с двумя детьми вернулась в Москву, в Малый Комсомольский переулок. Если хорошо присмотреться, на крышке можно было разглядеть почти стершийся рисунок и немецкие слова с точками над буквами, как у «ё», но пока они ее интересовали, языка она не знала, а когда начала учить, интерес к коробке уже был потерян. Ее всегда привлекали диакритики в разных языках –

умлаут в немецком, трема во французском, псили в греческом – как будто какой-то другой ребенок, не она, решил разрисовать скучный типографский шрифт.

Игрушки в коробке были разные: до моды на дизайнерские однотонные елки было еще очень далеко. Каждая игрушка завернута в газету – берешь в руки и не знаешь, что внутри, пока не развернешь пожелтевшую бумагу. А потом – радость узнавания, воспоминания, страх за сохранность. Целая коробка сюрпризов. Некоторые шары – тончайшего стекла, совсем невесомые. Как один из них – сине-фиолетовый – упал и рассыпался в тысячи искр, застрявших в щелях паркета, она помнит до сих пор, и до сих пор при воспоминании отчего-то испытывает щемящее чувство утраты: тонким немецким шаром разбилась маленькая, но важная часть ее детства. Кажется, именно в этот момент она впервые осознала, что значит «навсегда», когда уже ничего нельзя исправить. Игрушки. Серия маленьких чудес с главным чудом – макушечной звездой.

Как в России в Новый год всегда показывают «Иронию судьбы», так в Германии – короткометражку «Ужин на одного» (Dinner for one, также известную как «90-й день рождения»). В ней старая женщина и ее дворецкий устраивают званый ужин на несколько человек, которые давно уже умерли. Они

Первого января карета превращалась в тыкву, а елочные украшения – те самые, из коробки, – становились фальшивыми.

собирались так каждый год в день ее рождения, их становилось все меньше, теперь – в свои 90 – осталась она одна с верным Джеймсом. Женщина ужинает и как ни в чем не бывало болтает со своими друзьями, роль каждого из которых по очереди играет дворецкий. Все сцены фильма предваряет обмен одними и теми же репликами:

- Та же процедура, что в прошлом году, мисс Софи?
- Та же процедура, что и в каждом году, Джеймс.

Та же процедура.

Ей было десять, когда родители перестали ставить елку. Но достаточно просто закрыть глаза, и – разрезание веревок на внесенном с балкона коконе, щепочки, крепящие ствол в крестовине, пыльная картонная коробка с игрушками, немецкая же электрическая гирлянда с имитацией свечей: «Та же процедура, что и в каждом году, Джеймс».

Еще несколько лет после того, как точно поняла, откуда берутся новогодние подарки, она отвечала родителям, что в Деда Мороза верит. Практического смысла эта ложь не имела никакого: подарок в любом случае был один (однако был всегда, даже в суровую первую половину 90-х, когда экономили на всем), и обман ничего в этом отношении не менял. Был у него другой, метафизический, смысл, не формулируемый, но интуитивно ощущаемый правильным: задержать для родителей время, когда она еще верит в чудо, и даже если они все уже про нее поняли, упорствовать в своей псевдовере. Семейная игра в поддавки: ребенок бережет для родителей драгоценное время собственного детства, родители радостно обманываются, что он еще хочет верить в сказку. На самом деле все уже всё понимают, но оттягивают момент того самого очередного «на-всегда».

Лишенным практического смысла был еще один ритуал: когда подарок вдруг появлялся под елкой, замечался он, разумеется, сразу... И тем не менее она старательно делала вид, что ничего не видит,

до тех пор, пока мама или папа не обратят на него ее внимание. Словно для радости обладания требовался какой-то условный сигнал, разрешение на счастье, без которого это самое счастье нелегитимно.

А дальше – у Золушки часы били двенадцать, ей в Новый год везло чуть больше, у нее были лишние час-полтора, пока не отправят спать. Ложилась она всегда с чувством усталости и легкой досады, что все уже позади, до дня рождения еще так долго, а Нового года ждать и вовсе целый год. Утром первого января ощущение это усиливалось, и день проходил в неприкаянных скитаниях по квартире в тщетных попытках себя чем-нибудь занять. И даже если по телевизору показывали что-то очень интересное (что тогда было скорее исключением, нежели правилом), это не приносило радости, а лишь множило внутреннюю пустоту и досаду: зачем ОНИ пытаются замаскировать тоску и бестолковость этого дня? Как в заезженном анекдоте про фальшивые елочные игрушки, которые в точности как настоящие, только не радуют. Первого января карета превращалась в тыкву, а елочные украшения – те самые, из коробки, – становились фальшивыми. Еда с черствых именин, правда, все еще оставалась вкусной – в течение года так не готовили, – но на настроение повлиять не могла.

Чувство, готовящее нас ко взрослой жизни: попытки имитировать радость и множество разнонаправленных усилий, уходящих в хлопок.

Кстати, о хлопках. В том же начале 90-х на Новый год вместе с бенгальскими огнями всегда зачем-то покупали хлопушки с сюрпризом. В новогоднюю ночь дело до них обычно не доходило, и хлопнуть их выходили во двор на следующий день. Хлопушки эти были лучшим символом первого января: многообещающая надпись про сюрприз и веселье на поверку таила в себе горстку тусклых конфетти из дешевой цветной бумаги и крошечное пластиковое нечто с едва угадываемыми очертаниями. Нечто было совершенно неприменимо, уродливо и ничего, кроме разочарования, не приносило. На некоторых станциях железной дороги ставят предупреждающие знаки для пассажиров: «Находиться в междупутье опасно». Первое января, формально будучи началом года, на деле и есть такое междупутье, день сонного морока.

Удивительное свойство: первый день нового года в детстве тянулся мучительно долго, но когда наступал вечер и надо было ложиться спать, казалось, что пролетел он стремительно. Пусто, маетно и тоскливо.

А в ночь с первого на второе января, когда все спали, год от года вдруг случалось настоящее новогоднее чудо: тоска по прошедшему празднику куда-то волшебным образом исчезала, подарки снова начинали радовать, телепередачи – интересовать. Новогодняя радость, вчера надежно затаившаяся где-то, сегодня – пара-выра-за-себя – вдруг возвращалась, озираясь, ступая мягко и осторожно.

Жизнь возвращалась в привычную колею. Впереди были бабушкин день рождения и Рождество – праздники без детских подарков, но, в отличие от фальшивых елочных игрушек, настоящие, с тихим ощущением случившегося чуда.

Циничные журналисты делят информационные поводы на «тухнувшие», то есть те, которые надо отписывать стремительно – или уже не трогать, забыть, и «нетухнувшие». Среди нетухнувших есть циклические: которые вроде бы и устаревают, но стоит немножко подождать – и они снова актуальны. пляжный сезон, первое сентября, Новый год. Время, когда можно достать слегка помятые листы из издательского портфеля и, освежив их парой новых идей и эмоций, снова взять в работу. Каждый из нас под Новый год – такой портфель с пожелтевшими листами: одни и те же ожидания, чувства, предвкушения, ритуалы, разбавленные парой главных эмоций от уходящего года. Ощущения, которые мы настолько хорошо знаем в себе, что достаем их с готовностью и ностальгией, осторожно сдувая годовую пыль, бережно, как хранимые с детства елочные игрушки с антресоли, и еще даже не развернув газету, на ощупь, понимаем, какая из них у нас в руках.

«Та же процедура, что и в каждом году, Джеймс». Та же процедура.



ДВА ЧУДА ДЛЯ ЕЛКИ



ВАЛЕРИЯ НРУТОВА
Родилась в 1988 году.
Получила юридическое образование, работает специалистом по информационной безопасности. Участник 18-го и 19-го Форумов молодых писателей, организованных Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ.

Отец сидел в потертом кресле, подперши подушкой поясницу, и сурово, из-под бровей смотрел на меня.

– Мы в детстве знаешь в чем на елку ходили? Мы ходили в костюмах зайцев и волков всяких. Полный утренник зверья и Дед Мороз со Снегурочкой – идеально. А сейчас что? Все супергерои, хоть мир спасай. Ни одного порядочного персонажа, а мир по-прежнему в жопе. Толку от этих Бэтменов?

– Папа, ну звери тоже не слишком-то человеческие, – улыбалась я.

– Ну так они хоть существуют. А супергерои эти – курам на смех. Комбинезон, плащ и трусы. Вот мои документы. – Он бросил взгляд на жену, мою маму, которая старательно подшивала новогодний костюм для внучки.

Подготовка к Новому году шла полным ходом.

– Пап, – прервал разговор семилетний Виталик, мой младший брат.

– Говори, сынок.

– Я не хочу быть супергероем.

– Вот же мёд на мое сердце, иди обниму.

– Я хочу быть расческой.

– Чего? Какой расческой. Что за расческой?!

– Обычной. Массажной.

В глубине комнаты протяжно вздохнула мама, которой придется шить костюм расчески для любимо-

мого сына, потому что в нашей семье все носят то, что хотят...

Виталик невозмутимо смотрел на отца, отец, не мигая, смотрел на внучку, мою дочь, играющую у него в ногах, а я выжидала время, чтобы задать гвоздь-вопрос этого вечера: «Почему именно расческой?!»

Через мгновение я отказалась от этой мысли, потому что отец сам нашел исчерпывающий ответ:

– А знаешь, ты прав. Расческа – это вещь! – Отец поднял указательный палец вверх. – И пока эти бесполезные супергерои пляшут за конфетки, она людей людьми из обезьян делает.

– Это ж труд делает? – не удержалась я.

– Труд уже свое сделал, теперь дело за расческой. В углу снова застонала мама.

Мы с дочкой, четырехлетней Людой, приехали к родителям на новогодние каникулы. Моя мечта сбылась – целая неделя в теплом, уютном загородном доме. Родительском доме, где ранние подъемы всегда не по будильнику, а по желанию, потому что за окном мороз и поздний красочный рассвет. Его хочется фотографировать, снимать на видео и выставлять в социальные сети. В сетях, конечно же, никто не оценит всей его прелести, зато у меня останется подтверждение существования этого момента и меня в нем. И как люди жили раньше без возможности делиться своим миром с окружающими-

ми? С окружающим миром, бесконечно сравнивая его разновидности.

Утро в этом доме пахнет вечной глазуньей и тостами. Глазунью ест папа, вот сколько его знаю, столько и ест. А тосты ест Виталик, он макает их в молоко и кусает, вытянув шею так, чтобы молоко не капнуло на брюки или скатерть. С сегодняшнего дня в доме запахло еще и богомерзкими шпикачками, которые едим на завтрак мы с Людой.

– Лена, не понимаю, как ты можешь это есть, еще и ребенка кормить, – каждое утро будет вздыхать мама.

А я буду пожимать плечами и, подражая ее интонации, сокрушаться над зависимостью от глутаматов и отсутствием мозгов в «красивой голове».

Голова у меня красивая и умная. И одинокая. В день рождения Люды муж спустился на этаж ниже и отметил праздник с новой соседкой, которая купила квартиру на первом этаже перед самым Новым годом. Своего рода чудо, вообще. Эта квартира долго не продавалась. А та девушка буквально мимо проходила. Мы познакомились с ней в новогоднюю ночь, во дворе. Она пила розовое вино прямо из горлышка и держала в руках палку-салют. Говорила, что отмечает в одиночестве, но выглядела она такой счастливой, что я тоже захотела праздника в одиночестве. Ну и пожалуйста, следующий Новый год отмечала одна, ну как одна, с полугодовой Людой на руках. Я держала ее на коленях и старательно зажимала ей уши, чтобы ребенок не испугался грохочущих фейерверков.

Ну а последующие праздники мы с Людой уже отмечали у моих родителей.

Потому что: раз – я продала квартиру в том доме и вернулась в родной город, где жили мои родители, два – ребенок подрастал, и в частном доме ему можно было дать больше свободы – воздуха, прогулок, сугробов и бабушко-дедушкиной любви.

В этом году Люда впервые собиралась на утренник. Она изъявила желание быть елочной игрушкой, и бабушка с радостью принялась за заказ. Ее швейный стол всегда стоял в гостиной, потому что мама с папой редко закрывались друг от друга в разных комнатах. Она шила, а он читал, изредка они поглядывали друг на друга и улыбались. Тридцать лет вот так – глядели молча друг на друга из разных углов и улыбались.

Мама завалила пространство вокруг серебряным тюлем, лентами, блестками, стеклянрусом и бисером. А я, наблюдая, как в ее руках искрится будущий костюм моей дочери, втайне мечтала тоже стать елочной игрушкой и надеть еще хотя бы ра-

зочек какой-нибудь новогодний наряд и пуститься в пляс вокруг елки, держа за руку медведей, зайцев и других сказочных персонажей.

Но отец прав, в мире не осталось персонажей из сказок. Сплошь псевдогерои, спасающие псевдомир. Мир, превратившийся в картинку в социальных сетях, ну, в крайнем случае, в пятнадцатисекундное видео. Видео, которое лично я предпочитала бы смотреть без звука. Потому что многие вокруг меня выглядят гораздо достойнее, чем звучат.

Виталий будет расческой – костюм уже утвердили на семейном совете, придумали, где взять «щетину» и как прицепить к затылку. А на животе я предложила сделать зеркало. Виталику идея понравилась.

– Ко мне все девчонки на утреннике будут подходить и разглядывать себя, – довольно заявил он.
– А тебе не рановато девчонкам клеить? – улыбнулась я.

– Лена, не рановато. Надо практиковаться хорошенько, чтоб потом не попадать впросак, как теоретики.

Ух. Мама с папой посмотрели друг на друга, улыбнулись, потом глянули на нас и снова погрузились в свои дела. Мама – в расческу, папа – в финансовые документы своей компании.

– Ты даже под Новый год не даешь себе отдыха? – не удержалась я.

– Доча, кто, если не я?

– Сейчас принято делегировать. Даже курсы такие есть, представляешь?

– Сейчас курсы даже как посра... ой, в общем, как кофе попить есть. Это не значит, что надо за этим бредом следить. В моей компании все занимаются своими делами. А я – своими.

– Это правильно. – согласилась я. И согласилась совершенно искренне.

– А у тебя на работе что?

– Все хорошо. Уволилась. Ушла на фриланс пока. Деньги те же, свободы больше.

И это была правда. Мне стоило большого труда оставить офис и перейти на домашнюю работу. Нет, меня никто не заставлял, и коллектив абсолютно устраивал. Просто количество заказов на фрилансе росло, с ними рос доход, и я поняла, что надо решиться – либо туда, либо сюда. Иначе привет недосып, усталость и раздражительность.

Первую неделю дома я никак не могла собраться, сконцентрироваться и отвлекаться на посторонние дела. Мне вдруг захотелось все чистить, мыть, выкидывать хлам и перебирать старые вещи. Я дотягивала заказы до критической отметки – до

Она каждое утро подходит к коллекции, выбирает себе любимчика на сегодня, кладет в карман и ходит с ним до вечера. Вечером ставит на место, а утром выбирает нового.

делайна – и писала их потом ночами. Через неделю я поприветствовала тех самых «недосып, раздражительность и усталость», а заодно и серо-зеленое лицо, красные глаза и непрерывно колотящееся от кофе сердце.

Так я научилась планировать время, устроила себе уютное рабочее место, купила крутую кофеварку, перестала терпеть глупое прозвище, которым меня одарили коллеги – Елка, – и отдала Люду в детский сад. Раньше дочка сидела с няней.

– Интересно, а чего не говорила? – Видно было, что папа напрягся.

Его всегда мучило то, что он может не заметить, что мне нужна помощь. Зря, я считаю. Я всегда с проблемами шла именно к нему. И продолжаю идти.

– Да ты знаешь, я как-то внутренне не заметила особых перемен. То есть я как бы не уходила никуда и так же работаю – та же специальность, те же проблемы с «самыми умными» заказчиками. Я вообще сейчас только осознала, что не рассказала вам про увольнение.

– А, ну ладно. – Папа успокоился и снова уткнулся в бумагу.

Люда в это время напихивала в его тапочки игрушки из киндер-сюрпризов. Из тех яиц, что продавались в девяностых, – с крутыми игрушками и коллекциями. Я собирала их и выставляла на стеклянном столике в холле. Под полкой с маминкой косметикой. Они так там и стоят до сих пор. Стоят и вызывают у Люды просто какие-то волны восторга и радости. Она каждое утро подходит к коллекции, выбирает себе любимчика на сегодня, кладет в карман и ходит с ним до вечера. Вечером ставит на место, а утром выбирает нового.

– Вся в мать, – каждое утро смеется мама.
– И мать в мать, – смеюсь я в ответ, а папа нарочито недобро хмурится, подыгрывая нам.

На утренник, который организовали в компании отца, мы пошли всей семьей. Тридцать первого числа в одиннадцать часов. Мне кажется, идеальное время для утренника. Дети с утра подготовленные, получившие мощный заряд сказки, раньше засыпают в новогоднюю ночь, а еще – дольше верят в Деда Мороза.

Почему-то потерять веру в Снегурочку не так страшно, как в него. Признаться, где-то глубоко внутри я и сейчас верю в Деда Мороза, ежегодно жду от него подарков, прекрасно понимая при этом, что приоритет всегда останется за детьми. А их много. Так много, что одаривать верящих дылд вроде меня накладно.

Но, помимо подарков, есть еще и чудеса, на которые, собственно, я и рассчитываю.

Отношения с чудесами у меня взаимные – они любят в моей жизни случаться, а я люблю их приветствовать и принимать от всей души. Даже последнюю пачку молока в магазине я считаю настоящим чудом. Ведь до другого магазина идти далеко, а Люда кашу на воде есть не будет. Или вот еще: разве не чудо, что все мои заказчики дисциплинированно отправили задачи заблаговременно, тем самым дав мне возможность выполнить всю работу до Нового года и уехать к родителям аж на целую неделю. Я бы и тут поработать могла, но расслабиться и ничего не делать намного приятнее. О'кей-о'кей, история с бывшим мужем не в счет... Но и тут есть место чуду. Если бы не все это, я так и осталась бы далеко от родителей, в городе, где мне было грустно, скучно и одиноко.

В общем, давайте чудеса! Я здесь, вся по-домашнему уютная и спокойная, готова к переменам, чудесам и новому году с его новым счастьем.

Конечно, так не интересно. Счастливые истории должны случаться с кем-то, кто переживает что-то страшное в жизни. Для них уготован Новый год и все его события. Для всех, кто заблудился, запутался в себе и в жизни, кто очерствел душой – для них Новый год и его рождественская история. Чтобы увидеть ангелов прошлого, настоящего и будущего – и переосмыслить свое существование. И право на него.

Для всех, кто с печалью смотрел на витрины с едой, кто считал гроши, надеясь найти в разодранном кармане хоть крошку, если не еще одну копейку, – им чудеса нужнее. Им нужнее голливудские герои с пачкой денег в пакете из-под бургеров. Для

детей, которые засыпают с мыслями о родителях. Одни с мыслями, чтобы эти родители появились, а другие – с мыслями, чтобы уже имеющиеся папа с мамой их полюбили наконец и хоть один вечер не лупили почем зря.

Для них – чудеса.

А не для таких, как мы – счастливых и удовлетворенных своей жизнью. Сытых и любимых. Я даже мужчину не жду. Знаю, что однажды мы встретимся и все у нас будет хорошо. Смотреть в оба, подыскивать варианты – сейчас не хочу. А завтра будет видно.

И я с радостью отдам свое чудо тому, кому оно нужнее, втайне надеясь, что чудес хватит на всех. Что сама выдумала эту глупую дискриминацию по уровню счастья в крови. Сама стыжусь своего спокойствия, переживаю, что получила его незаслуженно в то время, пока другие получают оплеухи от жизни, сходят с ума или сводят с ума других.

Люда и Виталик, взявшись за руки, кружились вокруг пушистой искусственной елки, украшенной пластиковыми игрушками. Ее неправдоподобно зеленые «лапы» не опускались под тяжестью украшений, потому что пластик легче стекла. Это дома елка – благополучная. Украшенная игрушками со всего мира. Шоколадницей из небольшого швейцарского городка – в пышной юбке, развратно румяным лицом и горячим шоколадом на подносе. Исконно немецким хлопчиком, который, почему-то как брат, похож на швейцарскую деву. Запорошенные снегом избушки, младенцы, персонажи из любимых мультфильмов. Дома на нашей елке можно встретить сразу четыре поколения семьи и половину мира.

А здесь – пластиковое чудо в перьях, которое заслуживает своего маленького чуда.

Я вышла из здания и направилась в сторону торгового центра. У входа, как обычно, в последний день уходящего года гремела ярмарка. Среди множества пластиковых игрушек я наконец-то нашла набор – серебристые шарики и сосульки – шесть штук в наборе. Они стояли как десять коробок пластиковых, совершенно похожих на них. Они стояли намного больше, чем стоили.

Я вернулась на утренник и тихонько подошла к елке, чтобы украсить ее новыми шарами, папа покрутил у виска и одобрительно улыбнулся.

Моя дочь в костюме только что купленной мною елочной игрушки рассказывала Деду Морозу стишок. Только рассказывала на ухо и активно жестикулировала при этом. Не удивлюсь, если старик подарит ей сразу две конфеты, а не одну. И правда,

Люда получила две конфеты из кармана Деда Мороза, куклу из мешка и сладкий набор в виде пряничного домика, взвизгнула, подпрыгнула и помчалась ко мне, с трудом удерживая все это добро, но не сбавляя скорость. Добежав до меня, она сунула одну конфету мне в карман, а вторую протянула и сказала:

– Мама, повесь ее на елку. А то ведь у нее *рота* нет, но конфетки и она любит.

И убежала.

Я повесила на елку ее личное второе за сегодня чудо и пошла искать Люду с Виталиком, чтобы собраться в обратный путь.



МАШКА

Пути, говорят, неисповедимы. И один такой я решила сократить или, как говорят, срезать через дворы, чтобы быстрее добраться к месту назначения.

– Тихо! Машка Иисуса рожает! – услышала я голос и обернулась.

– Что?! Опять?!

Две старушки в одинаковых серых пуховиках и в лохматых шерстяных платках поверх шапок стояли под окном первого этажа и старательно, но так, чтобы их не было заметно из квартиры, прислушивались к происходящему за стеклом. Даже на цыпочки приподнимались.

Не знаю, кто бы на моем месте поступил иначе, но я подошла к старушкам и шепнула:

– Что происходит?

– Подожди, дослушаем – потом расскажем, – шикнула на меня та, что любопытнее.

Вторая выглядела уставшей, видимо, действие и вправду было им уже не в новинку.

Она внимательно посмотрела на меня и спросила, прищурившись:

– А ты кто такая?

– Я в семьдесят второй дом иду. Квартиру купить хочу. В этом районе. Вот иду посмотреть, – зачем-то отчиталась я.

– Вот и иди себе. Сюда заходи, в этот подъезд. – Старушка ласково пихнула меня в плечо и пока-

зала, куда идти. – Там Светка наша, Света Леонидна... Квартиру продает. Чего далеко ходить? В семействором алкаши одни живут.

Бабулька потеряла ко мне интерес, а я, словно под гипнозом, зашла в подъезд, поднялась на первый этаж и, под крики рожающей Иисуса Машки, нажала на звонок у двери своей будущей квартиры.

* * *

Светлана Леонидовна оказалась статной, я бы даже сказала, величавой пенсионеркой. Ну, не без лохматого платка на вешалке в коридоре, конечно же. Она радушно, словно и не удивилась вовсе, пригласила меня на кухню, где «вот-вот чайник подойдет». Чайник подошел как раз к тому времени, когда я уже без верхней одежды и с вымытыми лавандовым мылом руками вошла на кухню.

Старушка... Хотя, наверное, лучше ее называть «пожилая женщина», выставила на стол белоснежный фарфоровый чайник с синим корабликом, дрейфующим по волнам, две чашки из того же сервиза, розетку с вареньем и печенье.

– Знаете, я думала, квартиру выбирают как-то по-другому, – хихикнула я.

– Это другие по-другому выбирают. А я тебе свое намоленное место продаю, надо познакомиться. – Она протянула мне маленькую мельхиоровую

ложку и тяжело опустилась на стул. – Меня внуки в деревню забирают. Вот ведь как бывает. Не старики внуков в деревню на лето или навсегда ждут, а наоборот. У меня двое их – внук и внучка. Продали все и в фермеры подались. Там, я тебе скажу, целая плантация. Любая донна Роза позавидует.

- А вы сами-то хотите?
- Хочу, конечно. Оно на земле всегда хорошо. Внуки под боком, правнуков мне выдадут на попечение и в свои поля пойдут. Чем плохо?
- У них и продукты свои небось. Чистые, – где-то даже глубоко в душе позазавидовала я Светлане Леонидовне.
- Конечно, милая. Молоко, мясо, овощи. Соседи фрукты выращивают, клубника круглый год есть. Вот они и сказали: «Поехали, бабушка, к нам навсегда. Чего в городе выхлопами дышать». Еще знаешь, внук Артемий – такую бороду отрастил, рубашки в клетку носит – ну прям артист из сериала. А внучка – сестра-близнец его. Алиса – она и постройнела там, и окрепла так характером. Ух!

Светлана Леонидовна легко перескакивала с описания быта внуков на историю их родителей, потом возвращалась к квартире, буквально на пару слов. Затем пододвигала ко мне розетку с вареньем и обязательно уточняла, какого года малина и кто «своими собственными» руками ее собирал.

Рассказы были настолько занятными, что я забыла о Машке и ее родах, списав все происходящее на совпадение имен. О кошке небось речь шла, а я и прицепилась.

- Что? – Такое ощущение, что я пропустила нечто важное.

Светлана Леонидовна уставилась на меня и выжидала ответа.

- Нравится квартира-то?
- Квартира, в которой подают такое чудо-варенье, не может не нравиться. – Самое интересное, что я даже не знала в тот момент, сколько комнат в квартире, каковы площадь и планировка, требуется ли ей ремонт...
- Ну так и бери.

Ну так и взяла. Нам потребовалось не больше месяца на улаживание всех бюрократических проволочек. И уже в середине декабря я въехала в свои пустые настоящие, но полные будущего апартаменты. Двухкомнатные.

Про Машку я узнала уже после заезда. Ближе к двадцатым числам декабря. Ею оказалась не кошка, а соседка через стенку.

Последний раз Машка показывалась соседям на глаза много лет назад. Тогда еще молодая, счастливая, полная сил и планов на будущее, она стрекозой пропевала лучшие годы своей жизни и меняла мужчин, что в то время вызывало массу пересудов.

Однажды Маша пропала на три месяца, а вернувшись, заперлась дома. Те соседи, что умудрились заметить ее возвращение, говорили, что вернулась девушка вся изуродованная. Ходили слухи, что Машу тогда увезли на дачу какие-то мерзавцы и долго издевались.

С тех пор Маша ни разу не вышла из квартиры, в которой окна навсегда завесили темными плотными шторами, двери открывали только по большой необходимости, а позднее для «особых» гостей. А еще из квартиры раздавались стоны, крики и странные запахи. Я сумела испытать все эти прелести соседства с Машей буквально в первые дни после заселения.

Маша вроде как после тех событий поехала кукушкой, прости господи, и решила, что она та самая Мария, осознавшая весь ужас своего распутства и бесполезного существования, пришедшая к просветлению и готовности быть полезной этому миру. Черному, завязшему в пороках миру.

Маша решила, что она родит Иисуса. Кстати да, у девушки была мама, которая всячески поддерживала ее в этом решении и процессе.

Через некоторое время в квартиру Марии и ее матери начали ходить женщины в серых одеяниях, они крестились перед входом и юркали в приоткрывшуюся дверь. Эти гости приносили продукты, одежду, деньги, как я понимаю, потому что пару раз случались скандалы с перепуганными и возмущенными родственниками. Как мне рассказали, женщины переписывали на Марию свое имущество.

Честно говоря, я испугалась такого соседства. И чего мне в семьдесят второй дом не шлось? Зачем я путь сократить решила? Я с опаской поглядывала на темные окна соседей, когда возвращалась домой, и вздрагивала, когда слышала, что их дверь открывается, приветствуя новых верующих. Мама дорогая, двадцать первый век, а люди с ума сходят!

Рожала Машка без какой-либо системы. Я могла услышать приглушенные стоны и обрядовые песни днем, они могли разбудить меня ночью – стены-то картонные. Гости приходили уже после события – приходили славить малыша. Вот не знаю, какая женщина согласится из года в года, изо дня в день проходить все ужасы родов, – а я как-то отправилась с сестрой на партнерские, знаю, о чем говорю. Тут даже имитировать страшно.

– Да ты не вдавайся. Они в подъезде не гадают, как Василий-алкаш с третьего. И не курят. Та и ладно, пусть живут. Никому плохо не делают. Даже себе, – ответила как-то одна из тех самых судьбоносных старушек.

И я успокоилась. Главное ведь, чтобы человек не делал плохо себе, тогда и другим не достанется. И если Машка видит свое спасение в родах спасителя для всего остального мира, то разве ж можно ее в этом упрекнуть? Она не себя спасает. Она спасает тех, кто сделал плохо ей самой. Спасает через веру и уход от реальности. Надеюсь, она действительно хорошо себя чувствует, находясь в этом теле и в этом состоянии души.

Иногда дверь в квартиру все же открывалась. По ночам. Я тогда возвращалась с вечеринки и, поднявшись на наш пролет, вздрогнула. Дверь открыта, в конце длинного темного коридора висела лампада со свечкой, а рядом стояла тучная женщина в платке. Я не видела ее лица, я видела только уходящий в вечность длинный коридор. Уже потом я поняла, что сбоку и позади лампады висели зеркала. Женщина в платке стояла не шелохнувшись, и я не разобралась спиной ли, лицом ли...

* * *

Эй, артистка!

Я часто виделась с двумя старушками. Они одевались потеплее и прогуливались по заснеженному двору, прерываясь лишь на обеденный сон и вечернее чаепитие.

– Да? Здравствуйте! – ответила я.

– Здравствуйте-здоровствуйте. Ты домой идешь?

Я кивнула.

– На тогда, возьми. – Старушка протянула мне пакет. – Поставь у Машкиной двери. А то самой тяжело тащить. Помоги уж.

– Конечно! Поставить просто? Или постучать еще?

– Просто поставь. Они всегда видят. И всё. – Она махнула рукой и пошла в другую сторону.

В пакете были апельсины, конфеты и бутылка шампанского. Снизу лежало что-то еще, но копать мне было неудобно. Я поставила пакет у двери, стараясь погромче им шуршать, когда устраивала поудобнее, и ушла к себе. Закрыв дверь, я примкнула к глазку, однако увидела только руку, которая змейкой юркнула, схватила пакет и втащила его внутрь.

Я внимательно оглядела содержимое своих шкафчиков и холодильника, достала пачку печенья, компот, который прислала мама к Новому году, сложила

все в самый шуршащий пакет из всех, что были дома, и отнесла к двери Машки.

Вернувшись домой, я поняла, что обычной тревоги нет и ощущение «не-в-своей-тарелке» прошло. Полупустые комнаты не вызвали раздражения, а старые обои не хотелось яростно сдирать до обломанных под корень ногтей. Мне нравились бра, оставшиеся от хозяйки. Нравились пузатые выключатели с язычком. С язычком и шелчком. Нравился вид за окном – заснеженная просторная улица. Второстепенная дорога и именно поэтому не слишком шумная. Эту дорогу даже чистили не каждую неделю, она была покрыта серым, кружевным от автомобильных шин узором. Я знала, что там, на местах белой поверхности, есть маленькие бежевые пятнышки, которые с детства вызывали у меня интерес. А самое интересное, что именно такая поверхность была скользкой и гладкой, своими бежевыми пятнами (автомобильные масла?) призывала нас, ребятню, на веселые покатушки. Главное, чтобы родители не поймали нас на этом деле.

Я глянула на зеленое платье, которое приготовила к празднику, на оливье, которое порубила к столу (мы с друзьями договорились, что каждый принесет с собой что-то вкусненькое и бутылку того, что пьет сам), на свой новый маникюр, укладку, которую сделала вот буквально час назад в салоне. Чтобы сделать ее, я записалась в салон три месяца назад. Я разглядывала себя, квартиру, продукты, удостоверилась, что красная икра на месте, а гирлянда на елке горит по требованию... и осталась дома.

Ровно в полночь я стояла в крошечной темноте, глядела в окно, пытаюсь насытиться счастьем, надеждами и радостью людей, встречающих новый год своей жизни.

Я улыбалась под стоны Машки, рожающей своего очередного Иисуса, и славилась новый год, чокаясь бокалом, полным розового игристого, с уютным стеклянно-деревянным окном своего нового дома.



НАСТОЯЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ



СЕРГЕЙ НУБРИН

Родился в 1991 году в Пензенской области. По образованию юрист, работает следователем. Публикации в толстых литературных журналах («Урал», «Волга», «Октябрь», «Сибирские огни»), автор книги «Между синим и зеленым» (2019), лауреат междуна-

родной литературной премии «Радуга», финалист литературной премии «Лицей».

Бреус орал, как потерпевший.

– Ну вот куда ты, вот куда?

Он старательно крошил мыло, наводил пену. Весь такой правильный, как-никак дневальный, да еще накануне праздника. Комроты обещал, что будет им настоящий президент, заслужили вроде.

Одни возились с прожектором, вторые натягивали простыню. В каптерке стоял телевизор, но в каптерку нельзя даже в Новый год.

– Это вам не это, – сказал сержант Горбенко, – чего тут встали?

Разошлись по команде, рассыпались в горох и опять заступили на службу.

Рядовой Ципруш и рядовой Манвелян тащили елку, три метра над уровнем взлетки. Иголочки уверенно сыпались, а сдача наряда катилась в дребеня.

– Это еще откуда? Да вы вообще, что ли? – завывал уставший Бреус. – Я вам тут чего?

Манвелян виновато пожался, Ципруш махнул рукой, и только сержант Горбенко вступился.

– Шаг пореже! Я тебе иголочки эти в жопу напишаю.

Бреус довольно рассмеялся, но сержант крикнул: «Хули лыбишься», и жизнь пошла прежним солдатским строем.

Служили второй месяц. Еще помнили запах гражданки, но уже свыклись с армейским «есть, так точно, никак нет». Каждый день – последний. Рота,

подъем – рота, отбой; завтра будет завтра. Но сегодня все было иначе. Ждали вечера, как приказа.

– Говорят, не будет отбоя.

– Кто говорит?

– И подъема завтра не будет. Спи не хочю.

Опять крутились возле каптерки. Там в шкафах – все и сразу, невозможное и живое. В двадцатых числах пришло первое довольствие. С разрешения комроты затарились.

– Шире шаг, – громыхнул Горбенко и на зависть жадно зашелестел оберткой.

«С орехами», – подумал Ципруш.

«Птичье молоко», – представил Манвелян.

День сгущался вечером. Блестел центральный проход, звенели золотом гирлянды. По распорядку отпраздничали на ужин. Опять давали рыбу хек, никто не притронулся. Еще три часа. Ну ладно, четыре. С низкого кубанского неба валит скромный дождевой снег.

Капитан Калмыков торопился домой и вот уже шаркал по черному асфальту, чтобы ворваться и разорваться, выпить и закусить и обнять жену, конечно. А потом сказать – как есть, так и сказать. Все равно придется.

Десятой ротой он командовал третий год и каждый раз в новогоднюю ночь оставался на дежурстве: холостой и добрый. Но теперь женился, забылся, и армейская располага заслуженно сменилась простым семейным бытом.

Стол он разобрал еще утром. Прямо с порога услышал и запах горбуши, и лимонного сока, и жареных мясных чего-то там. Жена потянулась, он расплылся, и никакого праздника не нужно – вот оно, счастье, без повода и причин.

– Ты сегодня вовремя, – усмехнулась, а Калмыков уже доставал бокалы.

Шампанское рано, а водочки чуть-чуть можно. Согреться, разогреться, заговорить. Бахнул соточку, и сразу еще. Хорошо-то как стало, господи.

Салатики, рулеты, маринованные огурцы – все как любит, лишь бы знал. Ходила туда и сюда, еще в халате, вся в мыле, без прически, но все равно – боже мой. Тоже молчала. Расскажет сразу после – будет рад, хотели же, планировали. Она трогала живот, и улыбалась, и думала: мальчик или девочка – да без разницы, лишь бы (на выдохе) – ага.

За окном стреляли. Цветное крошево вперемешку с темнотой, и звезды – большие и глазастые – смотрели на эту красоту.

Приготовилась и вышла: платье в пол – новое. Брошку нацепила и сережки – дарил и одаривал. Калмыков не охнул, сдержался, но расцвел и обнял ее крепко и легко одновременно, как может только любящий муж.

– Ты давай-давай, – кивала, – ешь, чего смотришь.

Он ел и выпивал, она тоже: фрукты и овощи, картошечки немного, с вином временила – может быть, сам догадается.

Вдвоем хорошо, и дома – тоже. На пятой рюмке развезло. Краснувший, он откинулся на спинку дивана и запыхтел. В глазах мишура, огни и песни. До курантов – целая вечность, а он – готов. Если пьяный, значит, не считается, как ни крути. Сел ближе, руку на талию, все дела. Лучше сейчас, чем потом: ожидание – хуже смерти.

– Такое дело, – сказал, – ты только не ругайся.

Калмыков посмотрел на нее. Кажется, все поняла. Жену офицера не проведешь.

– Только не говори, что опять, – и впрямь поняла.

– Да-да, – задакал, – это последний раз, но сейчас прямо нужно, больше некому. На месяц всего или на два – как пойдет. Но я постараюсь. Ну, нормально же все, правда?

Встала и ушла, закрылась в комнате. Очередную командировку она могла, конечно, вынести, но чтобы так скоро – только с одной справилась, а теперь другая. А если там чего, а у нее ребенок, и вообще, разве можно так.

Он стоял возле двери и слушал. Приоткрыл: сказала – уходи. Вернулся в кухню, налил коньяка, лимон брызнул.

Приближался Новый год, а ничего не менялось. Никакого праздника, вечный нескончаемый долг.

Минут за сорок до – накинуд бушлат, поправил шапку, и мокрый снег расцеловал его грубое капитанское лицо.

– Отставить радость, – рычал сержант Горбенко, – рано, ра-но!

По слогам и в точку.

– Ну одну конфеточку, ну, товарищ сержант.

На центральном проходе выставили столы. Ленкомната опустела, в каптерке больше ничего. Каждому по два, сержантам – четыре. Бутылки с газировкой в стройном ряду, сладости в пластиковых тарелках.

– Бреусу не наливать, – хохотали солдаты.

Ждали и дожидаться не могли. Горбенко обозначил: как появится – сразу сядем, а то созреете все, как и не было. Президент не появлялся, хоть луч прожектора широко светил на белой стираной простыне.

Зато Калмыков появился.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – протаранил дежурный по роте.

Товарищ капитан дернул головой. Горбенко подорвался и проследовал за ним в служебный кабинет.

Солдаты шептались и не решались. Мандарины смотрели на них спело и сочно. Команды не было, никого не было.

– Может, по одному хотя бы? – предложил Манвелян.

– Да хрен знает, – размышлял Ципруш.

Молчали, думали, боялись.

Сержант Горбенко, матерясь неслышно, вышел на взлетку и прогремел, как в последний раз:

– Десятая рота! Построение на центральном проходе! Форма одежды – четыре. Рядовой Бреус, открыть оружейную комнату. Учебная тревога – нападение на штаб!

Вместо жестяных кружек зазвенели приклады, и тяжелый топот заглушил сторонний шум.

На белом-белом экране появился президент. Он что-то говорил, но никто его не слышал.



ДЕКАБРИСТКА



СУСАННА АЛПЕРИНА
Писатель и журналист.
Родилась и выросла
в Одессе. Живет в Москве.
Онучила журфан МГУ.
Нандидат филологиче-
ских наун. В свое время
принимала участие в работе
20-й номнаты журнала
«Юность», где получила
награду «Золотое перо».

С 2001 года работает
в «Российской газете».
Рассказы публинова-
лись в сборниках «Трава
была зеленее, или Писа-
тели о своем детстве»,
«Современная русская
проза», «Маша минус
Вася» и других. Продюсер
и соавтор сценария дону-
ментального фильма

«INTO_нация большой
Одессы». Программный
директор Фестиваля экра-
низаций «Читна».

Декабристы – так называются мужья, которые уходят из семьи под Новый год. Декабристки – их жены. Большинство из них уже непохожи на тех декабристок, которые следовали за своими мужчинами на край света в неудобную для себя жизнь. Хотя, может быть, когда-то ими и были. Задача современных женщин, оставленных в декабре, – выжить.

...Тот год, в преддверии новой общей войны, ознаменовался большим количеством разводов. В России говорили, что снова во всем виноват Чубайс. Развод большого чиновника был самым громким и подавал яркий пример другим мужьям. Они говорили: «Ну уж если Чубайс-то развелся...» и начинали смотреть по сторонам. Разводы были порой столь неожиданны, что одна из знакомых Анны сказала: не удивлюсь, если на всех испытывали новое психологическое оружие. Под его воздействием люди не могли жить в мире даже в собственной семье. Что уж говорить о странах.

Анну это утешало слабо. Она собралась помирать. В их семье женщины всегда сильно любили мужчин – гораздо больше, чем самих себя. Бабушка сошла с ума, когда умер дед, – ее не стало ровно через год после его смерти. Мама ушла совсем молодой, а отец так и не нашел ту, которая любила бы его так же беззаветно. Разводов в их роду не было – Анне пришлось пройти через этот ад первой. Без опыта поколений.

Жизнь потеряла смысл – ушел муж, которого она любила до какого-то безумного всепрощения. Вернулся – кинулась бы шею. Но муж – увы – не Дед Мороз, а Новый год нужно было встретить. И не одной! Потому что в поговорку «Как встретишь – так и проведешь» Анна верила с детства. Помереть можно и потом – хотя бы и в январе. А сейчас она вдруг внезапно осознала: традиции, распорядок дня и обязанности – то, что помогает пережить горе. Что ранее считалось рутинной – оказалось спасением. Привычные дела – «кочки» в страшном болоте. Она машинально шла-скрипела по снегу, чистила машину от снежных воротников по утрам, пришивала оторвавшиеся пуговицы к шубе, переставляла книжки на полках – по алфавиту, и ей удавалось забыться. Планирование встречи Нового года оказалось большой спасительной «кочкой».

Тем более что Дед Мороз пришел сам.

Он направлялся накануне праздника к соседской девочке. Шел со Снегурочкой, с подарками, а Анну встретил в лифте. И, видимо, понял, что этой повзрослевшей, беспомощной и растерянной «девочке» с глазами, полными горьких невыплаканных слез, нужен сейчас не меньше. Как предвестник чуда, как ниточка надежды, как близкий родственник. И, проследив, в какую она вошла квартиру, после того как поздравила, как положено, малышку, позвонил в эту дверь.

Анна не знала, какими подарками одарить этого Деда Мороза. Достала бутылку – а он не пьет. И Снегурочка раскраснелась, руками замахала – отказывается. Зато конфеты из выданного на работе подарка-угощения взяли. Положили в карманы – может, для детишек пригодятся. Работы-то еще на праздниках – невпроворот. Чаю попили, поговорили так – ни о чем, удалось даже улыбнуться. Сделали селфи, приобнявшись, – к пушистому нарядному деду приятно было прижаться, хоть на секунду. Тем более что после ухода мужа в декабрь Анна очень сильно ощущала нехватку тактильного общения. Погладить, поцеловать, приобнять, взъерошить волосы, положить голову на плечо. Даже когда они ссорились, все равно можно было это сделать – муж-то был рядом, никуда не девался. А как ушел... «Заведи себе плюшевого мишку», – посоветовала психолог, одинокая, запущенная женщина, к которой обращалась Анна. Психолог – ныне одиночка, когда-то была замужем целых четыре раза и, наверное, знала, что говорит. Но разве игрушечный холодный мишка выручит? А вот настоящий Дед Мороз за секунду уже и согрел.

Проводив его, Анна посмотрела в зеркало. Подумала о том, что, наверное, дети, становясь старше, перестают верить в Деда Мороза, но вот некоторые взрослые только начинают. В мелькнувшую внутри и тут же проявившуюся во всем надежду до конца не верилось. Но, как капля живительного лекарства, она начала растекаться по всему телу, запустила невидимый «моторчик», и Анна начала оживать.

Первым делом начала искать компанию на новогоднюю ночь. Звонки, сообщения, чаты... Но как быть – многие друзья уже почти забыли, что с ней можно проводить время, – она, как клуша на птичьем дворе, все в семье да в семье. Чуть выйдет куда – тут же несется обратно – а как там мой: поел ли, поспал ли? Налет ли без меня тарелку супа? Не забудет ли шарфик повязать? Однако, оказалось, что парочка старых подруг будут рады ее видеть на праздник в своих семьях. Но готова ли она? Провести хотя бы вечер в чужой семейной жизни – наблюдать, воспринимать и, что самое горькое, – сравнивать. Оставшись одна, Анна вдруг поняла, что у нее обострилось чувство восприятия пар. Она словно видела насквозь все тайны их взаимоотношений – верны ли, искренни, хорошо ли им друг с другом или ради чего-то терпят и прикрываются. Прочитала как-то в Сети статью известной светской хроникерши под названием «Фасадный брак» – вначале улыбнулась, а потом задумалась. А есть ли фасадный

развод? И что готова вытерпеть сама, чтобы не входить в ряды «женщин с глазами бассетов» – о таких, многотерпеливых, она прочитала уже в другой статье. Читала разного «психологического хвороста» много. Ей казалось, что она не уснет, если на ночь не спросит у интернета, как жить дальше. История поиска была в этом смысле однообразна – каждый вечер около полуночи горькое: «Что делать, если ушел муж», «ушел муж, вернется ли», «как пережить развод» и далее в том же духе. Видимо, у интернета об этом часто спрашивали и другие – все эти вопросы в строках поисковиков даже не нужно было допечатывать до конца. И вот как с такими настроениями да к подругам в семье? Если они счастливы – расстроится, несчастны – опечалится еще больше. Может быть, все же встретить Новый год одной? Или поехать куда-нибудь на Красную площадь, например. Но с кем там пить шампанское?

Чтобы развеяться и сосредоточиться, Анна погрузилась в Facebook – социальная сеть, наполненная предновогодними историями и картинками, в последние дни года служила ей утешением. И вдруг вечером за пару дней до праздника «битым стеклом» упало сообщение от друга детства Виктора.

«Я развожусь!» – писал он.

«Ты же только недавно женился?» – удивилась Анна.

«Только двое детей уже успели родиться», – хмыкнул Виктор.

Анна задумалась: в какой момент в ее сознании успели «спрессоваться» все годы? Казалось бы, недавно Виктор расстался с первой женой, оставив ее и сына-подростка. Нашел ту, что на 18 лет моложе, и с энтузиазмом начал новую жизнь. Один за другим родились двое карапузов, он строил дом, много работал... Сердце не выдержало столь сильного наплыва счастья и отреагировало инфарктом. Но Виктор справился. Ему было ради чего! И вот новая молодая жена оказалась неправильной декабристой. Потому что под занавес года ушла именно она. В плане моральном. А в физическом – Виктору было указано на дверь.

Подробности раскрылись во время переписки, которая заняла практически всю ночь. Под утро, как только Анна прикорнула, будильником ворвался в новый день звонок подруги Леры. Она – бывшая жена олигарха – расстраивалась, что негде выгулять на Новый год новое платье стоимостью 30 тысяч долларов, которое подарил экс-муж. И тут в еще непроснувшейся голове Анны закружился танец мыслей, который можно было бы назвать «вальс

Дед Мороз звонит дважды. Второй раз под утро. Когда даже уже не ждешь.

одинок». Она представила себе, сколько же у нее одиноких знакомых, с которыми они с мужем не очень-то и общались. И с каждым годом их становилось все больше – новая компьютерная жизнь к этому располагала. Идеальный партнер – тот, кто в состоянии оторвать тебя от компьютера. Даже соцсети стали путать с мужем, женой, любовниками, психотерапевтами и священниками, что уже говорить о других сайтах. Хочешь поговорить – войди в интернет. Нужно спросить – надиктуй вопрос голосовому помощнику. Пары перестали разговаривать. В их отношения вмешался третий – цифровой мир. Виртуальный брак, развод по СМС, секс в Skype. Новая реальность? Нормальность–ненормальность?

Когда еще Анна была замужем, то в гости они ходили в основном к семейным, их же приглашали к себе. Холостяков и холостячек, особенно женщин, не жаловали. Из-за них в компании всегда проблемная ситуация. Жены ревнуют. Мужья проявляют ненужный интерес. Или наоборот. Зато сейчас, оказавшись в ситуации, когда самый живой звук в квартире – это тиканье часов-ходиков, Анна внезапно поняла, что будет делать. Она соберет у себя в опустевшей квартире на Новый год знакомых одиночек – тех, кому негде и не с кем. Обманутых, недолюбленных, неустроенных, растерянных – таких, как она сама.

Экс-жена олигарха, брошенный муж, маменькин сынок, интеллектуалка-писательница, завклубом талантов – саксофонист, исполнительница песен в стиле шансон, которые сама же и сочиняла... Компания собиралась быстро. К счастью, Анне хватило ума не приглашать в дом новых виртуальных знакомых из соцсетей. Правда, знакомых мужчин нужно было буквально упрашивать. Один боялся, что его непременно женят. Другой – как мама останется дома одна под бой курантов? Третий не знал, как уйти от жены. Да-да, экс-жена олигарха быстро притянула к себе нового друга, но... женатого. Дело клонилось к девичнику. Но поздно вечером 31 декабря вдруг все мужчины прибежали. Целых три. Причем торопливые, перебудораженные, тре-

вожась и волнуясь, что не успеют. Встретить Новый год? Свою судьбу? Влюбиться?

Открывая гостям двери, Анна думала о том, почему всегда, всю жизнь из всех чудес на Новый год всегда так хочется именно одного – влюбиться? Каждый раз надеешься на какую-то неожиданную встречу, как в кино или в книжке. Когда все вокруг замирает, вы остаетесь вдвоем в целом мире, и только на вас направлен невидимый остальным свет. Только влюбляться в этом году хотя и хотелось, но не было сил. Зато очень был нужен рядом кто-то молчаливый, понимающий, почти родной...

Год начинался весело! Все кутили, веселились, пили, кулинаричили, прыгали, как дети, на бывшей супружеской двуспальной кровати, громко пели песни, музицировали, гадали, танцевали... Анна только и успевала себе напоминать, что такого веселого Нового года у нее не было уже много лет. Почти столько же, сколько она была замужем. Она удивлялась собственной смелости, что все это затеяла. Время от времени ей казалось, что это и не она вовсе, а кто-то сторонний устроил вечеринку «Вальс одиночек», а она лишь наблюдает теперь за происходящим. Она поражалась собственной смелости. Всегда считала себя робкой, каждое ее решение зависело от мужа. Как в музыке неустойчивые ноты, все ее мысли и затеи требовали разрешения. А сейчас – надо же. Какой декабрь! Может, и весь год будет таким же? Но Анна боялась загадывать наперед, и мысли ее эти смутили, поэтому она просто решила поддаться общему почти что детскому веселью. Словно разрешили сделать что-то запрещенное, невозможное, как в «празднике непослушания».

Часа в четыре уселись у «остывшего» телевизора почаевничать, и тут всех гостей прорвало. Им, одиночкам, оказывается, целый год было не с кем поговорить. А может быть, и больше, чем год. Годы! И все их истории почему-то нужно было уместить в одну новогоднюю ночь. Женатик чувствовал себя одиноким в браке. Он говорил, а Анна смотрела на него, невольно осуждая то, как он отзывался о своей вечно обманутой жене. Писательница рассказывала, что, несмотря на всенародное признание и невероятную популярность, очень хочет только одного. Родить ребенка. Но не от кого! И поэтому она остервенело делает ремонт, вкладывая все материнские чувства в новую – недавно купленную – двухэтажную квартиру. Экс-жена олигарха мечтала написать книгу, а для этого для начала нужно пойти на литературные курсы. Ей хотелось описать свой развод: как делился дом на Рублевке, как они с мужем натравливали друг на друга полицейских

и кавказцев, по очереди их подкупая, и многое другое. Маменькин сынок жаловался на то, как мама испортила ему жизнь, и теперь новая молодая подруга не воспринимает его всерьез, говорит, что он с ней «отрабатывает» детство.

...Дед Мороз звонит дважды. Второй раз под утро. Когда даже уже не ждешь. Виктор работал всю новогоднюю ночь – приносил людям праздник. Профессиональный драматический артист. В серьезном классическом театре. Но как не побыть Дедом Морозом в самую елочную пору? Он появился, не снимая костюма и грима, и, с ходу оценив обстановку, басом упрекнул всю компанию: «Не у психотерапевта в группе находитесь!» И пошел веселить. Розыгрыши, хороводы, частушки! Ему читали стихи и пели песенки. Ходили вприсядку и танцевали за фанты – шоколадные конфеты. Загадывали желания! В какой-то момент Анна не выдержала – бросилась ему на шею. Теплый, уютный, немногословный, с детства родной. Ее словно накрыла какая-то вселенская благодать, и унеслись все беды-горести.

Позже, когда все уже разбрелись по комнатам спать, кроме женатика, который понесся в свою семью к «плохой» жене, Анна с Виктором засиделись на кухне. Он был уже в привычно-знакомом виде – свитере и джинсах – и тоже торопился выговориться. Рассказать, как беспокоится о детях – теперь у них будет новый папа, что не ожидал подвоха со стороны молодой жены и оформил на нее все имущество. Анна слушала его и думала о том, что чудо в эту новогоднюю ночь все же произошло. И пусть она не влюбилась и неожиданно никого не встретила. Она впервые после ухода мужа поверила в себя, в свою силу, в то, что рядом с ней – хорошие люди, которые ее не бросят. Он почувствовала: чудо можно сделать своими руками. И для себя, и для других – тех, которые в нем нуждаются не меньше. Чудо – не просто поехать за мужем в холодную, промозглую Сибирь, но и суметь выжить, когда в жизни наступают «окаменелость» и «вечная мерзлота». И она уже точно знала, что выживет.



СУПЕРКОТ И РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО



АЛЕНСЕЙ А. ШЕПЕЛЁВ
Родился в 1978 году. Прозаик, поэт, журналист, рок-музыкант, радиоведущий, автор нескольких книг стихов и крупной прозы. Лауреат премии «Нонформизм» (2013), лауреат журнала «Север» (2009), Международной отметины имени Д. Бурлюка (2003), финалист

премии «Дебют» (2002), премии Андрея Белого (2014), премии имени И. Анненского (2019), «Чистая книга» имени Ф. Абрамова (2019–2020).

Как только мы переехали, пропал кот. Выпрыгнул в раскрытое окно и был таков.

Я обнаружил его пропажу часа через два и пошел искать.

В соседнем дворе с царственным видом он восседал на капоте машины. Увидев и услышав меня, он ретировался. Еще пару часов я, почти ложась на грязный и холодный осенний асфальт, высматривал и выкликал его из-под разных авто.

Это уж совсем было что-то странное. Не такого воспитания да вообще ментального и физического сложения этот кот, чтоб бегать от хозяина. Мы с ним, можно сказать, составляем одно целое...

Меня всегда едва ли не коробило от фраз типа, что такой-то Васька-кот, или тем паче Баська, полутораметровый слюнявый кобелина, или Моська, миниатюрная сучка в комбинезончике, – для нас, мол, как член семьи. Но данный конкретный кот уж настолько оказался уникален...

А тут уж какая досада была на самого себя, что я сам явился причиной потери своего собственного кота – и тем более такого! Сказать «умный» или «красивый» – ничего не сказать. Белые – белейшие! – носочки и перчаточки, белый нагрудничек и кончик носа, черные полосы на голове и загривке, что на твоём бурундуке, и будто в мультфильме нарисованные, ровнейшие полоски на лапах, и черпаховые пятна, и леопардовые, и «подведенные

брови» (как у диких кошек, чтобы хищные птицы промазали клюнуть их в глаза); и главное – глаза: не желтые, не зеленые, а какого-то светло-прозрачного оттенка хаки, как раз в цветовой гармонии с фоновым мехом; а главное – их выражение. Сверххарактеристичный и суперутонченный – если только вот так емко, но несколько неуклюже высказать. Абы что он не ест, никогда не сидит, как плебен, под столом, глядя в рот, а тем более не лезет и не голосит, выпрашивая еду, не вьется. Никакими «кис-кис» его к миске не подзовешь. Его Величество просто появляется на кухне и выразительно заглядывает в глаза. Если ему что-то бросить – хоть бы и мясо, – не двинется: только посмотрит – с таким значением, *знанием* и укоризной, что немного не по себе становится. А говорят еще, что у животных нет души!..

Души, верно, нет, или она, как некоторые определяют, особая, животная, но характера и ума – хоть отбавляй. При хорошем настроении может начать юродствовать – облизывать у скатерти на столе бахрому или шуршащий пакет под столом: мол, вот чем я вынужден из-за вас пробавляться, а то и устроить шаривари – поскидывать (очень аккуратно!) с тумбочек сотовые телефоны и прочие мелкие предметы, стремглав носиться и т. п. Оно обозначает, что *котос юродитус* радикально недоволен качеством еды или ее свежестью (холодильника у нас больше трех лет не было). А уж какого достоинства он преиспол-

няется, когда возлежит у меня, читающего книгу, на груди, – ни в сказке сказать, ни пером описать!

И еще мне было жалко и досадно – каюсь! – что не успели мы с котом провести давно запланированную фотосессию, где были бы воочию явлены некоторые из его многочисленных достоинств и способностей. В одном интервью в качестве оформления присутствовала фотография, на которой я стою и держу кота в одной руке, взяв в кулак за все четыре лапы, – как букет цветов! Это же фото оказалось на задней обложке моей книжки повестей, про что мне пару раз говорили: «там, где ты с совой». Получил я по интернету и некие нарекания о том, что картинка сия сделана фотешопом и даже что ради нужного кадра, наверное, умучил бедную животину (это в контексте недавно имевшей место несуразной информобструкции Юрия Куклачева – мол, и еще один туда же). Не дрессировал я «бедную животину» – *аристократы*, понятно, этому совсем не поддаются! – а так, иногда занимался – для обоюдного развлечения, ведь голубокровному созданию тоже скучно целыми днями сидеть в однокомнатной квартире без дела, постоянно вздрагивая – не утрирую! – от вояканий и громыханий гастарбайтера. Да и сам он любит позировать (без преувеличения), правда, всей своей позой и умственным выражением выражая, что он, дескать, весьма мало одобряет происходящее вокруг вообще. В противовес нападкам я хотел опубликовать видеозапись «шоу-программы» или серию снимков. А теперь вот потерялся – и этих кадров никогда не снять. Да что «снять» или «не снять» – когда *свой* кот!..

Кстати, к улице надменно-артистический кот совсем не приучен (как мы ни пытались, все без толку), посему сразу теперь представляли, что долго ему там не протянуть. Благо начало зимы выдалось небывало теплым...

Промучившись часа полтора, кота я не поймал, – измокнув и озябнув, ушел домой. Написал жене, потом пошел искать опять. Она вернулась с работы поздно, и мы часов уж в одиннадцать вечера прочесывали окрестности. Вскоре сей котский кот был найден, но – опять – не пойман! Заскочил в ближайшую отдушину подвала пятиэтажки и сидит, смотрит, высокомерно игнорируя все наши ксыксы-канья! Проигнорировал он и принос почти под нос «васьки»!* Поведение совсем уж странное: необыкновенный наш питомец всегда был к нам сильно

привязан, никогда не отходил и на шаг, не убежал от дома, даже когда раза три падал – и такое у него по молодости случалось – с балкона в Бронницах... Ко мне из-за писательской моей работы и кухонной безработности он уж прикипел настолько, что когда, например, я уезжал, кот сильно тосковал и ежедневно устраивал шаривари, так что Ане, чтоб его успокоить, приходилось давать ему трубку телефона, в которой звучали мои шипяще-свистящие «ксы-ксы» и «коть!..».

Надо сказать, что когда я в поисках кота лазил по всем подворотням до самого метро, меня захлестнуло острое осознание наконец-то свершившегося своего, нашего переезда в Москву – его, как писали в учебниках истории (да, наверное, еще и пишут и будут писать), причин и предпосылок.

Последние два года в Бронницах были во всех смыслах тяжелыми. Помимо множества проблем насущных (финансовый кризис, ударивший почему-то именно по нам), добивало и осознание, что Москва рядом, но ее, как тот локоток из пословицы, не достанешь и не укусишь. Всего лишь сорок верст – из-за пробок ставших почти непролазными, – и настоящая культурная пропасть, как будто и нет тут рядом никакой столицы...

Выражаясь привычными штампами, последней каплей, скорее всего, стал взрыв жилого дома в Бронницах – нескольких этажей обычной пятиэтажки, стоящей через дворик напротив нашей. Помню, как мы с женой, выйдя из центра города на набережную, увидели столб черного дыма, зловеще нависающий, будто смерч, над нашим Ист-Эндом... Мало того, сразу показалось: хлещет он из нашего дома! Пока бежали, вспомнили, что когда полчаса назад стояли на остановке, слышали звук взрыва – очень мощный, объемный, пожалуй, даже нельзя сказать, что *хлопок*, как обычно пишут журналисты. От эпицентра, оказалось, метров за триста. Мы тогда подумали, что, вероятно, это что-то связанное с самолетами (тут они в большом изобилии летают каждый день из соседнего Жуковского), даже подумалось, не боевой ли ракетой что сшибли (не так давно был случай – истребитель упал на жилой дом в пригороде Бронниц).

И тогда же, увидев пожарище вблизи, я вдруг вспомнил еще одну вещь: совсем истерзавшись сомнениями, я дерзнул просить Господа подать *знак*. Продолжать ли здесь топтаться на месте, чего-то выжидая, или все же вопреки всему рвать когти в Москву. Неужели, терзался я уже дальше, узнав о жертвах, услышав о версии теракта, увидев, помимо прочего, осколки стекла, вонзившиеся в ка-

* Так по одной из марок корма – от которой, кстати говоря, сей свободолюбивый аристократ давно с брезгливостью отказался, – зовется у нас вся котинная еда.

Неужели это *ответ?* – и ответ *мне?!*. Страшно подумать. Хотя, конечно, что мы вообще можем понимать в таинственной *неисповедимости путей...* Кажется, что в запредельной этой стихии наши умствования – как слезинки в океане... Но все же они есть: капают, тоже жидкие и соленые, впадают в мировую безбрежность...

пустные кочаны соседнего частного сектора, и поняв, что именно в это время я обычно проходил там и в этот раз хотел идти, но передумал, и, что совсем непривычно для меня, поехал с женой на автобусе... Неужели это *ответ?* – и ответ *мне?!*. Страшно подумать. Хотя, конечно, что мы вообще можем понимать в таинственной *неисповедимости путей...* Кажется, что в запредельной этой стихии наши умствования – как слезинки в океане... Но все же они есть: капают, тоже жидкие и соленые, впадают в мировую безбрежность...

Подобрал слова – не так уж трудно. Жить трудней. Но нужно хотя бы направление правильное знать.

Жить тогда в наших окрестностях – как это обычно бывает – стало страшновато (да от наплыва журналистов, разных служб и зевак суетно), а тут как раз сообщили через знакомых, что освободилась квартира у одной бабуся в Москве.

После взрыва я также не удержался и написал о нем статью «Антропология хаоса», в которой на примере нашего беднячко-быдлярского Ист-Энда дал беглую зарисовку всей подноготной жизни в подмосковных городках. Не сказать, что в Бронницах широко читаются московские СМИ, но событие было резонансное, да и фамилия Шепелёв, оказалось,

здесь не простая, а предвыборно-начальственная, привлекающая к себе внимание*.

В общем, мы оттуда сорвались резко. И вот теперь сразу потеря кота – будто еще одно искушение, как еще один знак. Или наказание – даже примерно знаю, за что...

Еще одна проблема в том, что своеобразный наш котос не имеет никакого человеческого имени, наполненного огласовкой: мы призывали его только на близком расстоянии, полупешотом, рассчитанным на особый слух животного: «Кот!..», «Коть!..» (более официально Кошман). Наверное, испугался, или и вправду такое житье осточертело, пора на свободу... Подвал, куда он нырнул, был закрыт, и в двенадцать ночи нам его никто не откроет. Оставалось утешаться тем, что с этим «васькой» он хоть одну ночь нормально проживет, а завтра уж поймаем.

Но на другой день кота нигде не было. «Может, это и не наш был кот?» – предположила Аня, ведь в темноте в подвале мало чего разглядишь. Я облазил все цоколи окрестных домов, ксыксыкал во все отдушины и оконца... Причем из одного на меня вылезла здоровенная больная собачатина, а из второй – ненамного лучшего вида... таджик! Обходил и мусорные баки, закоулки, спрашивал. Нигде никакого кошачьего не было и следа – ведь нет снега, и здесь, в отличие от Бронниц, где у каждого подъезда коты восседали целыми пачками, их что-то не видать вообще. Ходит только рано утром бабка да истерически выкрикивает: «Барсик, Ба-арсик!», а вечером дед, который равнодушно покрикивает: «Вася, Вася!» – и коты у них, что ли, на поводке или шлейке, и все. (Поначалу мы даже гадали, не одно ли и то же это существо, но впоследствии с ними, с Васей и Барсиком, даже познакомились.) Ближе к мусоркам сидят все же кое-где по углам какие-то «полосатые тела» – и сразу подбегают на наши «кис-кис!» – аристократизма кот заплакал... У знакомых котэ столичный – мало того, что кастрирован и лишен когтей, так еще подзывают его с улицы своеобразным прозвищем Хомячок. И что: с радостью прибегает! Охальство, как выговаривают в деревне, да и только! Но кругом не деревня и не провинция – полно машин и настоящие толпы двуногих, как тут не напугаться...

* Даром что несколько лет мы, не задумываясь, с этой же фамилией работали в здешних СМИ: Аня вела новости и делала программу на ТВ, я был журналистом и редактором в немалого тиража еженедельных газетах. Помню, в первые годы я недоумевал, когда, выстояв всегдашнюю здоровенную очередь на почте или в банке, я подавал документы в окошко, меня встречали весьма грубовато, но как только бумажку раскрывали – тут же появлялись улыбки и непонятная вежливость!

Своего кота каждый день искали по несколько раз. У подвала, где в последний раз его видели, нашелся начальник и сторож – местная досужая тетка, которая по собственной инициативе зачем-то заделывала лаз вниз картонкой – с прорезью для кошек. По ее словам, там живут две, и раз в несколько дней она ставит им *под окошко* блюдце «корма» – какого-то недоеденного «Роллтона», – нашему баловню такое не снилось и в страшном сне! Да его тут и не водилось – и тетка недружелюбно утверждала, и сами ежедневно заглядывали.

Прошла неделя, затем вторая. Настроение наше, и так сильно ухудшавшееся само по себе из-за поисков работы и несообразностей мегаполиса, постоянно и неуклонно *ухудшалось еще хуже* – с каждым днем, с каждой ночью. Обычно кот спал на нас, переходя то на одного, то на другого... По ночам так и казалось, что голодный-холодный котик где-то мяучит, постоянно смотрели в окна... И вот однажды я встал в три часа и чуть ли не прямо под окном кухни увидел характерный сгорбленный силуэт нашего Кошмана!..

Здесь надо сказать, что и наш питомец котенком был найден на улице в Бронницах. Поздно вечером и в сильный мороз он выскочил прямо под ноги идущей с работы Ане. Он буквально скакал перед ней тем манером, коий позже стал у нас зваться «изображать горбункула» – на прямых лапах, спина дугой, глаза вытарашены, хвост распушен. И это не обычная реакция для устрашения, а нечто напускное, чем он потом еще долго пробаивался. Уже не такой котенок, но молоденький. Потом при ближайшем осмотре оказалось, что котик горбатенький, у него что-то с позвонками. Приучен уже к корму этому дурацкому, «кошачью радость» путассу его вкушать-то не заставить иль кабачки тушеные – это уж нам, плебеям, достается... И еще что это кошка, а не кот. Но мы все равно его звали Кот, потому как это куда благозвучней, да и кошечки, все они какие-то... тонкие, пушистые, безременные... А *кот* – это звучит гордо, благородно! И вот что значит сила слова – Кошман наш, хоть ему эта роль не навязывалась, куда больше похож на кота, чем на кошку, но очень уж на благородного кота... Такая царственная поза, такой монументально-величественный взгляд – у кошки такого не может быть никак. Да и стал бы я с кошечкой валандаться!

Естественно, подлинными хозяевами подвалов и дворов были не чудаковатые тетки и бабки, а «наши друзья» гастарбайтеры. И когда я испрашивал у них, не видали ли они *кота*, они не понимали. Для тех, кто

учит русский как иностранный, по дурацким школьным правилам словом «кошка» («кошки») обозначается весь вид, тогда как для русского человека куда как сподручнее сказать «кот», «коты», употребление же говорящим женского эквивалента свидетельствует о его педантичности и/или официозности, чаще всего присущей педагогам и руководителям. Для арбайтеров (в частности, нашего колченого с таратайкой и его друга) я, однако ж, перебрал весь арсенал синонимов, закончив весьма похожим на оригинал «мяу-мяу», и лишь тогда они ответили.

Едва накинув куртки, мы стремглав выскочили в ночи за котом. Он сразу стреканул в кусты к соседней пятиэтажке, и сколько мы его ни звали, не откликнулся, пропал. На другой день услышали характерные звуки кошачьей потасовки днем, опять выскочили из дома, опять увидели мельком своего кота – за ним гнался матерый местный. Завидев хозяев и спасаясь, Кошман задал деру по грязи – нам остались только следы. Местный же дворово-подвальный кошара, изрядно очерствевший и полинялый, на наши призывы преспокойно приблизился к нам, бери не хочу.

После этого пропал совсем. Проходил день за днем, на улице каждый день лил дождь. Очень плохо было без своего кота – так прошел месяц... Уже и выкликать его по окрестностям и подвальным дыркам было бессмысленно. Но я все равно, идя каждый день к метро и обратно или с Аней в магазин, призывал, приводя в секундное недоумение прохожих, своего котоса... Под окном вырыли котлован – не хуже платоновского. Выпал снег, начался новый год... Чего ждать, когда своеобычный сей суперкот никакой пищи от человеков, типа рыбных хвостов, никогда не вкушал, признавая только определенные марки «васьки» да при случае чистое свежее мясо, да и то филейное, а при попытках прогулок у него уже на относительно холоде через пять минут краснели лапы и он их жалобно поджимал!.. Извращения цивилизации – что поделывать...

Сходили даже на выставку породистых котят. Но как-то они совсем не те: самый дешевый стоит тыщи три, да это не кот, а какой-то плоскомордый котенок, которому как будто кувалдой сплющили все чурило. Пусть есть и довольно красивые, но все равно, подумали мы, за десять тысяч покупать кота, даже за три – это уж точно извращение! Кот должен сам завестись – он как бы дарован свыше (порой возникали подозрения, что, может быть, это и не кот вовсе, или не-совсем-кот, но иноагент каких-то высших сил...) – *свой кот*, живущий с нами, но сам по себе, натуральнейший кот – да какой! Стыдно и пи-

сать: котофей улыбчивый сказочный, кот лубочный казанский, усатый-полосатый и арбуз астраханский, вкруг покрытый изразцами, в узорочье весь, будто малахитовый, манул царственный вылитый!

Оставалось надеяться только на чудо. С тяжелым чувством я собрал и убрал котовы миски и лотки, но не выбросил...

И вот когда надежда почти полностью иссякла, произошло настоящее рождественское чудо. Мы шли в сочельник с Аней по обычному своему маршруту... Пейзаж, правда, окружал не рождественский, а как в середине апреля... И вдруг нам навстречу откуда-то выбегает кот – *наш кот!* Тут уж он не горбатился и не юродствовал, не изображал величия и благородства, даже не убежал, а как только его позвали, сам бросился к нам. Конечно, его было не узнать: тощий, грязный, весь подранный. Прошло ровно полтора месяца! Направлялся он, видно, на праздничный фуршет – к мусорным бакам...

Дома уже не водилось «васьки», и принцу-нищему были предложены дорогой праздничный сервелат и хлеб. С привычной брезгливостью Кот не прикоснулся. Вид поначалу был не царственный: весь набит песком и грязью, как мешок от пылесоса. Пришлось его второй раз в жизни искупать, местами прижечь зеленкой, к тому же думали, что он уж точно теперь скотный*. Оказалось, что, помимо некоей общей подранности, сломаны ребра (кто-нибудь дал пинка – что еще можно ожидать!) и торчит вывихнутый когтепалец на задней лапе – это в дополнение к грыже на брюхе, с которой он и был найден. Легко отделался!

Первые две недели вновь обретенная монаршая особа Кошман (он же Котий, Кошкай, Котос) был очень тихим и подчеркнута благодарным, постоянно и помногу ел и особенно спал. Во сне он то тяжело вздыхал – прямо как человек! – то яростно улепетывал от врагов или хулиганов. Но вскоре вновь вернулся к своим барско-нобелическим привычкам – будто и не было сорокапятидневного отсутствия! Где он пребывал и чем питался, как мы ни просили его рассказать или хотя бы написать (иногда он использует клавиатуру), гордец так и не поведал. Зато все же была осуществлена фотосъемка некоторых «упражнений с котом», хоть и по состоянию здоровья исполнителя довольно щадящая. Вот какой он, суперкот, спасибо, Господи, что он есть и что вернулся!

* Скотный – беременный, о кошке, овце и некоторых других животных. Когда прошли положенные три месяца, стало понятно, что «кот» не «окотится», что для обычной кошки, конечно, нонсенс.

Фантазируя и соотнося рассказ с реакцией героя, мы поняли, что Кошман, с присущими ему мыслительными способностями, видя, что мы ему приносим корма *всего* по паре пакетиков в день, поддался соблазну отправиться «на вольные хлеба», к тому столичному раздолью, где эта «васька», по его представлениям, залегают целыми грудами – пакетиков и банок, и все бесплатно!.. Промыкавшись полдня без пищи, он наконец приблизился к одному из собратьев – местному прожженному котяре – и с наивной небрежностью осведомился: «Когда здесь дают “ваську”, сколько в одни лапы и какую именно – говядину с томатом или лосось с ягненком?..» После этого озверевший, пожизненно голодный драный абориген вцепился ему в нос.

Скорее всего, коту помогло выжить то, что он, изгоняемый местными, все же как-то затерся в подвал дома у мусорки (практически у метро, у будущего «Дикси»), где тоже некая бабуся выставляет котам блюдца – спасибо и ей.

На окна, хоть это и неудобно при таких рамах, пришлось сделать сетки. Однако кот и сам их не рвет и никуда не порывается, совсем остепенился. Не нравится ему только шум и сигаретная вонь из форточки. Основное его занятие – отдыхать. Его назначение – *просто быть котом*, и больше никто ничего от него не требует. Закрывая лапами рот и нос, он безошибочно предсказывает погоду (вернее, непогоду). Сам кот – уже чудо, и даже пресловутые извращения цивилизации в его исполнении кажутся нам забавными, а меня так и наводят на полуиронические мысли и высказывания о некоем «пересмотре научных знаний»...

Не от нечего делать я все это расписываю – прокота вот, в дополнение к ежедневной «свистопляске гастарбайтеров» за окном... Психоэмоциональное состояние у нас уже подчас было такое, что хоть волком вой, а тут все же что-то свое, домашнее, живое...

Так, я слышал, что кошки способны воспринимать лишь порядка шестидесяти кадров в секунду, тогда как наш стандарт изображения двадцать четыре кадра в секунду (тем более мультфильм) будет для них дискретным. Наш же суперкотос не раз был застигнут за просмотром на компьютере именно мультфильмов, и особенно он пристрастен к «Тому и Джерри» – и выражение физиономии у него при этом зело неодобрительное. Других передач он вообще не признает, а по «лицу» Кошмана, повторяю, никак не скажешь, что он не понимает, что показывается! Иногда мы, придя домой в Бронницах, заставляли его за включенным телеприемником, ко-

торый до нашего ухода был выключен (потом выяснилось: прыгая на шкаф, он нажимал лапами кнопки на панели), при этом кот его никогда не смотрел. А стоит включить мультики про муми-троллей...

Далее, кот так же осмысленно реагирует на разговоры и прочие бытовые перипетии – то есть он отлично улавливает эмоциональный фон, а такое ощущение, что и текст. Особенно он осмыслен и тоже как-то иронично-неодобрителен, когда мы с женой начинаем вести диалоги от его имени охрипшим голосом очерствевшего кота. Мало того, что он отзывается (когда захочет) – *взглядом!* – на все свои наименования: Кот, Котос, Кошман, – он еще морганием глаз отвечает на элементарные вопросы вроде «Ты кот?» или ««Ваську» хочешь?». Но это все ладно, тут, понятно, есть на что списать (звукоподражания, шипящие звуки в имени и проч.). Но вот ясно заявлено, что кошачьи не различают цветов... (Какой интерес тогда в мультики лупиться по целому часу?!) Отринув совсем дешевые марки «васьки», разборчивый питомец перешел исключительно на «Китекат» (причем был отмечен эпизодический интерес реципиента именно к телерекламе кошачьих консервов!), баночка или пакетик какой марки, как известно, с зеленым фоном. Когда покупаются другие сорта, в точно таких же по размеру банках другого цвета, он манкирует. А когда был куплен «Д-р Клаудер» в банке светло-зеленого цвета, его суперкотство соизволили откусать! Тогда я в порядке эксперимента обрезал упаковку с пакетика «Китеката» и наклеил ее на баночку другой марки – кот реагировал очень одобрительно (первичная реакция у него настроена на крацание отрываемой жестянки, а дальше уже на ее цвет) – ел, съел так несколько банок, но все неохотней... Мне кажется, он «признает» даже атрибутику – «китекатовские» блокнотики или магнитики, и уж, кроме всех потрясающих открытий, тут-то я понял, какому идиоту придет в голову поставить на свою почту в «Яндексе» оформление «Китекат»! (Кот очень одобрил, но я не стал ему потакать.)

Помимо этого, он отлично разработал передние лапы – постоянно пытается ими что-то теребить или брать. Стоять на задних лапах, вытянувшись, и наяривать о шкаф передними – это и хомячок какой-нибудь может (ну или Хомячок, хотя не так долго). Но сейчас он принялся разрабатывать моторику «рук»: почти всегда сидит, поджав одну белоснежную лапку (левую – он, видимо, левша), то растопырив «пальцы», то сжав, как бы поигрывая и протягивая ее... А то вообще минут по десять сидит, вытянув лапку, как будто постовой с жезлом, –

наверное, пытаюсь остановить непрерывный поток за окном! Но лапу не подает: что я вам, бобик, что ли, цирковой-плебейский?! Вот думаем: планшет бы коту-индиго надо купить – кто знает...

Мало того, что, присутствуя при диалогах на кухне, он стал осмысленно вертеть глазами за репликами или при звуках извне вперивать в каждого из хозяев недоуменный взор... Но более всего поразило нас, когда он... заговорил! При скудости средств иногда возникают конфликты: без холодильника уже немного постоявшую на окне «ваську» Кошман отрицает – и порой он выдерживает характер по целому дню: брезгливо понюхав миску, начинает с воплями носиться... А то и сядет как сиротинушка, едва ли не слезу пустит – ему по несколько раз терпеливо меняют содержимое миски (да и треклятый «Китекат» не всегда есть возможность захватить), но котик только стреляет глазами, а то и принимается за прежнее юродство. Как-то слышу с кухни такое экспрессивное окончание диалога (кот уж третий день не жрал): «Ешь, смотри, у тебя сколько навалено!» – «Нет!» – «Не нет, а да!..» И тут только мы с Аней поняли, что «нет» (пискляво-отчаявшимся голоском, вообще-то для него нехарактерным) в запале произнес Кошман, причем четко, не «мяу» там какое-то модифицированное, а именно протестное внятное человеческое (или все же кошачье) «нет!». Опять же – по-русски!

А вообще, после возвращения «оттуда», отдыхает он самозабвенно (такой уж стресс был для него этот выход на свободу в столице!) и абсолютно везде. Из-за малометражности пространства и круговой диорамы мельтешений и шума его можно обнаружить величественно возлежащим или мирно спящим в самых неожиданных укромных местах – в ванне или раковине. И, видимо, также не напрасно наш Кошман наиболее предпочтительным почитает взгромоздиться на самую высокую точку в доме – на бабкин шифоньер и книжную полку на нем – и оттуда спокойно и величественно взирать через окошко на прелести столицы, на бранный этот мир...



ИДЕТ СОЛДАТ



ОЛЬГА ХАРИТОНОВА
Родилась в 1988 году в Омске. Окончила аграрный и педагогический университеты. Сценарист анимации, прозаик, поэт, педагог-фрилансер. Член Союза литераторов РФ. Автор сборника эссе «Звуки, которые нас онлайнят», изданного на стипендию Министерства

культуры и при поддержке Союза российских писателей. Ученица школы «Хороший тенст».

Чем быстрее приближалось 31 декабря, тем шустрее разгонялось мельтешение вокруг: проходы в магазинах были полны людей с нагруженными тележками, в парикмахерских круглый день виднелись остригаемые головы, за окнами домов – по обе стороны – появлялись гирлянды, елки.

Видела у знакомой в соцсети чек-лист: список дел, которые нужно повернуть до 31 декабря, чтобы встретить Новый год без забот, он состоял сплошь из слов типа «помыть», «вычистить», «полить», «вытереть», «разобрать» и «выбросить»...

Вот что я, оказывается, делала все то время – готовилась к Новому году!

На самом деле, в конце декабря мой брат Валя возвращался из армии, все эти «вычистить», «вытереть», «выбросить» в нашем доме были ради него, и мне просто казалось, что все вокруг почему-то готовится к встрече моего брата.

Девушка, простите, вы кто?

Женщина, зачем вам елка?

Нет-нет, мужчина, мы не планируем это готовить!

Я набрела на спектакль «Как я съел собаку» Гришковца как раз накануне прихода Вали из армии. Это была та случайная, но такая уместная находка, которую смотришь, слушаешь, читаешь и удивляешься ее совпадению с твоей жизнью именно сейчас. В этом спектакле было неожиданно так много близких мне слов: Евгений говорит о себе, а я вижу Валу, Евге-

ний говорит о далеком Владивостоке, а я вижу город службы брата – Питер, он про корабли, а я вспоминаю угловатые бэтээрки, в чужом городе мне виделся Омск, в чужой матери – моя мама.

Я останавливала долгую запись спектакля дважды и все никак не могла досмотреть до конца, вернуться вместе с героем Гришковца домой со службы.

И все время была одна и та же мысль, все время: «Я хочу домой!». «Я хочу домой», «я хочу домой», даже без «я», просто «хочудомой», «хочудомой», «хочудомой». Я хотел есть и хотел домой, хотел пить и хотел домой, хотел спать и хотел домой, я засыпал: «хочудомой», «хочу домой», просыпался: «хочудомой»... все очень хотели домой, все ребята очень хотели домой, они хотели даже в такие дома, куда хотеть невозможно, куда нельзя хотеть.

Но наш дом становился все чище, уютнее, мне стало казаться, что в него даже можно хотеть.

Валя не говорил нам, что скучает по дому, что хочет домой. Он не жаловался, рассказывал смешные случаи, о сложных ситуациях упоминал вскользь и никогда ничего не сообщал о страшных. Это было как в стихотворении Ивана Ахметьева «Миша в дурдоме».

Валя исхудал, часто простывал и кашлял, просил скинуть денег на поход в «Чайную», а остальное обещал – «дома».

И дома ждали.

Мама покупала и покупала посуду, не ведя никакого списка купленного, не имея никакого представления о количестве ожидаемых гостей: тарелки разной глубины и различного вида, стаканы прозрачные, стаканы с рисунками, кружки чайные... Она купила столько чайных кружек, словно ждала не только сына, но и всю его роту.

Мамино волнение то росло, то устало прижималось к земле, оборачивалось раздражительностью, бессонницей, шопоголизмом. Словно бы каждой покупкой она говорила себе: «Я жду, я готова. Готова. Готова!»

Сколько бы я ни убеждала маму купить продукты накануне, а не заранее, холодильник постепенно заполнился сыром, колбасой, замороженными куриными тушками, фруктами.

– Сейчас на них акция, надо брать. Осталась пара недель. Осталась неделя. В эту пятницу ведь уже!

Было закуплено несколько связок бананов и несколько килограммов груш.

– Бананы еще зеленые, а груши выбрала самые плотные, камень! Долежат!

И они лежали. Все лежало, растолканное по шкафам и полкам.

Мы принесли от соседей большой стол-книжку советских времен, полированный, темный, со шкафчиками по бокам (у нас такой был свой когда-то, но потом поводы для прихода гостей стали поводами найти место встречи вне дома). Мне позволили добавить лампочек в люстре большой комнаты, чтобы стало на день светлее.

Мама еще летом купила новую большую скатерть, потом еще одну, потом еще – она не знала заранее, какого размера будет соседский стол, даже не знала еще тогда, у кого мы будем стол брать, и покупала на всякий в прямом смысле случай.

Но ни одна из купленных скатертей не подошла. Пришлось измерить стол и купить клеенку по метражу, чтобы точно.

Я отмыла кафель в ванной и туалете, оттерла старой зубной щеткой белые пластиковые плитуса, папа закрыл пространство под ванной красивыми панелями... Мы еще хотели поменять выключатели на новые (старые перестали срабатывать с первого раза), но у папы к середине декабря разболелась нога, и старые выключатели остались с нами.

Папа не мог больше готовиться к приходу сына физически, но продолжил морально.

Оказывается, он написал настоящую застольную речь, в блокноте (столбиком), красной гелевой ручкой. Я узнала об этом, когда он показал мне ее

текст, написанный его фирменными печатными буквами, и попросил ее отредактировать.

Папа хотел сказать в нужный момент что-то непременно сильное, потому что эмоции его были сильными, и выразить их в момент речи можно было как нельзя кстати. (В другой момент – сможешь ли, и будет ли этот момент, а тут взял рюмку, встал, и пути назад нет, ни у слушателей, ни у тебя.)

– Это чтобы не сбиться, чтобы не путались мысли.

А ты у нас писатель. А если по бумажке прочту, это как, ничего будет?

Я прочла, речь сводилась к тому, что брата забрали, мы ждали его и он вернулся. Как ждали, о чем думали, благодаря чему, каким качествам и способностям, как нам кажется, он вернулся – ничего этого в речи не было. Но ведь на самом деле было.

Речь была осторожной и официальной, в местах, где должны были проступить эмоции, она уходила в юмор и пафос.

*Год назад мы проводили
нашего*

призывника

Служба в армии для молодого человека это серьезный отрезок

его жизни требующий от него некоторых физических способностей и морально-психологич. качеств

И надо эти способности

в себе найти и достать

их из глубин тела и коры головного мозга

С чем наш мол. человек

с успехом справился благо-

даря некоторым своим

способностям. И нашей

скромной посильной поддержке

и помощи и устойчивой

сотовой связи и почты России

*Преодолев этот временной отрезок он вернулся
к нам мужчиной*

Я попросила папу написать все немного честнее, написать больше не про нас, которые ждали, а про Валю, который молодец и которого мы любим, попросила папу сильнее похвалить сына, быть конкретнее, проще. Вторую, чистовую версию речи я не слышала до застолья.

– Неужели неделя осталась? – повторяла мама тихо, и ее лицо краснело, а губы сжимались.

Я пыталась поднять беседу повыше, улыбалась:

– Да уж, быстро время пролетело, да?

– Не скажи. Я все думала, думала тогда, когда только забрали. Первую неделю вообще не спала.

Однажды, за пару недель до дембеля, Валя позвонил папе, и (со слов папы) сказал ему, что стал теперь другим человеком, что разногласия все позади, все изменится, что он придет и все сядут вместе за стол...

Я не слышала того, что сказал папа после этих пересказанных слов.

Как можно сесть за общий стол семье, которой нет? Внутри меня что-то екнуло и зачастило – от соединения сильного «хочу», невероятно сильного «хочу» и ледящего «невозможно». Как собрать пазлы? Как сделать слова брата явью хотя бы на один день?

И я попала в дурдом Ахметьева вместе с Мишей.

Надо сказать, что обиды моих родителей не бесчувственны, не бесчеловечны. Иногда, во времена сильных, больших потрясений, они делают шаг в сторону, чтобы мы могли объединиться и пережить момент. Обычно для подобного были грустные поводы. Родители начинали разговаривать, по делу, совсем разучившись это делать, восстановив только тихие просьбы: «сходи», «купи», «найди», «позвони, закажи». Когда после повода проходило несколько дней и «раны затягивались», родители снова забывали все общие слова.

Хороший повод объединиться (настолько хороший), повод заговорить – не стать семьей, нет, просто обменяться бытовыми фразами на спокойной ноте, – выпал впервые. За долгое время впервые. И мне очень хотелось этого новогоднего чуда – семьи.

Я побеседовала с мамой, побеседовала с папой. Компромисс был найден: с папы – бутылка хорошей водки, бутылка минералки и какая-нибудь нарезка. Все удивительно мирно сошлись на этом, и началось ожидание.

Начался бег по магазинам со списком, в котором был стандартный набор (мандарины, все на «шубу», хлеб на бутерброды) и то, что было заказано из Питера (мне в сообщении Валя помечтал о крабовом салате, маме он намекнул на голубцы, папе сказал о фруктах).

– Он просто хочет домой, – стало нам всем очевидно, хочет домой и представляет дом во всем возможном обилии, во всех приятных ассоциациях.

Накануне прихода поезда мы поставили и нарядили елку. Новый год, Новый год настанет 20 декабря, в 17:20 (нет, от вокзала до нашей улицы Бархатовой примерно час, так что где-то в 19:00)!

Мама весь прошлый год жила у Вали в комнате (она храпит, и я, используя возможность выспаться, попросила ее временно переехать). Накануне

его приезда (за неделю до) она постирала постель, сложила ее стопкой и спала просто на покрывале, так, словно готовилась подскочить и выбежать в прихожую в любой момент. Мне кажется, если бы у нее было куда уехать, она оставила бы вычищенную квартиру в полной готовности к встрече и уехала куда-то до нужного дня.

Она тоже была в стихотворении, но виду не подавала.

Спектакль Гришковца про собаку не отпускал меня: я несколько раз была вынуждена прервать запись, но мне не терпелось узнать, чем же закончилась служба Евгения, хотелось пережить с ним возвращение, подготовиться к тому, что случится в моем доме скоро. Ведь спектакль говорит такими близкими, понятными словами, что я верила – рассказ Гришковца и правда меня подготовит, эмоции будут похожими.

Я смогла дослушать спектакль вечером 17 декабря, времени на моральную подготовку у меня было мало. Я включила запись и вдруг обнаружила, что она сделана не до конца, у нее нет финала. Это было странно... Символично, знаково, интересно... Но тогда я этого не понимала и обшарила весь интернет в поисках полной версии.

Нашла видеоспектакль 2016 года. Оказалось, что версий истории про собаку множество (разных лет), и в каждой из них в целом одна и та же история рассказывается совсем разными словами. В одной из версий спектакля так:

Я отчетливо помню свое последнее утро службы на флоте, я его так ждал, я его ждал так, как ничего никогда в жизни не ждал, и не дай бог, я не хочу, не хочу я, не дай бог, мне опять чего-нибудь так ждать, как я ждал того утра, я же его ждал, ни одной другой мысли не было, я зачеркивал дни в календариках (у меня же были календарики, я зачеркивал). Это было какое-то даже интимное наслаждение – дожидаться вечера и перед сном или перед важной ночной взять календарик, уединиться (что было трудно, на корабле уединиться) и в одиночку, только в одиночку, зачеркнуть день прослуженной безвозвратно жизни.

Я зачеркивал эти дни, один, другой, третий, неделя, другая, третья, месяц, другой, третий, год, другой, третий.

Я ждал этого утра, и я знал, чего я жду.

Я услышала это поздно вечером, зная, что в этот конкретный момент мой брат с другими такими же мальчиками делит прощальный торт (Валя прислал

мне селфи на фоне белого крема и железированного киви), зная, что это самое желанное утро, последнее утро службы, наступит для моего брата завтра.

(Для него – завтра, а мы с Евгением уже все знаем. Или нам кажется, что мы что-то про Валу знаем. А знаем ли, мы не узнаем никогда.)

В инстаграме у Валиной девушки Лизы обнулится счетчик.

Бананы пожелтели и почернели: не дождалась.

Груши тоже не дождалась: обмякли, кожица на боках у них лопнула и засочилась мякоть, «каменные» груши скукнулись и завяли.

А нам, всем родным, повезло.

В 9:07 по питерскому Валя прислал селфи – он в гражданском, а рядом парень в форме.

В 12:16 – прислал фотографию билета Санкт-Петербург – Омск на 014-е место десятого вагона (за 5894,9 рубля).

– Сухпай дали? – спросила я в соцсети.

А потом как-то сразу наступило двадцатое число.

Такого масштабного праздника я в нашем доме не помню.

Я никогда не перетираю такое количество стаканов и тарелок, никогда не тащила по подъезду от соседней столько стульев и табуреток.

Мама никогда не готовила в таких масштабах картошку с курицей и такое количество голубцов (от волнения и отсутствия опыта она то пекла их в духовке, то тушила в скороварке, и все равно «запорола»).

Папа давно не проводил столько времени в зале – зал много лет был для него проходной комнатой.

Я поехала на вокзал на такси, единственный представитель семьи со здоровыми ногами, не трясущийся над картошкой.

Поезд № 14 подлетел к четвертому пути стремительно, мы – огромная любящая приехавшего толпа – бросились за нужным вагоном, потому что не могли допустить, чтобы Валя вышел к пустому перрону.

И не было вот этого: «Из вагона шагнул совсем другой человек, высокий и статный», нет, он был такого же роста и такой же родной. Да, он был в форме, и форма была единственной новой деталью. Для лучшего впечатления Валя вышел из вагона без теплой куртки, только в той, на которой были криво наклеены шевроны, а на спине виднелась надпись «Росгвардия», в тонких брюках и красном берете.

Да, форма была измята, но производила впечатление. А более всего впечатлял берет, даже не красный, а такого сложного цвета, взявшего что-то от вишни и от борща. Берет впечатлял потому, что прежде мы видели Валу во всем, кроме этого:

в ушанке и балаклаве, в шлеме и кепке, но чтобы в берете, красной тарелке с черным кантом и значками, такого не было.

Валя был родной, а берет совсем непривычным, и вместе они были именно тем, кого мы ждали – родного, но изменившегося, повзрослевшего, высокого, статного.

Лиза и Валя обхватили друг друга. Я получила объятия третьей. Кто был вторым? Не запомнилось.

Домой ехали на двух машинах:

– Вы только без нас не входите!

– А вы без нас!

Мама обняла Валу с улыбкой, а папа заплакал.

Валя не плакал, и что именно он чувствовал, никто не знал. Гришковец позволил заглянуть в голову вернувшемуся со службы, да, но головы-то у всех разные, свои.

– Садись со мной, – пригласил папа Валу и буквально сразу взял слово, – имею сказать пару слов!

Я опустила глаза на тарелку с салатом, зажевала губу.

Папа начал очень тихо и быстро, на слове «любимого» посмотрел на Лизу:

*Сегодня светлый и радостный день
Мы встречаем сына, брата друга
любимого.*

*Провожая нашего призванного
Мы испытывали чувство тревоги
и настороженности
Ведь служба вдали от дома это
сложное испытание.*

*Но наш сын справился. Благодаря
серьезной физической подготовке.
Доброту, коммуникабельному
характеру, веселому нраву
открытой душе. Год службы
позади он останется в памяти
навсегда Друзья сослуживцы
командиры, нелегкие армейские будни не забыть
Мы поздравляем сыночка тебя с возвращением домой
Добро пожаловать Ура*

И все захлопали. И до конца вечера не произошло ничего страшного: никто не рассорился, не заспорил до драки, не поранился, не обиделся.

Выпив водки, Валя раскраснелся (только по краям лба шли две белые полосы вверх), стал рассказывать смешное со службы, а папа мягко ругал его за маты.

– По-другому не расскажешь тут, – поясняли ему Валя и отец Лизы, дядя Коля.

Но папа все равно после каждого крепкого слова мотал головой, цыкал и играючи стучал Вале по макушке.

Было душно, сыто, спокойно – все уже случилось.

Утром я вышла на улицу с абсолютно непоколебимым ощущением первого января. Я прошла вдоль дома, прогулялась до магазина. С неба падали обрывки белой нежной бумаги, пахло свежестью, снегом, землей, влажной корой и как будто хвоей. Солнце висело на тополях. По светлым стволам и сугробам прыгали зайчики – пятна белого и желтого света. Где-то кричали невидимые дети.

И мне тоже хотелось кричать – звонко, легко, прерываясь смехом, подкидывать комья свежего снега. У меня все еще была семья. После праздничного вечера еще ничего не оборвалось, все было. У меня все было, было все и все были мои.

Когда на обратном пути я свернула в свой двор, мне навстречу вышел молодой парень в форме (она была какой-то такой, зеленого цвета, ни названия, ни звания для нее я не знаю), и кто-то позади меня, к кому этот парень шел, вдруг его увидел:

– Идет солдат по городу! – пропел звонкий мужской голос и зашелся смехом.

Я прошла во двор, а где-то позади меня случилась встреча двух молодых людей, с объятиями и похлопываниями (я слышала эти короткие, крепкие хлопки). А у меня в голове заело:

Идет солдат по городу, по незнакомой улице...

Я поднялась в подъезд, держа песню во рту. Тихо мыча ее, разулась, переоделась.

И от улыбок девичьих вся улица светла...

Зайдя на кухню и поставив чайник, я прибавила к мычанию притопывание правой ноги.

Идет солдат по городу, по незнакомой улице,

И от улыбок де-е-евичьих вся у-ли-ца светла.

Не обижайтесь, девушки, но для солдата главное,

Чтобы его да-а-алекая, лю-би-мая ждала...

Под шипение на плите чайника я промычала припев песни с самого начала, громче.

И разрыдалась.



ПУМАКОТ



АЛЕНА РАНИТИНА
Родилась в 1990 году в Москве. Окончила Московский государственный лингвистический университет, переводческий факультет (нафедра итальянского языка).

Нуратор литературного направления в Арт-кластере «Таврида». Финалист литературной премии «Лицей» имени А. С. Пушкина (2017).

*Пумако́т к тебе придет,
Он знает от подвезда код
И ночью выпьет весь компот.*

Когда В. и Т. были маленькими, я был необъятных размеров: мое песочное пузо заслоняло большую часть неба над городом, а каждая лапа могла раздавить по целому району. Скажем, Коньково или Хамовники спокойно могли исчезнуть в недрах моих теплых пушистых подушечек, если бы я захотел. Но я этого не хотел. У меня были дела поважнее. Во-первых, я всегда и везде сопровождал В. и Т., следил, чтобы с ними все было в порядке. Во-вторых, несмотря на мои размеры и наружность свирепого хищника, я был добряк, каких еще поискать: В. и Т. нещадно мучили меня, а я все благодушно терпел, они выдергивали мои усы и использовали их как канаты, забирались ко мне в уши и терялись там на несколько часов, слушая африканские сказки. В моем мехе они прятались, когда надо было ранним зимним утром вставать с постели и идти по холоду в школу и сад. Мы объездили и облазили с ними все парки и заповедники в радиусе тысячи километров от дома, охотились на ведьм и гигантских пауков, спасали Рождество и Новый год, смотрели на зубров, лис и рысей, ели глаза драконов для ночного зрения и мягкие зубы троллей для крепкого сна.

Как сейчас помню нашу первую встречу. Их папа, как-то укладывая В. и Т. спать, тихим, вкрадчивым голосом произнес: «Пумако́т к тебе придет, он знает от подвезда код и ночью выпьет весь компот». Они закрыли глаза. Я открыл глаза. Так мы, собственно, и познакомились. Той ночью я совершил первую в своей жизни вылазку к людям. Со мной никто не мог сравниться в хитрости и коварстве по части кражи фруктов компота из пятилитровых банок и десятилитровых кастрюль. Бесшумно осушив их за пару глотков, я принял свои исполинские размеры, которые сохранял многие годы. В. и Т. с папой исправно оставляли для меня все это время по ночам мое сладкое топливо, и я был для них бессменным верным другом в горе и радости, пока однажды что-то не разлучило нас.

Пробравшись ночью на кухню, я заметил, что компот уже не тот. Его становилось все меньше и меньше, пока в один день, точнее, ночь, его не заменил магазинный суррогат, а потом его сменил сок, а потом и вовсе ничего не стало. В. и Т. больше не забирались ко мне в уши послушать истории перед сном, они сидели, упершись взглядами в черные прямоугольные зеркала, которые загорались светом, стоило до них только дотронуться. Я почувствовал, как стремительно уменьшаюсь в размерах, каждую ночь я терял по несколько десятков километров длины и десятки килограммов веса, пока од-

нажды не скукожился до размера брелока, который предок (так теперь называла папу В.) подарил ей на рождественской ярмарке. Она прикрепил меня вначале к рюкзаку, так я впервые увидел, как она затягивается первыми сигаретам под дешевое пиво на заднем школьном дворе. Потом мы съездили с ней в языковой лагерь на бесцветное море, где я видел ее первое море слез от первой, конечно же, несчастливой любви. Затем я перекочевал на спортивную сумку, которую она брала с собой на все сборы. Я увидел полмира, изрядно пообтерся и облез, но был счастлив: я был с В., она хотя бы изредка вспоминала обо мне и вертела в минуты задумчивости или принятия важных решений в руках. Я всегда советовал ей, как лучше поступить, но она уже не слышала меня. Я превратился для нее в безмолвный талисман, смутное напоминание о прошедшем детстве. Но я гордился В., она была одним из самых целеустремленных людей, которых я когда-либо знал.

Как-то уже солидный и важный Т. сказал В., что негоже такой видной взрослой девице таскать с собой такое «замызганное-не-пойми-что». И В. открепил меня. И кинула на дно какой-то старой сумки, а сумку зашвырнула в кладовку. Не знаю, сколько лет прошло с тех пор. Мне кажется, что прошли столетия. И вот однажды. Молния раскрылась, и я увидел лицо милой В. Она была уже совсем взрослой. Ее рука поколебалась с мгновение и достала меня, прикрепив к дорогой светской сумке. Мы отправились на какой-то полигон. Пока мы ехали, она отчаянно что-то шептала мне, но теперь уже я не мог расслышать ни слова, как ни пытался. Когда мы оказались с В. на месте, ее встретили люди с микрофонами и камерами. Она шла в высокой обуви, от которой сводит ноги, чинно улыбалась, и что-то рассказывала. Ее засыпали вопросами, на которые у нее не было ответов, как вдруг моя цепочка оторвалась и я упал на землю. «В.! В.! – беззвучно кричал я. – В., обернись! Я упал, В., не уходи, В.!» Но она не слышала. Она продолжала отвечать на вопросы, от которых ей становилось нечем дышать. В какой-то момент она провела рукой по тому месту, где должен был быть я, и, видно, почувствовав, что меня там нет, судорожно обернулась назад, но так и не увидела меня. И продолжила идти, не останавливаясь. Моя В. удалялась в рое жужжащих черных людей. В. уходила вперед. В. ушла. Все. Тишина. Никого. Она не вернется за мной. Да и кто бы вернулся за старым, сломанным брелоком. Ком. Ом.

Я лежу на холодных камнях на земле. Начинает моросить. Холодные камни злорадно посмеиваются надо мной и моими рассказами о том, что я всегда

и везде сопровождал В. и Т., следил, чтобы с ними все было в порядке. Я всегда и везде... чтобы все было в порядке... В. и Т... никогда и нигде... больше не вернутся ко мне.

За две недели до Нового года зима, наконец, врывается на полигон белой порошей по замерзшей выцветшей траве.

«Вот, сейчас меня и заметет».

«Пумакот! – впервые за многие годы у меня прорезается слух. – Пумакот, вернись к хозяйке!» Она бежит по полю и отчаянно ищет меня взглядом среди тонкого слоя первого снега. Не видит. «Пумакот!» И словно ей снова шесть. «Пожалуйста!» Не видит. Не видно меня. «Я принесла тебе компот». Садится на корточки в своем взрослом пальто моя В., пачкает его в земле и открывает банку. «Ну пожалуйста! Вернись!» Сейчас расплатится от беспомощности, как в детстве.

Когда У. и Л. были маленькими, я был необъятных размеров: мое песочное пузо заслоняло большую часть неба над городом, а каждая лапа могла раздавить по целому району. Скажем, Арбат или Басманный спокойно могли исчезнуть в недрах моих теплых пушистых подушечек, если бы я захотел. Но я этого не хотел. У меня были дела поважнее. Во-первых, я всегда и везде сопровождал У. и Л. Как сейчас помню нашу первую встречу. Их мама В., как-то укладывая У. и Л. спать, тихим вкрадчивым голосом произнесла: «Пумакот к тебе придет, он знает от подъезда код и ночью выпьет весь компот». Они закрыли глаза. Я открыл глаза. Так мы, собственно, и познакомились.



СИТЦЕВ КРАЙ



АРСЕНИЙ ГОНЧУНОВ
Писатель, режиссер. Родился в Нижнем Новгороде в 1979 году. Окончил ННГУ по специальности «филология» и Шнолу кино при Высшей школе экономики. Обладатель более двадцати наград российских и мировых кинофестивалей. Автор двух книг, в том числе поэтиче-

ского сборника «Отчаянное рождество» (2003). Призер конкурсов «Любимовна» и «Личное дело». Участник Семинара молодых писателей в Липнах (2008).

Застань Илью кто-нибудь за этим занятием, ему бы стало стыдно. Вот так, вслух, с почти бесстыжей откровенностью говорить с самим собой – это очень интимно. О привычке не знал никто. В детстве он вел беседы чаще, теперь только по праздникам. Этот Новый год особый, поговорить надо. Чтобы было настолько тяжело – он и не вспомнит.

– Ну привет, Илья, привет, привет, привет... – шептал, как заговорщик. – Ну как ты? Как ты там поживаешь, мой дорогой? Ну, рассказывай... Держись? А? А? Только меня не обманывай, ладно?..

Начало было бессмысленное, нашпигованное общими фразами, но затем быстро переходил к сути. Громко бормотал у окна, и слова текли сплошным потоком, похожим на молитву. В особо трудные времена начинал напрямую обращаться к Богу. С ним говорил прямо и честно, как со старым школьным товарищем. Спрашивал, пенял, негодовал, просил. Что же мне делать, Господи? За что ты меня так? Как мне выпутаться из очередной ловушки?

Из коридора донеслись быстрые шаркающие шажки, шелкнул выключатель. Илья обернулся и затих. Он стоял у подсвеченного с улицы ночного окна в темной пустой кухне, в черной футболке и темно-синих домашних трико.

Аня? Наверное, в туалет. Вдруг в дверном проеме свет мигнул, как под шторкой фотоаппарата, и у входа мелькнула тень. Илья задержал дыхание,

и тут же ему под футболку нырнула теплая рука жены и торопливо обняла за грудь, а в шею уткнулись нос и горячие губы.

– Ы оро? – спросила она, и это значило: «Ты скоро?»
– Сейчас приду... Хочу просто... немного побыть...

Гладкая рука скользнула по его животу, и Аня так же быстро растворилась в темноте, а когда шаги в глубине квартиры стихли, она шелкнула выключателем и забрала из коридора свет. Из гостиной, дальней комнаты их просторной трешки, доносились голоса его отца, мамы и тещи. Беседовали, изредка позвякивая вилками и бокалами. Еще глубже, за ними, можно было различить бормотание телевизора.

Свет от уличного фонаря подсвечивал жесткое, осунувшееся, похожее на маску лицо Ильи. Он смотрел в темную глубину декабря, где голые ветви, растопырив пальцы и раскачиваясь, пытались нащупать в воздухе опору. Аня пока не знает, что он, то есть они, почти банкроты. Илья до последнего надеялся, что рассказывать ей не придется. Но завтра уже январь, и шансов, что 2020 год пощадит, почти не осталось.

Твердеющий от разваренной картошки оливье, подсохшая колбаска, прохладное кислотоватое шампанское. Захмелевшие добродушные старики, румяная улыбчивая Аня, за ними вываливающийся из телевизора огромный Киркоров и его прилипший

к нитке усов живой красный рот. Он поет, что ли? Илья усилием воли вернул себя за стол.

- ...И прийти с Сайгой в приемную... открыть стрельбу по дежурному... в профессиональный праздник! Ну! Так нельзя! Нельзя! Недопустимо! – не унился Павел Сергеевич, седобровый отец Ильи.
- Ты про нападение на здание ФСБ, что ли? Этого придурка? – спросил Илья.
- Ну! А я о чем перед тобой тут распинаюсь? – возмутился отец.
- А ля гер ком а ля гер, как говорится, – сказал Илья.
- Он как не здесь сегодня у тебя... – кивнула Аня Лидия Сергеевна, моложавая теща.
- Ох, ребят, хватит про политику! Паш, обнови-ка мне... чу-уть-чуть... ага, ага... хватит, хватит! – дернула вверх запенившийся бокал мама Ильи Алена Марковна.
- Ты вообще, что ли, ничего не ел? Я не заметила, – спросила Аня уже в спальне, повернувшись к нему спиной, чтобы помог снять лифчик.
- Не, я ел... и пил тоже... Просто устал. Год, понимаешь ли, тяжелый выдался! – Илья невесело засмеялся.

Легли, обнялись, как начали засыпать – друг от друга откатились. Илья некоторое время лежал, смотрел в стену и с мыслью, что не заснет до утра, тут же соскользнул и провалился в безразмерную яму.

Утром проснулся от сдавленного смеха жены.

- Ой, прости... Разбудила? – Оторвалась от шоу «Что было дальше» в телефоне, погладила мужа по плечу.
- Да не, выспался... – Повернулся к ней, кивнул на дверь. – Не встали еще?
- Не-а... Может, позавтракаем, пока все спят?

Сидя в трусах на холодной табуретке, подбирая хрустким кусочком тоста растекшийся по тарелке желток, Илья смотрел на бедро, плечо, острый профиль жены и думал: сказать, нет? Аня сосредоточенно следила за кофе в турке.

Не решился. И тут же пришла спасительная мысль – раз не придумал, как лучше сказать, значит, и говорить не нужно! Рано. После праздников откроются банки, они встретятся с Русланом в офисе, и, когда решится все окончательно, тогда и скажет.

Руль был холодный, ладони немели, но в перчатках водить не любил. Первый рабочий день после долгих новогодних праздников. Небольшой городок протирает глаза, у него получается плохо. Дороги не убраны, по рыхлой снежной каше спасает только передний привод его «камрюхи».

Дом-корабль, дом-подкова, дом-пуля, дом-птица – вспомнил Илья местные архитектурные достопримечательности. Перечисленные вещи здания-динозавры конструктивизма напоминали слабо, но сама попытка реализации дерзких фантазий в российской глубинке не может не восхищать. Офис их компании находился в бизнес-центре «Парус», который тоже старался походить на парус. Нет, все-таки дом-птица еще куда ни шло. Но страсть архитекторов сделать одно творение человека похожим на другое...

Руслан встретил с улыбкой и ставшим родным кавказским радушием, по которому Илья даже соскучился. Потрясли друг другу руки, перехватили за большие пальцы, обнялись, похлопали по плечам, но глаза в глаза смотрели недолго. Илья метнулся к кофемашине, заглянул, есть ли вода, нажал кнопку, аппарат зажужжал и начал заполнять комнату плотным ароматом кофе. Подошел к панорамному окну во всю стену, за ним грибочками под снежными шапками теснились одноэтажные избу.

– Ну что, Руслан Темирович, я буду скучать по этому виду из окна... А ты? – сказал спиной, не оборачиваясь.

Руслан, такой же худой и невысокий, как Илья, только не светло-рыжий, а черноволосый, сидел за столом, постукивая ручкой, и тоже смотрел на заснеженный город. Илья обернулся на секунду, посмотрел на друга. Интересно, скучал он по родному Владикавказу или Москве, откуда они несколько месяцев назад приехали с семьями, чтобы открыть швейную фабрику «Ситцев край» – по старинному народному прозвищу Иваново? Не слишком успешные молодые модельеры, совладельцы закрытого теперь крошечного бутика на Тверской, удачно, как им казалось, арендовавшие в городе невест четыре швейных цеха.

- Скучать не буду, брат! Точно не буду, – сказал Руслан, и на лице его возникла улыбка.
- Что ж так? Совсем? – Илья налил кофе и сел напротив.
- Ага, совсем не буду, дружище. Ни вот единого грамма! – сказал Руслан с не очень понятной веселостью, его черные глаза сверкали, брови двигались.
- Ладно, я просто... в Новый год сильно перенервничал, так, что и родителей, и Аньку перепугал... – вдруг сказал Илья. – А потом отдохнул, подумал и как-то смирился... Потерять потеряем... но мы знали, то есть... мы шли на этот риск...

Руслан перестал стучать ручкой, положил ее на стол и отодвинул на край. Илья продолжил резке, голос его стал глуше:

- Зато будет нам с тобой урок. Московским мажорам, которые возомнили себя флагманами тек-

стильной промышленности... Ну... вернемся... А там, может, в торговлю снова, вместе или по отдельности... не знаю... Производство все-таки совсем другая сфера, не наше купи-продай... Так? Или... как? Ну... чего ты лыбишься?

Руслан продолжал странно и как будто напряженно улыбаться. Илья отпил кофе, подцепив верхней губой светло-коричневую пенку, и облизнулся.

Они действительно рискнули. Залезли в кубышки и долги, переехали, взяли кредит, начали готовить арендованные цеха к запуску производства... Но крупный столичный контрагент, хороший знакомый, давший железные гарантии, что не разместит заказ, как обычно, в Китае, а сделает ставку на более дешевый ивановский пошив, слово свое нарушил. Ребят, говоря прямо, кинули.

Известный российский бренд одежды отказался от новой стратегии, не стал рисковать и отдал основные объемы пошива снова в Китай – азиаты обещали качество поднять, а цену сбавить. Произошло это накануне подписания тщательно проработанного юристами двух сторон контракта. Хорошо, Руслан в последний момент притормозил оплату ткани и фурнитуры, хорошо, они не успели подписать с работниками договоры. Но у них осталась самая неприятная проблема – многомиллионный кредит в банке.

Илья вопросительно смотрел на Руслана, и тот чувствовал, что напарник злится.

– Ну? – сказал Илья.
– А? – шутливо вскинул брови Руслан.
– Выкладывай, – сказал Илья.
– Юрец написал. – Руслан отвел руку в сторону, опустил растопыренную ладонь на стол, провел ей по поверхности обратно, и между ними появился лист бумаги – распечатанный мейл, судя по всему.

– Этот подонок? – Илья поставил кофе на стол.

Юрец был тем самым «хорошим знакомым», представителем известного бренда, что заманил их сюда лакомым контрактом.

– Русик, ты знаешь, что с такими в девятностые делали?
– Так! – громко сказал Руслан, зная, что если Илья начинает говорить «Русик» и поминать детство в лихие времена, то его друг нервничает. – Стоп! Погоди... Он не извинения прислал. Он нового заказчика нам нашел. Другого. Совсем. Киллеров нанимать пока не будем, хорошо?

Руслан хихикнул, Илья взял со стола письмо и начал читать, через минуту оторвал взгляд, посмотрел куда-то перед собой, помедлил и, наконец, положил бумагу на стол, шаркнув по стаканчику кофе.

– Это шанс, брат, – спрятав улыбку, серьезно сказал Руслан, и черные глаза его блеснули азартом и надеждой.

Илья встал, шумно отодвинув стул, подошел к окну. Города видно не было, поднялся ветер, взбаламутил мелкую снежную пыль.

– Слушай, ну я не знаю даже... – начал Илья. – Загадочная какая-то движуха... Известнейший спортивный бренд... один из самых-самых в стране... и будет шиться в Иваново?

– Ну да, у нас, – просто сказал Руслан. – Это нам работы и бабла на год вперед, а для них капля в море... Ну я им верю. И потом, это же недорогие ветровки, Илюх... В России они правда могут выиграть по цене-качеству...

Помолчали, стало слышно, как мелкий острый снег царапает стекло. Осторожная тенденция, когда крупные компании возвращали производства на родину, в последние годы и правда наметилась. Ее спровоцировали санкции.

– Только сначала договор, до него ни рубля, – сказал Илья, все так же стоя у окна и не оборачиваясь. – Я просто пальцем не пошевелю...

– Естественно, – вдруг сказал Руслан из-за спины, очень близко, и Илья оглянулся. Руслан стоял сбоку, прямо за ним, смотрел и улыбался.

– Как там... А-а на-ас ра-ано! Еще! Ха-ара-ани-ить! А у нас! Еще е-есть! Дела-а!

Руслан захохотал, Илья выдвинул назад локоть, но напарник поставил кулак, и атака была отбита.

Когда Илья поехал на вокзал проводить в Москву маму, тещу и тещу, которых должна была привезти из дома Аня, метель разыгралась не на шутку. Но время еще оставалось, и Илья двинулся сквозь снежную завесу как можно медленнее. Родителям их просторная, арендованная в новом ЖК квартира понравилась, и это было приятно. И главное, по бизнесу они еще повоюют, «Ситцев край» получил второй шанс, а Рус молодец и красавчик – еще какой!

Да и чуйка не подвела. Хорошо, что не взял семь цехов, как предлагал ему Антон Быстров, владелец одной из старейших ивановских фабрик. У того семнадцать цехов в четырех корпусах, а сам, имея двойное гражданство, живет в Бирмингеме. Хорошо устроился! Но... может быть, наступил момент, когда стоит рискнуть? Взять еще три-четыре цеха? Под такой-то заказ. Кредитных средств на оборудование не хватит, но... Сколько миллионов у них выходит запуск одного цеха? Можно с Русланом подумать, поискать, скинуться... И если у бренда серьезные планы, оборот к лету будет не менее пятнадцати миллионов в месяц, а это уже солидно...

С такими объемами и в Москву не захочется возвращаться.

А что Руслан? Потянет? Который год ведь живет не по заработанному. Дизайнерская «двушка» в Новокосино, «порше» жены, его белый «ровер» – все от дяди Аргуна, толстяка с замашками мафиози, который нет-нет да и пригрозит устроить племяннику персональный аудит... Рус может на новые траты не пойти. Так, а сколько в итоге-то надо?

Считал деньги Илья легко, в фоновом режиме. Даром что модельер с художественным образованием, он с ходу просчитывал возможности, взвешивал шансы, прикидывал результаты... И, конечно же, риски.

Он не забыл, что затея со «своими ивановскими фабриками», с отшивом не в Китае, а здесь, в российской глубинке, еще недавно казалась по меньшей мере экстравагантной, коллеги в Москве, когда провожали, подбрасывали недоуменно бровки, кривили ироничные ухмылки. Но, во-первых, уникальное предложение Юры, а во-вторых, восстановившаяся после кризиса покупательная способность, растущий спрос... Все как-то складывалось. Осторожный Илья поверил.

Мелькнула мысль – он усмехнулся, ему в ответ подмигнули красный, желтый, он тронулся, поехал за автобусом, не обгоняя.

Чего смешного? – спросил себя и осекся. В Иваново они поехали не для того, чтобы построить новый бизнес, а в надежде спасти брак. В начале прошлого года, ранней весной, сразу после сорокового дня рождения, впервые лет за пятнадцать, наверное, Илья запил, отчаянно и безобразно. Через месяц скандалов и потасовок Аня, замазав тональником тонкий серп синяка под левым глазом, поехала подавать заявление на развод. Только тогда он очнулся. Догнал в приемной ЗАГСа, схватил, вытащил ее на улицу, затолкал в такси, сам, закрывая дверь, поскользнулся на льду и раскроил висок о бордюр, залил кровью все вокруг... Анька вылезла помочь остановить кровь, таксист обматерил их и уехал. Возвращались домой в обнимку.

За десять лет совместной жизни такое случилось с ними впервые. Никогда он столько не пил, никогда не поднимал на жену руку. Аня его простила, «в первый и последний раз», и они оба знали, что она сдержит слово.

Илья вывернул руль, вылез из густой снежной колеи, обогнал автобус и увидел в белесой пелене вокзал – низкое продолговатое здание с окнами, похожими на огромные застекленные решетки. Даже вокзал здесь похож на ткацкую фабрику.

Почувствовал, что вспотел. Выключил печку, начал искать парковку.

Чего пил-то весной? Зачем? Что за трагедия случилась? Герой ты сраный. Не удержался, опять усмехнулся. Не знаю, чего бухал. Сорок лет, детей нет, бизнеса нет, капитала нет, стабильности нет. Есть он, непутевый, и его потуги состояться, создать надежную компанию и, когда нормально зарабатывает, заняться наконец собой и семьей, а еще здоровьем, а еще регулярно ездить отдыхать и домик присмотреть в ближайшем Подмосковье. Одни фантазии и мечты – и жизнь, убегающая сквозь пальцы.

Перегретый, выскочил из машины – и чуть не сдуло: метель ударила в лицо, высекла из глаз слезы, юркнула за мягкий горячий воротничок.

В том-то и проблема, да, Илюх? Вроде внятных причин для тоски и депрессии не было, а запой и депра все равно были... Что это? Слабость? Распушенность? Или я чего-то про себя не знаю?

– Звонила мама, доехали отлично. Если тебе интересно... – Аня лопаточкой двигала по сковородке яичницу, напоминающую страну на карте.

Илья, оторвавшись от телефона, посмотрел на ее перетянутую пояском халата тонкую талию.

– Да, да! Ну прекрасно. Я рад... Что, понравилось им у нас?

– О да-а-а! Еще как! Особенно мама обалдела, конечно, от наших просторов... – Аня достала из морозилки масло, взяла нож из ящичка и положила на стол.

– То-то же! – Илье было приятно.

Возить из Москвы родителей и друзей, чтобы не закинуть здесь среди снегов, – его идея.

Хотел отрезать масла, но нож соскочил с затвердевшего бруска и громко шелкнул по столу. Тут же загудел, завибрировал телефон. Звонил Руслан, спрашивал, какие планы. Илья рассчитывал сегодня посидеть посчитать запуск цехов с Анжелой, нанятым на днях директором производства. Руслан сообщил, что к ним в Иваново едет представитель заказчика, того самого спортивного бренда, некий Иван.

– Как вы? Запускаться будете?

Аня положила себе одно яйцо, два аккуратно выложила Илье на тарелку.

– Да будем! Еще как будем! В марте точно, думаю.

Аня вытянула губы и поцеловала воздух в сторону мужа. Когда доели, но кофе был еще слишком горячий, она подошла и села Илье на колени. Он обнял ее полные теплые в халате бедра, уткнулся в грудь, вдохнул черничный запах ткани, замер. Аня

погладила его по голове и поцеловала в макушку, чем всегда смешила Илью.

Через пятнадцать минут он был уже в лифте, а Аня стояла в душе, стараясь не замечать солоноватого привкуса во рту.

С той весны, даже после «завязки», его бесконечных просьб о прощении, после ее ультиматума и после ужина в ресторане в честь окончательного примирения, она все равно была уверена, что их брак окончен. Чудом не рухнул, но долго не простоит, не удержится. Частенько она ощущала внутри себя обжигающий холодок, ноющую пустоту – память о том, что случилось. Как безжалостно он ударил ее, словно жестокий, подлый, чужой человек. Как тот, кто никогда не был родным. И никогда не будет.

Неужели они останутся вместе? Неужели у них все-таки есть шанс? Она плакала оттого, что впервые за год ей почему-то показалось, что сохранить брак возможно.

Анжела встретила Илью на высоких каблуках, в алом платье с разрезом и широким кожаным поясом, с высокой прической и макияжем кинозвезды.

– Приве-ет! Не пугайся! – Она звонко засмеялась. – Не для тебя я нарядилась, у меня фотосессия для инстаграма была... Ты проходи! Прходи, шеф! Кофе? Вискарь?

– О, вискарь? – Илья разулся. – Инстаграм – это серьезно...

– А ты думал, мы тут в своей деревне и слова такого не знаем? Ась? – Анжела смеялась уже из кухни.

Илья выдохнул с облегчением. Мысли о том, что Анжела провоцирует его на нечто, никак не связанное с работой, его посещали. Яркая, крупная, энергичная, она его пугала.

Анжела вернулась с бокалом, подмигнула, кивнула вглубь квартиры. Он двинулся за ней, зацепив краем уха новости по радио, где сообщали о городе Ухань и загадочной пневмонии в Китае. В голове промелькнуло: вечно от этих китайцев какая-нибудь зараза приходит... И тут же подумал – а им каково? Так про них говорит вся планета.

– Во-от, знакомьтесь! Это Илья Палыч! Модельер, фабрикант, красавец, москвич. А теперь наш. Практически уже местный! – И она фамильярно похлопала Илью по плечу.

Он протянул для рукопожатия руку, невольно отодвинув Анжелу.

– Так мы знакомы!.. Привет, привет, коллеги! А вы тут? Вот это сюрприз!

Илья неожиданно обрадовался, встретив здесь арендодателя Антона Быстрова, немного суетли-

вого, похожего на ухоженного подростка мужчину, а с ним раскосого, с широкой переносицей, китайского, как ему показалось, молодого человека. Тот сразу начал улыбаться и легонько, всем корпусом, кланяться. Илья аккуратно пожал ему руку.

Разговорились с Быстровым, который привез, как оказалось, в Иваново целую делегацию по губернаторской программе обмена опытом предприятий – лидеров текстильной промышленности. Из разговора Илья понял, что Антон в ходе импровизированной экскурсии для пьющего виски большими глотками господина Фа пытается решить собственные деловые вопросы. Цеха Быстрова в большинстве своем простаивали и прибыли не приносили.

– ...Так вот, помимо прочего, – тараторил Быстров, – у меня есть идея внедрения здесь, в глуши ивановской, технологической линейки, которую они выстроили у себя, и она показала ну просто поразительную рентабельность и эффективность... На каком цикле вы вышли на окупаемость, напомни?..

Илья смотрел на арендодателя, невольно размышляя об уникальном сочетании в одном человеке двух столь разных типажей владельца заводов-пароходов и... игрока-авантюриста. Обычно вторые в первых надолго не задерживаются.

Скоро гости ушли, и Илья остался с Анжелой. Они уютно уселись с макбуком на диване перед дубовым столиком, сине-белый свет монитора заливал лицо Анжелы и лишь немного доставал до Ильи. Она ловко щелкала в «Экселе» смету, создавая ячейки и вбивая формулы.

– Какого числа в марте мы хотим открывать цеха? – повернулась Анжела к нему, и лицо ее стало строгим и некрасивым. – Вот прямо первый рабочий день...

– Да второго, в понедельник, думаю... да? Вроде мы успеваем по ремонту и поставкам... Тебе Руслан звонил?

– Агась, звонил, говорили с ним утром... По поставкам ткани и фурнитуры он с турками уже разговаривал, как раз месяц, должны успеть... А вот когда вы договор подпишете с контрагентом своим – вопрос...

– Да быстро. Иван уже едет знакомиться... Они сами заинтересованы не тянуть, так что скоро. Что там выходит?

– Погоди еще...

Она щелкала мышкой. Из темноты со стен на Илью смотрели резные деревянные маски с круглыми ртами, как будто беззвучно кричали на него... Анжела что-то рассказывала про первого мужа, который был путешественником и увлекался палеонтоло-

гией. Интересно, откуда он приволок эти рожи? Из Новой Гвинеи? А где это?

– В общем, смотри, что у меня получается... – шумно вздохнула Анжела. – Денег немного не хватает, но мы еще ужмемся... У меня по швеям, мастеру и технологу по зарплатам будут предложения по оптимизации, но не суть. Главное, решить вот что... смотри, вот здесь...

Анжела переходила на строгий деловой тон – и менялась вся комната, маски скрывались во тьме, исчезали запахи, как будто и не разливали здесь виски какой-нибудь час назад. То, что они обсуждали, Илье давно было понятно, но никогда не помешает перепроверить. Стройматериалы, затраты на ремонт цехов, новое оборудование, его монтаж, отладка, новая мебель, взятки чиновникам, согласования с пожарными, зарплаты сотрудникам, сырье для пошива, инструменты, запчасти, фурнитура, два новых автомобиля «Газель», коммунальные платежи, непредвиденные... Все перечислять долго, но все должно быть учтено и просчитано.

Запуск фабрики «Ситцев край» требовал кругленькой восьмизначной суммы. Большая часть – пресловутый кредит в банке, доля дяди Руслана и деньги Ильи. Точнее, его мамы, которые она втайне от всего мира ему выдала, заняв у коллег покойного отца под залог единственной оставшейся у них ценности – старенькой московской квартиры.

Тайна эта была сокрыта за семью печатями, потому что никто не должен знать, что у Ильи за душой ни рубля собственных денег. Поэтому в новой истории с четырьмя цехами и спортивным брендом он не мог облажаться.

Февраль промелькнул незаметно, в хлопотах. Ильи с Русланом дважды гоняли в Москву обсуждать контракт, уточнять детали поставок трикотажа и фурнитуры из Турции, забирать готовые брендированные нашивки. Заезжали к дяде Аргуну, с которым удалось договориться подвинуть на май первую выплату по личному кредиту Руса.

В цехах работа шла полным ходом. Анжела и нанятый будущий технолог всего производства, вечно угрюмый седоватый Сергей Сергеевич, с фабрики не вылезали, еле успевая контролировать бурную деятельность строителей.

Аня почти каждый день созванивалась с родителями и свекровью Аленой Марковной. Старики никак не могли привыкнуть к отсутствию детей, и она утешала.

Сам Ильи весь месяц был на подъеме, «на коксе», как шутил про друга-трезвенника Руслан, и действительно, жадный до работы Ильи даже похудел.

Дела спорились, сотрудники не подводили, рабочие планы – о, чудеса! – исполнялись как по часам. «Ритмично, ритмично идем!» – восклицал неугомонный Ильи, пытаясь перекричать циклевочную машину, снимающую слой древесины с пола старинного цеха, Руслан подхватывал: «Рит-мич-нень-ко!» – и они с размаху, звонко, били друг другу по рукам.

Главным человеком в их жизни был, конечно же, Ваня, как ласково они называли московского партнера, представителя спортивного бренда. Иван Гольцов, человек интеллигентный, глубоко образованный, знающий три языка, официоза не любил и с парнями вел себя по-свойски, хотя без панибратства.

– У-у-у-у! Наконец-то! Вот вы куда спрятались! Здорово, парни! – врвался он в закуток московского ресторана, где они решили посидеть вместо офиса в Сити. – Ну? Как? Чего? Сегодня с поезда? Как там у вас, метели, слякоть? – начинал он хлопать по спинам и жать руки.

– Ваня, Вань, расскажи мне, как ты умеешь никогда не опаздывать на встречи? – подкалывал Руслан. – Да ладно! Ему можно! Куда нам, провинциалам, торопиться... У нас день в два раза медленнее течет! – смеялся и смягчал Ильи.

Они усаживались, заказывали хачапури по-аджарски, хинкали с чесночным соусом, боржомом, айраном с укропом. Сидели в три раза дольше, чем того требовал предмет встречи. И все трое, будучи почти сверстниками, ценили эту неожиданную дружбу людей, не очень равных по статусу, но близких по мировоззрению.

Ехали домой, и Руслан допрашивал:

– Признайся... все равно... нет, ну честно... хоть раз было чувство, что завидуешь Ваньке?

– Эм... С чего это вдруг? – отвечал сосредоточенный за рулем Ильи.

– Топ-менеджер компании из первой сотни, оклад больше ляма, наверное, офис, тачка, хата внутри Садового... Упакован по полной.

– Ты сейчас перечислил все составляющие человеческого счастья в твоём представлении, да? – спрашивал Ильи с упором на слово «все», и Руслан не понимал, шутит он или нет.

Через некоторое время Рус начинал снова:

– Еще, знаешь, я очень надеюсь, что после проекта мы останемся с Ваней друзьями... Приятный он парень, легко с ним... Полдня сидели – как десять минут мелькнуло!

– Да, конечно, все дело в легкости... – подтрунивал Ильи. – Да, главное – заказ сделать нормально.

– А куда мы денемся?

– Ну, дай бог, дай бог...

Иван, стоя в пробке недалеко от Сити, тоже думал про «ивановских ребят» только хорошее. Проект небольшой, но для компании, которая хочет вывести из Китая тридцать процентов всего производства, необходимый, тестовый.

– Ребята отличные. И грамотные, и душевные. Все вытянут. Ну, если с нашей стороны сюрпризов не появится... – говорил он после командировок в Иваново своему непосредственному начальнику.

С короткими перерывами на сон выходные напролет Илья, Аня, Руслан с двумя охранниками, присланными Сергей Сергеевичем, готовили торжественное 2 марта – день запуска производства. Вход в цех, что считался главным из четырех, так как в нем был отгорожен небольшой офис для администрации и технологов, украсили патриотично – аркой из красно-сине-белых шаров. Над дверями закрепили купленные по дешевке оставшиеся от новогодних распродаж китайские гирлянды. За бесценно Аня набрала наклейки-снежинок, дождика, лент...

Денег было в обрез, личных только на еду и бензин. Все вбухали в дело: в ремонт, в стройматериалы, в сырье для пошива – неделю назад на арендованный склад разгрузили пять прибывших из столицы фур.

Аню экстрим только подстегивал, она вкладывала в подготовку все силы. На торжественное открытие «их фабрики», как начали говорить все, она зазвала даже артистов. Шесть человек в красно-белых сарафанах да косоворотках, с балалайками да баяном, пришли и, хоть не танцевали, спели-сыграли несколько песен, красиво, до земли, поклонились, выпили шампанского, поздравили.

На заснеженной площадке во дворе старинной фабрики от машин и людей было тесно, но все-таки – им это удалось! – атмосфера была праздничной. Трехэтажное здание красного кирпича с аркой и высокими окнами нависало с четырех сторон, как кинодекорация, пасуя друг другу глуховатое эхо звучащей музыки. Перед полукругом музыкантов стояли столики с шампанским, без закусок, канапе, даже без соков; от столиков до входа в главный цех площадь заполняли рабочие. Всего на четыре цеха под сотню человек – швеи, портные, закройщики, разнорабочие, мастера, технологи.

Музыканты играли, им улыбались, хлопали, подпевали, топали в такт – и от хорошего настроения, и чтобы не замерзнуть. Потом довольные рабочие смели шампанское, а Илья сказал даже небольшую речь – запускаемся, надеемся, верим, будет прибыль – будет и рост, вы не подведете – и мы не подве-

дем, давайте работать, одна семья, спасибо всем, ну, с богом... Насколько хватило ораторского таланта.

После речи ему захлопали, налетевший ветерок смел со стола стаканчики, расшвырял по площади, Аня бросилась собирать. Рабочие начали расходиться по цехам. Артисты собрались в кучку и уже замерзли, но их старшая ждала, чтобы с ней расчитались. Баянист не мог успокоиться, наигрывал что-то блатное побагровевшими пальцами.

Руслан смотрел на площадь с противоположной от главного входа стороны, к нему шел Илья, оглядываясь по сторонам, затем они встретились взглядами и заулыбались. Ощущение было одно на двоих: торжественное открытие с дешевым шампанским, полубесплатными музыкантами, кучкой плохо знакомых друг другу работников выглядело настолько убого, что, может быть, лучше и не устраивать... Но вместе с тем оба понимали, что сделали все правильно. Несмотря на сиротливость действий и декораций, представление было проникнуто общей осторожной радостью и надеждой. Много на площади мелькало улыбок, хорошо было, по-родственному. А витающее в воздухе предвкушение ударной работы, успеха, скорой весны как будто сплотило всех, почти сотню человек!

Илья приобнял Руслана, тут же подбежала и сгребла их в объятия Аня.

– Ура! Ур-ра! – закричала, увидев их, Анжела и тоже двинулась к ним поздравлять.

Издали помахал и незнакомо улыбнулся Сергеевич. Площадь быстро опустела. Рабочие в теплых цехах раздевались, расходились по рабочим местам, вдыхая запах свежей краски, новой ткани, масла только-только собранных швейных машин.

В конце недели случилась первая неприятность. С утра пораньше Анжела влетела в офис «Паруса», куда пять минут назад вошел, не успев раздеться, Руслан. Пока она пыталась отдышаться и разматывала намокший шерстяной шарф, вошел Илья.

– Что? – спросил он.

– Здоров... – кивнул Руслан, глядя на Анжелу.

У обоих вспыхнуло в воображении худшее, что могли услышать люди, управляющие производством, – пожар, хищение, тяжелая травма... Через минуту Илья выдохнул, чтобы через две снова вдохнуть... Они ошиблись в расчетах, так как не ожидали, что брак ткани в турецких поставках будет больше пяти процентов... Ведь он и так высок! Между тем одна поставка – это минимум полтора месяца, и при нехватке материалов появляется серьезный риск нарушить утвержденный график пошива. А это значит – возможный разрыв контракта и, как следствие, крах всего

предприятия. График завязан на реализацию продукции через розничную сеть, с этим не шутят.

- Что... что делать? Ну ребят... – громко сказал Илья. – Мне можно не раздеваться, я в Москву.
- Нам же немного надо компенсировать, сколько там... – пытался с ходу сообразить Руслан, стоя в луже талой воды.

– Ладно, Анжел, ты иди, мы поняли, – махнул Илья, – посчитай, пожалуйста, и пришли точно. Русик, ты звони туркам, а я... беру билеты... И нам надо денежный вопрос решить, я правильно понимаю?

Руслан посмотрел Илье прямо в глаза и на мгновение замер.

Первая партия ветровок будет отшита только в апреле, в мае придет оплата от Ивана, но где взять деньги сейчас, на дозаказ материалов? Запасные аварийные варианты ребята в голове держали, но ни один из них не был простым.

Илья присел на краешек кресла и открыл приложение РЖД. Пока загружалось и обновлялось, удивился себе, что не раздражен, не зол, а ровно наоборот – счастлив. А потому что вот он, настоящий живой бизнес. То, что хотел. Производство, реальный сектор. Не сиди, зевай, и купи-продай, а авралы да форс-мажоры... Но черт! Первый уже через два дня после старта. И нужно включаться, думать, ехать, занимать. Иваново, снежная каша, которую никто не убирает. Растерянный друг. Круги под глазами жены. Детей тоже здесь рожать будем? А мы будем? Ехать, сейчас, в Москву. Огромный промозглый вокзал. Не к двенадцати неспешно на работу в магазин, начиная день с кофе с карамельным сиропом и немного корицы... Лерусь, что у нас по маркету по итогам месяца? Что скидочки? Нет, скидочки пока не убираем... А промозглый вокзал и срочно ехать.

- ...Либо что думаешь? – услышал вдруг. – Илюхин? Ты здесь? Ау-у?..
- А! Ой... извини, глючит приложка... – очнулся Илюхин. – Чего говоришь?
- Считал, сколько надо... Пытаюсь понять, если не успеем...
- Что-то плохо мы с тобой все посчитали, тебе не кажется? Как лузеры какие-то. – Илья резко встал, Руслан уставился на него.

Илья скользнул взглядом по офису, посмотрел в окно, коротко потянулся.

- Это ты нас лузерами назвал? – сказал Руслан и удивился, что голос его прозвучал не грозно, а жалобно.
- Короче, я так понимаю, лавэ будем просить у дяди твоего Аргуна. Иван еще долю хотел. Ну и я что-то придумая. Да?

Партнеры смотрели друг на друга. Оба все понимали, умели считать и деньги, и риски. До мартовских праздников нужно встретиться с дядей в Москве. Говорить с ним Илья умел лучше племянника. Руслан остался за старшего на только что запущенном производстве.

Илья вернулся домой, ворвался в спальню, где лежала Аня, отнял у нее книгу, сорвал с нее халат, трусы, потащил в душ – там тепло. Пока она смущалась и смеялась, стащил джинсы с себя, забрался к ней, и там, под горячими струями, целовал, сжимал, хватал, мял, проникал и снова... Затем вынес жену из душа на руках, бросил на кровать, и тут же набросился на нее, будто не было ничего только что, и опять целовал, сжимал, гладил, входил... Когда отдышались, долго лежали молча, улыбающиеся, слабые. Аня приподнялась на локте, провела пальцем по ложбинке его груди, где скопился пот, спросила:

- На праздники тебя не будет?

Илья рассмеялся:

- Вот как я с тобой живу? Ты же меня насквозь видишь, даже говорить ничего не надо! Или Русик звонил?
- Не звонил...

Он быстро собрался, накинул плащ, обулся, крепко обнял жену.

- Ань, мне никто так не важен и не нужен, как ты. Ты мое самое главное. Я тебя очень люблю, – сказал и сам таким словам удивился.

Всю дорогу на вокзал думал над сказанным, ощущая на руках прощальные объятия, покусывая раздраженные от поцелуев губы.

Девятое марта стало счастливым днем и для Ильи, и для фабрики, – просторный солнечный день, когда все сложилось так, как и мечтать не смел. Дядя Аргун, которого звали просто Алан, оказался на удивление радушным и выдал наличные без лишних проволочек. Сказал только, что накануне два часа говорили (ругались) с Русланом по скайпу и все обсудили, и Илья порадовался, что напарник на фабрике не падает духом.

Вечером напились с Ваней, чуть сильнее, чем хотелось бы. Сказалось напряжение, Илья отпустил вожжи, но посидели душевно, по-родственному. В ирландском пабе на Лубянке пили односолодовый. И хотя Ваня, человек с непобедимой печенью, наутро звонил и жаловался, что «горячие ивановские парни» его угробят, о решении своем не жалел. Накануне он передал Илье под расписку два миллиона личных денег. Иван давно намекал, что хочет войти в дело в качестве партнера, вложиться в их предприятие.

На самом деле, и все это понимали, у Вани были позитивные инсайдерские прогнозы, как его большая компания планирует развивать региональное производство. Интеллигентный топ-менеджер Ваня был скуповат и осторожен, но чуйку имел незаурядную, прекрасно понимая, что делает. Поэтому вложение личных денег в «Ситцев край» окрылило Илью, который догадывался, что без трехсотпроцентной гарантии успеха Ваня и ста рублей бы не дал. А тут даже разговор завел, что подумывает найти еще и арендовать дополнительные три-четыре цеха.

Утром десятого марта Илья на такси остановился на Тверской недалеко от метро «Маяковская» и не успел вылезти, как сзади истерично засигналили.

– Ну все, все! Обида теперь на всю жизнь! Москвича на три секунды задержали! – крикнул он, махнув рукой в сторону черного «Кайена», который ехал за такси и которому пришлось из-за них остановиться.

Москвичами обзывать москвичей москвич Илья начал в шутку, ему нравилось чувствовать себя приехавшим из провинции, принадлежащим как будто чему-то большему, чем столица.

Тверскую Илья любил, здесь шумно, просторно и, при нескончаемом потоке машин, малоллюдно. Посмотрел по сторонам на старинные массивные здания и замер – с похмелья торжественный простор сердца столицы особенно хорош. Из-за угла Садово-Триумфальной вышел молодой мужчина в черных потертых джинсах, в куртке со стоячим воротничком и старомодной бейсболке, с толстым букетом белых роз, который он прижимал к телу. Илья уставился на прохожего. Тот посмотрел куда-то вверх и тоже замер. Так они стояли с полминуты. Пока Илья не увидел, как от букета отделяется одна роза, вторая, и длинные, как велосипедные спицы, цветы начали падать из рук истукана, как гимнастки с трамплина в бассейне, тыкаясь белыми головками в мартовский грязный асфальт. Илья заметил, что рука мужика ослабилась, и тогда он перевел взгляд на его лицо, пытаясь понять, что с ним. Начало доходить, только когда Илья увидел, что тот смотрит на светящееся электронное табло обменника валют.

В течение следующих двадцати минут Илья промониторил новости, зашел на давно заброшенный фейсбук, ему набрал Руслан, он позвонил Ивану, параллельно повис вызов от Ани. Но о чем говорить? Если не кудахтать попусту, если искать выход из ситуации, если вообще есть какой-то выход, когда обвалился рубль. Конечно, они предполагали и даже закладывали в бюджет рост бакса, но такого не ожидал никто.

В течение нескольких дней 66, 71, 80 рублей за доллар.

1998, 2008, 2014 годы.

А теперь вот и проклятый 2020-й.

Нужно что-то решать с закупками ткани, которая в одночасье стала ощутимо дороже. Нужно что-то придумывать с бизнес-планом фабрики, с истончившейся прослойкой прибыли. Да и руководство Ивана может потребовать коррекции контракта, придется заново все считать.

Илья прикатил на Тверскую, чтобы перед деловой встречей забежать в любимую хинкальную, где он ритуально опохмелялся чуть ли не со студенческой скамьи, но теперь он стоял напротив памятника Маяковскому и не знал, звонить ему туркам в офис оптовой компании, куда он собирался идти, или нет... Собравшись с мыслями, позвонил, послушал турецкий гимн вместо гудка, затем трубку взял знакомый продажник, обрусевший турок по имени Аман, и сообщил, что пока все сделки приостановлены.

Поговорили с Русланом, пытаюсь понять, что делать, ждать отскока и стабилизации курса, или дальше будет только хуже? Что они там с нефтью решат, ОПЕК, саудиты, Новак, Сечин, Роснефть... И что они, блин, творят? Министр вышел из переговоров, хлопнув дверью, и рубль упал. А нам что делать? Нам куда бежать?

Надо оставаться в Москве и ждать. Материал цехам все равно нужен. С Иваном встреча и разговор по поводу перспектив тоже не помешает. Деньги Илья положил в банковскую ячейку там же, на Тверской, и поехал к матери.

Ночью созвонились с Аней. Разговор получился невеселый. Говорили про Иваново, про бизнес, про детей. Плотно прижав трубку, Аня говорила низким сексуальным голосом, какой бывал у нее при серьезных разговорах.

Под конец едва не разругались. Ее тревога передавалась ему мгновенно, как сигнал по оптоволокну. Аня говорила о том, что, возможно, они совершили ошибку, переехав в другой город, поставив все на производство, которым Илья никогда толком не занимался, и о том, что иногда лучше принять судьбу и довольствоваться малым. Завела ставший к его ужасу рутинным разговор о детях, которых давно пора завести, но для этого хотелось бы уже «обрести какую-то стабильность, хотя бы на год, два»... Илья сначала слушал и молчал, но на теме детей начал закипать. Он сам был подавлен, испуган и вообще-то хотел услышать от супруги слова поддержки. А тут такое! В конце концов так и сказал, прости, милая, твои упреки не на пользу нашей семье, иногда мне

тоже нужна поддержка или хотя бы, как минимум, еще раз прости, «отсутствие откровенного негатива». Зачем ты делаешь хуже? – спросил он. Она замолкла.

Ане, которая распиналась о детях, то, как одернул ее Илья, показалось грубым.

Уже прощаясь, она осознала, что действительно зря вывалила на него все свои страхи. Постаралась сгладить, даже назвала ласково, как называла редко, «мой рыжик». Илья улыбнулся, смягчился, попросил прощения. Говорить было не о чем. Поцеловались-обнялись по телефону, пожелали друг другу спокойной ночи, и он положил трубку первым.

* * *

Овощная нарезка была подвядающая: помидор завянул, огурец потемнел, веточка укропа свалилась в беличью кисточку. Уровень жидкости темно-древесного цвета резал бутылку пополам. Он махнул еще рюмку, решительно собрал вилкой овощи, пихнул в рот, размашисто задвигал челюстями.

В который раз осмотрелся, но вокруг по-прежнему никого не было. Роскошь сидеть одному в огромном зале ресторана – то небольшое, за что он любил провинциальные города. Как называется заведение – уже забыл... «Подиум»? «Медиум»? От дверей до барной стойки и зеркального шара под потолком все советское, перестроечное. Нескончаемый фильм «Асса», снятый на шершавую цветную пленку. Полы «столовские», из серой каменной крошки, со стертими латунными прожилками, разбивающими поверхность на квадраты. Столы на толстых, сработанных на токарном станке ножках, покрытых желтоватым лаком. Выцветшие бордовые скатерти, на углах которых уложены некогда белые шелковые напероны, все в катышках. На стульях чехлы с вяло висящими под спинками крупными бантами. И на все это нехотя льют свет тусклые бра с обитых грязно-зеленой тканью стен. Большие хрустальные люстры, заросшие паутиной и пылью, включали только по особо торжественным случаям.

Махнул вторую стопку. Лучший в городе коньяк отдавал машинным маслом. Закусил оставшимся укропом, хрустнув стебельком. Есть не хотелось. Когда пьешь дольше трех дней, еда становится неактуальна. Ничего, зато коньяк калорийный.

О том, что он в Иваново, никто не знал. Даже супруга. Тем более супруга. Она в центре событий, ей до сих пор звонят и пишут – спрашивают, ругаются, ищут.

Два часа назад о том, что он уже здесь, узнал Антон Быстров и обещал подскокить минут через два-

дцать. По телефону был сбивчив, возбужден. Неужели пацаны пошли к ментам и Антон узнал и занервничал? Да нет, вряд ли. Рано. Немного времени еще есть, потерпят. А там... совсем другой бизнес начнется.

Посмотрел на часы – нет и двенадцати. Перевел взгляд на бутылку.

– Э-э-э... м-можно? – помахал рукой в сторону барной стойки, где из-за двери на кухню выглядывала официантка.

– Да-да! Слушаю! – Она выскочила и рванула к нему на высоких каблучках.

– Света? – Он поднял голову, и она смешно затрясла головой. – Убери это, пожалуйста... – Он кивнул на коньяк. – Вылей, не знаю, выпей... а мне дай... не знаю... Том ям есть?

Официантка сжала губы и мотнула головой.

– Тогда... соляночку? Есть? – Она кивнула с силой. – Если она у вас не неделю стоит, конечно...

– Вчера! Вчера ут... ром только сделали! – Она обрадовалась. – Может быть, кофе еще?

Света ему нравилась. Высокая крашеная блондинка с полными женственными ногами и руками в мельчайших крапинах-родинках. Чистый аккуратный фартук. Помады, теней в меру. С такой уютно, тепло, просто. Да и сорока еще нет, наверное.

О чем ты думаешь, козел? – сказал вдруг, глядя ей вслед.

Почесал рыжую отросшую за неделю бороденку, кожа под которой воспалилась, протер глаза и увидел, как в ресторан, как на ускоренной перемотке, вбежал Антон. Даже невольно дернулся, мало ли, может, он с группой захвата, брать его живьем... Быстров подлетел, сунул длиннопалую потную руку, криво улыбнулся и, с треском отодвинув стул, сел.

– Тебя все ищут!

– Эм... Я знаю, – сказал Илья.

– Ну, знаешь ли... Хотя... ладно, это не мое дело.

– Как там Бирмингем? Стоит?

– Ох, я так и не поехал... Побоялся, мало ли, границы начнут закрывать...

Илья сидел, нахохлившись, упершись в стол локтями. Антон сел напротив, на край стула, руки положил на колени, будто брезгуя прикасаться к столу.

– Будешь чего? – спросил Илья.

– Нет, нет, спасибо... Деньги где у тебя? – спросил Антон.

– Здесь. В смысле – в номере.

– Такой крупный налик в номере ивановской гостиницы лучше не держать, дорогой Илья.

– Слушай. Давай к делу.

Илья посмотрел на Антона, щуплого, неуверенного, бледного, напоминающего морского моллюска.

Ни за что не скажешь, что успешный бизнесмен, девелопер, арендодатель, владеет акциями нескольких заводов в Иваново, Ярославле, Владимире. А за ним, говорят, стоит чуть ли не Олег Дерипаска, у которого широкие бизнес-интересы в соседней Нижегородской области.

Антон смотрел на партнера, и оба они понимали, зачем ему нужен Илья. Опытный организатор и управленец, мотивированный, любящий свое дело, он обязательно возьмет себя в руки.

Фабрика «Ситцев край» остановилась 13 марта, когда стало понятно, что бакс не отскочит даже к семидесяти, он полз вверх, как дурной. В Москву приехали Руслан и Аня, вместе с Ильей они встретились с Иваном и решили приостановить пошив. Поставщики отгружать сырье перестали, закупать ткань при таком ломовом курсе становилось совсем невыгодно. Руслан тревожился, что, закрывая цеха, они нарушают оговоренные контрактом сроки. Но Иван сомневался, что их совету директоров теперь нужна мелкая работающая фабрика. Аналитика из-за коронавируса приходила нехорошая, спрос снижался, и падение прогнозировали до зимы, когда ветровки будут никому не нужны.

Руслан с Аней вернулись домой, Илья остался в Москве – держать руку на пульсе.

Цеха остановили, но людей увольнять пока не стали, даже заплатили им часть подсчета. До последнего надеялись, что «чертова корона» пройдет стороной и Россию не тронет, как-нибудь рассосется. И тогда контракт с брендом можно будет пересмотреть, в самом крайнем случае, перекредитоваться. Но когда президент с 30 марта объявил в стране карантин, всем стало ясно, что он продлится месяц как минимум, а скорее всего, дольше.

Затем... Крупный спортивный бренд закрыл розничные магазины. Компанию не включили в список приоритетных, кого поддержит государство. Банк не дал отсрочку по кредиту фабрике «Ситцев край». Бизнес Ильи и Руслана закончился.

Иван позвонил и мягко попросил Илью вернуть его деньги. Затем позвонил Руслан и попросил привезти «котлету» дяди, чтобы выплатить банку текущие взносы.

Илья обещал, договорились о времени, но вдруг он пропал. Что называется, с концами.

– Ты расскажи мне конкретику, Антон, что, сколько, где... – Илья, когда был пьян, начинал шурить левый глаз.

– Да... конечно... а ты бы лучше не пил, Илья. А то ничего не запомнишь! – Антон фальшиво засмеялся, но тут же осекся, стал серьезным. – Ко-

роче, я организую двадцать, для начала. Только в Иваново. Двадцать цехов. Еще несколько будет в Ярославле и Владимире...

– Что значит... я не запомню? Если ты видишь меня в бизнесе в целом, то я... я готов... – вдруг пьяно и не в тему высказался Илья.

Быстров замаялся, посмотрел на пустую стопку, забытую на столе официанткой.

– Я... если честно... ты извини, Илья, но я под это дело вообще не работаю... У меня строго... – Антон ткнул пальцем себе справа под челюсть и смутился.

Илья громко рассмеялся:

– Старик! Прости! У меня это раз в год случается... Слушай! Хорошо. Я не буду сейчас оправдываться... Но вообще... вообще, я не пью. Только когда бизнес ценою в... в... э-э-э... энное количество лямов... вылетает в трубу по независимым, так сказать, от тебя причинам... Понимаешь...

– Ну, как тебе сказать, это бывает... – загадочно сказал Быстров.

– Ага. Ладно. Не будем. Извини меня еще раз, – сказал Илья самым трезвым голосом, который только смог подделать. – Давай к нашему делу. Когда старт?

Первые дни никто не верил, что Илья скрылся, близкие упорно не хотели даже думать о таком. У Ани случилась истерика, Руслан звонил дяде, Иван, бледный и угрюмый, зарядил помощницу пробивать столичные КПЗ и морги. Единодушно сошлись, что случилась беда – у Ильи на руках были немалые деньги. Однако на третий день дезертир сжалился и написал жене СМС: «Прости, Анют. Не волнуйся, я жив, здоров, просто мне нужно время». И снова вырубил телефон.

Узнав про послание, Иван пришел в бешенство, дошло до угроз и выражений, плохо совместимых с дальнейшей дружбой.

– До старта еще дожить надо, – ответил Антон и подвинул к себе тарелку с одиноким кругляшом увядшего огурца.

– А когда твой китаец вернется? – Илья решил зайти с другого бока.

– Господин Фа.

– Прямо так и называть? Господин?

– Да, лучше так. Принято...

– Сколько уйдет на монтаж и отладку линий?

– Это я как раз у тебя хотел спросить.

Чем дольше Илья скрывался, тем меньше понимал, зачем он разыгрывает спектакль. Это была первая реакция – спрятаться. Он сам себе удивился. Присваивать деньги Ивана и дяди Аргуна он не хотел, да

это было и глупо, он ставил под удар и Анну, и собственную мать, к которым придут первым делом.

Илья пропал 25 марта, сразу после обращения Пути́на, когда понял, что магазины в стране прикрывают, производство встает, и без лишних заявлений было ясно, что их швейному бизнесу не помогут – не ракеты делают, не ватные штаны для армии шьют.

Илья испугался. Его деньги мокли на складах никому не нужными тюками с тканью. На дядюшку Аргу́на в случае чего рассчитывать не стоило, лишь бы помог своему Руслану выпутаться из кредитов. Даже денег на текущие семейные расходы у Ильи почти не осталось. Скальной породой громоздились миллионные долги перед банком, а еще рабочие, которых придется выкинуть на улицу, да цеха, под завязку забитые новехоньким оборудованием.

Он снял номер в похужей на грязную картонную коробку гостинице недалеко от вокзала. Целыми днями валялся в пахнущей болотом кровати, пил водку, запивал портвейном из горла, курил до остановки сердца, как будто наказывая себя за что-то; смотрел по круглосуточному новости про эту пакостную молекулу, похожую на противолодочную мину из детских книжек, которая рушила их бизнес и жизнь.

Посреди ночи трезвел, умывался, смотрел на себя в холодное зеркало и ничего не понимал. Где он? Зачем? Что дальше? Иногда ему казалось, что он готов сидеть здесь, как Сноуден, год, три, семь, не выходя на улицу, пока не кончатся деньги. Но однажды, включив на несколько минут телефон, увидел СМС – арендодатель, владелец заводов и парко́ходов Антон Быстров предлагал срочное и очень выгодное дело.

– Много времени на монтаж и отладку линий у нас нет, – говорил Антон, толкая мизинцем огуречный кружок по тарелке. – Но товарищ господин Фа везет хороших специалистов... Главное, нам удалось перетащить оборудование через границу, но это отдельная история. А здесь уже, ну, два-три дня максимум... И погна́ли.

– Так, а сегодня у нас 29-е, и значит... – начал считать Илья, но остановился.

Антон в упор смотрел на него, без улыбки. Илья выдержал взгляд, затем кивнул – в чем дело?

– Все-таки скажи мне, ты когда всплывать-то намерен? Так сказать, к трезвости и людям? Скажи мне первому, ладно? – Антон улыбнулся.

– Всплыву, всплыву. Я ж не тону! Говно не тонет! – крикнул Илья и засмеялся, хотя грубость его прозвучала неуместно и дико.

На лице Антона кривилась улыбка, он качал головой, словно Илья был нерадивым школьником.

Илья истерично ржал. Антон взял с тарелки огурец, осмотрел его, поморщился и положил обратно.

Апрель резко прибавил температуры, весна началась по-настоящему. Работая в Иваново тайно больше недели, Илья впервые позвонил супруге. Быстров сказал, что Анна вышла на него и попросила – дело срочное. Голос у нее был усталый, но спокойный: сказала, не знаю, что вы задумали, но надо быть настороже – Иван с Русланом в курсе, что он здесь, они едут из Москвы и, кажется, везут с собой пачку мордovorотов дядюшки Аргу́на. Бывшие партнеры вычислили его и знают, что он плотно общается с Быстровым, который развил в регионе бурную деятельность, несмотря на тотальный карантин.

Положив трубку, Илья тут же, не давая себе опомниться, набрал Руслану, и они договорились встретиться все вместе у «Паруса» в два часа дня. Быстрову Илья не сказал, жене перезванивать не стал. Переживать о том, что сделают потерявшие бизнес мужики, когда перед ними наконец предстанет сбежавший с деньгами бывший товарищ, Ане – лишнее; нужно ее побере́чь. А там будь что будет. Аня тоже не все сказала мужу. О том, что накануне поздно ночью маму Ильи Алену Марковну госпитализировали с подозрением на ковид, она поняла по голосу, лучше сказать при встрече.

Илья допил кофе, поставил чашку, взглянул на руку, пальцы подрагивали. Он посмотрел в окно, где то и дело вспыхивали золотом на солнце нити льющейся с крыши воды. Яркий свет резанул глаза, и Илья зажмурился. Как здорово, идет весна, природа оживает, закипает, и их новое дело растет и спорится. Действительно, чуть ли не во всех еще вчера пустовавших швейных цехах старой фабрики кипела работа. Сердце созданного с Быстровым «локального экономического чуда» Илья держал в руках, наблюдая за всеми процессами не выходя из кафешки. На увесистом планшете стояла китайская, еще нерусифицированная программа, в режиме онлайн передающая данные в графиках и диаграммах – начиная с затраченных киловатт электроэнергии и заканчивая количеством произведенной продукции.

Илья встал и хотел задернуть занавеску, но тут же услышал громкий шепот официанта.

– Не трогайте! Я сам!

Уходя, положил на барную стойку тысячу рублей за пару чашек кофе и круассан с притаившейся внутри каплей яблочного повидла. Официант, угреватый парень в несвежей рубашке, подбежал, отпер большим ключом дверь служебного выхода, и Илья

шагнул во влажную прохладу коридора, толкнул тяжелую входную дверь и вышел в узкий дворик кафе.

– Вы тоже... что ли... закроетесь? – спросил, увидев, что официант не уходит, а смотрит в щель – не следит ли за ними кто-нибудь.

– Мы? Да, наверное... Пишут, полиция рейды устраивает... по таким вот подпольщикам. Так что тоже закроем... – И он захлопнул дверь на полуслове.

Только тогда Илья заметил, что стоит в луже, выпрыгнул и по скользкой кромке льда вдоль стены выбрался на улицу. Встряхнув себя за шиворот, куда накапало с крыши, вызвал такси. Пока ждал, заглянул в новости. Путин заявил о возможном продлении карантина, на каждого ребенка выплатят по десять тысяч рублей, чартерные рейсы для застрявших за границей приостановлены, количество зараженных в России приближается к пяти тысячам, катастрофическая ситуация сложилась в Италии... И фотографии: набитый гробами доверху грузовик, над разрытой могилой, обложенной полиэтиленом, люди в канареечного цвета костюмах химзащиты, распылители в руках... Каково родственникам, которых не пускают попрощаться? А их близких хоронят, как чумных. Да что вообще происходит? Неужели такой опасный вирус? Пик еще впереди... Обращение к губернаторам... Новые ограничительные меры... Конфликт матери с коляской и полицейских на детской площадке, ВИДЕО... Специальное приложение по контролю за передвижениями инфицированных... Штрафы... Кажется, все всерьез. Семьдесят тысяч заболевших в мире, почти шесть тысяч смертей в день. Жесть. Ему посигналили.

Такси – давно исчезнувшая на проспектах Москвы ВАЗ-2106, «шестерка». Сел на затянутое тканью волглое сиденье, откинулся – и в груди стукнуло, и тут же замерло... и снова забило, часто, горячо. Времени без двадцати два, ехать тут четыре улицы, приедет раньше. Слава богу, таксист попался молчаливый, есть время подумать. О чем? О том, что им скажет? Где деньги? Где прятался? А они спросят? Нет, рассказывать он ничего не будет. Он просто покажет. А они поверят. Поверят? После всего? Поверят. А иначе... А что иначе? Мы все-таки друзьями... были. Были? Ой, ладно! Не надо драм.

Списались какие-то копейки. Цены на такси в регионах смешные: 63 рубля, 97 рублей... Как так-то? Они на воде тут ездят?

Парковка перед бизнес-центром «Парус» была пуста, ни машин, ни людей. Илья зашел за шлабгаум, осмотрелся. С восьмизэтажного здания, похожего на широкий арабский нож, летели брызги. Без солнца, спрятавшегося и теперь цедившего свет сквозь

серую пелену, хозяйничал неприятный ветерок, и было промозгло.

Часы показали два, Илья усмехнулся: они искали его три недели, а на встречу опаздывают. Это как? Посмотрел на «Парус», и в груди неприятно кольнуло обидой, тоской. Какие-то считанные месяцы назад они впервые приехали сюда договариваться об аренде офиса, получили хорошую скидку, радовались русским просторам из окна... Теперь мир погружается в мрачную пучину пандемии, неопределенности, экономической катастрофы.

– Стой! Стой ты! Сам, я тебе говорю! Да слушай ты меня! Я говорю! Слышишь? Сам! Понятно?! – кричали громко, резко, эхо билось о стекла бизнес-центра.

Илья повернулся к небольшому зданию рядом с «Парусом» – и понял, что это голос Русика. Через мгновение увидел его самого, он пятился спиной, одной рукой придерживая за рукав идущего на него Ивана, другой упираясь в грудь крупного мужчины в кожаной куртке. За здоровяком маячило еще несколько мощных квадратных фигур, сплошь в черном, в плащах и бомберах, а за ними теснились большие черные машины, «шевроле-тахо» и двухсотые «крузаки», по самую крышу забрызганные грязью, видно, что после долгой дороги. Руслан кричал, упирался, расставляя ноги. В светло-серых брюках, обтягивающих икры, в короткой дубленке с белыми меховыми отворотами он выглядел как модный студент. Наконец Рус толкнул упрямых противников, и те остановились – послушались. Тогда он резко развернулся и пошел прямо на Илью.

Илья стоял, ждал, не чувствуя кривую ухмылку на своем побледневшем лице. Руслан, его друг и верный товарищ, летел на него, как торпеда в борт корабля в военном фильме, – похудевший, осунувшийся, небритый. На лице маска плохо скрываемой злости.

За несколько метров он замедлил шаг. Илья стоял в расстегнутом плаще, опустив руки, не пытаясь защититься. Приближаясь все ближе и ближе, сверкая глазами, Руслан выглядел страшно. Илья смотрел ему в глаза. Руслан подошел и остановился в полуметре – лицом к лицу. Замер.

– Привет, – сказал Илья первым.

– Здоров, – хмыкнул Руслан.

Краем глаза Илья успел заметить, как слева что-то мелькнуло, и через мгновение ему обожгло губы и нос, и тут же в зубы как будто вонзили острую спицу, лицо вспыхнуло, заныло, и сначала в рот, потом на подбородок, на снег – выплеснулась кровь. Удар был резким и точным, но без размаха. Илья опустил голову, изо рта потянулась нитка темно-бордовой слюны, хотелось сплюнуть, но он

подумал, что запачкает дубленку Руса, и усмехнулся – какая неуместная забота.

– Вот как, – булькнул Илья.

– А ты думал? – ответил Руслан.

Илья заметил, как от здания, рядом с которым теснилась братва, отошел Иван – в белоснежном свитере под черной дубленкой – смотри-ка, вырядился... Видимо, он хотел подойти, но увидев, что драки не вышло, остановился.

Крови накапало полную горсть, Илья шагнул в сторону, Руслан бросился за ним. Илья засмеялся. Руслан, устыдившись, остановился. Убегать Илья не собирался, он присел у бордюра, зачерпнул окровавленными ладонями горсть мокрого снега, наклонился и прижал его к лицу. Подержал, убрал руки с кроваво-белой маской, посмотрел снизу вверх на друга. Тот отвернулся. Затем Рус промямлил:

– По деньгам надо решить сегодня.

Илья, зачерпывая свежую горсть снега, вскинул брови, посмотрел в сторону джипов. Руслан взглянул на него и опять отвернулся.

– Нет, это не Аргуна... Эти ребята с Ваней... С дядей мне отдельно разбираться.

Лицо у Ильи онемело от ноющей боли, размазанная по лицу кровь подсыхала на ветру и стягивала кожу. Он поднялся, шмыгнул носом, замер на мгновение – кровь не шла. Достал из-за пазухи планшет, начал расстегивать чехол.

– Смотри. Смотри, Руслан... – начал он решительно, сильно гнусавя. – Денег у меня ваших нет. Вообще ни рубля... Ну то есть пятьдесят штук я оставил, тупо на пожрать... А денег нет. Все потратил... Вот так, друг, ага... Смотри... Да погоди, я шучу... Точнее, нет...

Зубчики молнии на чехле размыкаться не хотели, клинили. Он дергал.

– То есть... смотри... рассказываю... 175 на 200, стандартные размеры... Это самые лучшие, трехслойные, материал спанбонд... Понимаешь? Сейчас поймешь. Вот... далее...

Молния не далась, он опустил планшет, поднял глаза на Руслана – тот тупо смотрел на него, лицо не выражало ничего, даже удивления, как будто замерзло.

– Короче... смотри... Три слоя... И... сто штук в минуту... сто... в минуту... Сто штук! 144 тысячи за 24 часа... С... с одной линии. Можешь представить? Они тарашились друг на друга, как будто впервые виделись.

– Можешь? 140... ну хорошо, 80 тысяч... за сутки. С одной. Это – полуавтомат... Управляется одним человеком... Ультразвуковая технология...

Сначала заготовки, потом приварка резинки... И носовые фиксаторы, с ними уже класс повыше... немного дороже... – Илья постепенно перешел на жутковатый шепот, фразы стали отрывистые. – Далее. Главное. Цена. Умножай. Например. Расклад такой. 60 тысяч штук по 9,50... от 480 тысяч по 5 рублей... Это цены на выходе. Сто штук в минуту. Умножай. Умножать умеешь?

Илья нервно засмеялся, кашлянул, в горле булькнуло, и он сглотнул кровавый комок. Тут же из разбитого носа полилось снова. Илья наклонился, постоял, бомбардируя снег тяжелыми багровыми бусинами. Затем поднял голову и продолжил.

– Короче... Умножаем дальше... Да можно сесть, посмотреть, у меня все онлайн отображается... Китайцы сделали программку хитрую. К ней подключаются мозги всех линий и фигачит онлайн... В общем, мы с Быстровым... прямо из Китая привезли оборудование... Семнадцать цехов здесь и еще восемь в Ярославле... В каждом цеху по восемьдесят линий, полуавтоматы, и это еще нормально ставили, можно и по четырнадцать впахнуть... На цех пять человек следить и заряжать. На приварке резинки еще... Плюс есть люди посменно, упаковка, погрузка... В общем, умножай, брат... 80–100 тысяч масок в сутки с каждой линии. Вот и считай, сколько в день... Умножь на минимум пятерку...

Илья замолчал и почувствовал, как кровь течет по нёбу, стекает в горло... Сглотнул. Собственной крови напьется – не поплохеет?

– Короче, в Москве мы наняли две транспортные компании, со всем парком, полностью. Первые фуры уже идут, больше двадцати машин... Не встретили их по пути?

Илья пристально посмотрел на друга.

– Брат, давай не будем ссориться, ладно? Мы же родные люди, нет? – В голосе Ильи дрогнула незнакомая нота.

Руслан опустил глаза, неуверенно сделал шаг и вдруг приобнял его. Чтобы не капнуть на дубленку, Илья запрокинул голову.

– И не бейте, пожалуйста, больше... без пяти минут миллионера. Хорошо?

Руслан замер, затем закивал.

– Не, не, ты что... Как можно? Миллионеры... друг друга не бьют!

Засмеялись с облегчением. Иван уже шел к ним. Руслан смотрел на два окровавленных комка снега у бордюра. Илья стоял с запрокинутой головой и видел только бледно-голубое незрелое апрельское небо.

Октябрь 2020 года

КАКОЙ НАМ НОВЫЙ ГОД



ИРА ДАНИЛОВА
35 лет, г. Санкт-Петербург.
Окончила филологический
факультет и магистратуру
РГПУ имени А.И. Герцена.
Преподаватель английского
языка и зарубежной лите-
ратуры. Участник Форума
деятелей культуры и искусств
«Таврида-2020», Творческой
антишны литературы

и медиа, детской литературы
(Нрым, г. Судан). Лауреат
премии VIII Международного
Норнейчуновского фести-
валя в номинации «Проза для
детей младшего возраста,
зарубежные авторы» (2020,
г. Одесса).

Если куснуть еловую иголку, запахнет мандаринами. Я залез под елку и поперекусал почти все. Иголки кислые и горькие. Мама говорит, что дома нужна атмосфера. Вот, сижу, кусаю. Потому что делать мне больше нечего. Деда Мороза не будет. Потому что не бывает Деда Мороза.

Папа раньше в костюм Деда Мороза переодевался. Шуба до сих пор в шкафу висит. На Николая она не налезет. Она ему по колено, наверное. Николай огромный и топает так, что из квартиры слышно, кто походит к двери.

Николай притопал к нам как-то раз. Они с мамой на кухне сидели. А я от нечего делать в шкаф залез. А там шуба Деда Мороза – как шкура синяя. Папа сбросил и убежал. Я шубу к Николаю приложил. Сзади подошел на цыпочках. Мама даже не заметила. Смеялась у плиты, ужин готовила. Я шубу на Николая набросил, на голову. Николай вскочил, стул набок, как заорет – аж окно зазвенело.

Мама кричит:

– Ваня, ты песню выучил? Вон отсюда!

И я песню до ночи в комнате учил. Снеговиковую, про бубенчики – «Джингл беллс». Николай заглянул.

Говорит:

– Ваня, я ель принес.

Отвечаю:

– Папа говорит, живые деревья рубить нельзя.

Николай руками развел:

54

– В горшке. С корнями.

Говорю:

– Это моя комната. И папина квартира.

Николай сразу ушел. Совсем. По лестнице затопал. Мама входной дверью хлопнула. Потом на кухне полночи музыку слушала, в кухню меня не пускала. А потом принялась машинкой трещать, костюм снеговика шить. Ругалась-шипела: «Ссс, ссс». Подруге звонила:

– Лена, у меня все висит. Нет, все хорошо у нас в семье. С чего ты взяла? Мише привет передам, конечно. Миша-а-а-а, тебе от Лены привет!

Соврала. Миша – это мой папа. Он от нас давно ушел. В прошлом году. Не знаю, почему. А утром мама одна из комнаты вышла. И все. Вещи папины пропали. Только синяя шуба в шкафу.

Мама сказала, не знает, почему папа ушел. Но больше его не будет.

А недавно посмотрела на меня внимательно и сказала, что это потому, что у меня тройки по английскому. И я комнату не убираю. И на кухню пошла.

Я комнату убрал, папе позвонил. Он сказал: «Молодец». Потом добавил: «Вырастешь – поймешь, я все равно твой папа. Главное, учись хорошо».

На утренник прийти обещал. Я понял, что он после утренника к нам вернется. И до утра песню снеговиковую учил. К маме пошел, про утренник сказал, что папа придет.

Мама говорит: «О-о-ой», – и все нитки торчащие сразу зубами зажала. Откусила, к ноутбуку кинулась – готовые костюмы новогодние смотреть.

Говорит:

– Чтобы он увидел, кого он бросил. Какого ребенка. И я еще салат сделаю, фруктовый, с мандаринами. Новогоднее настроение создам. – И подмигнула. – Пригласи папу к нам, ладно?

Но костюмы снеговиков в интернете не продают. У нас классная, англичанка, очень творческая. Мама говорит, вечно как придумает, хоть умри за этой машинкой. Ни на что времени не остается. Нет чтобы девочки – снежинки, мальчики – гномики. Хотя гномики у нас тоже есть. Гномики-отличники. А я троечник, поэтому в главной роли человека-снеговика. Меня так в гимназии мотивируют, мама говорит, главными ролями. Потому что Наталья Александровна – хорошая учительница. А на меня не действует. Я ленюсь.

Вообще, это Николай придумал меня в гимназию английскую перевести. Сказал, что я буду за друзьями тянуться. И выправлюсь. Но я не выправился.

Мама рано утром Николаю позвонила. Говорит: «Коля, ты нас прости за вчерашнее, что нам делать? Нам нужно такое придумать, чтобы огромные белые шары были. Украшение праздника. Чтобы Ваня красивее всех был».

И из кухни с телефоном пошла дальше разговаривать. Потом веселая вернулась, говорит:

– Будет тебе костюм человека-снеговика. И Наталье Александровне крылья не забудь! Я ночью сшила. Из твоих бывших шаров.

Классная Наталья Александровна у нас снежный эльф. Она вокруг нас летает и снежинки раскидывает, как новые знания. Будто с облаков их достает – по сценарию.

Все сначала нормально начиналось. Сначала мы просто так репетировали. Только я все время про папу думал: как он придет. И будет мне хлопать, у меня же главная роль. Кланяться тренировался. А надо было песню репетировать. Потом Санта-Клаус мимо актового зала пробежал. Настоящий, английский. Борода короткая, шуба по колено.

И я второй куплет забыл. Совсем. Все гномы за Сантой побежали. И я с ними. Наталья Александровна – следом, ловить нас. И обратно в зал заводить. Говорить, что Санта к нам сегодня придет на утренник. И не надо за ним бегать, у него еще три параллели.

Гномы кричат:

– Можно мы не будем больше репетировать? Новый год же!

Я тоже кричу, громче всех:

– Новый год же!

А классная как руками взмахнет:

– Ваня, какой тебе Новый год, у тебя по английскому ТРИ. ТРИ-И-И-И. – Глаза выпучила, за сердце схватилась. – А ты даже песню не помнишь.

И весь класс стоит, смотрит. Мне так стыдно стало. Я тогда сразу понял, что мне Новый год не положен. Может, из-за меня его у всего класса не будет. Мне провалиться сразу захотелось. Куда-нибудь в подвал.

Потом у нас последняя репетиция была. Классная все переживала, что у меня костюма до сих пор нет. Маме позвонила. Мама говорит:

– Все будет хорошо. Уже готово, бегу. Мне такой материал принесли! Ой! Будет лучший снеговик параллели!

И через час шары принесла. Огромные, красивые, как из снега настоящего.

Говорит:

– Ваня, ты никому в классе не рассказывал, что папа ушел?

– Нет, – говорю.

– Отлично. Не подведи, сынок. Пусть папа увидит, какие мы с тобой замечательные. – И почесалась.

Потом мама с Натальей Александровной меня вдвоем одевали, потому что самому в три таких шара не влезть. И еще противные белые вязаные рейтузы и тапки мохнатые. Но человек-снеговик в черных брюках – не очень правдоподобно.

И гномам потом шапки натягивали. И Наталья Александровне крылья. И в последний раз песню повторяли английскую про джингл беллс – звенящие бубенчики. Мы же ее полгода зубрили все хором. Английская гимназия. Английские песни. Но что-то мне не очень повторялось, у меня руки чесаться стали очень сильно. А как их почешешь, когда они в разные стороны из шаров торчат? И в ушах бубенчики звенеть начали.

Потом классная подошла, спросила, что я грустный такой. Я сказал честно, что раз мне Новый год не положен, пусть кто-нибудь другой снеговика играет тогда. И снимите с меня эти шары, я почешусь.

Она наклонилась. Чуть ухом мне в глаз не попала. Говорит:

– Ты меня прости, Ванечка. Нормальный тебе Новый год. В смысле, будет. Санта-Клаус ко всем приходит.

– Это как? – спрашиваю, – У меня же три по английскому.

– Потому что Новый год – новый, понимаешь? Сент-Николаус, Санта-Клаус, Святой Николай – понима-

ешь? Он не может ни за что наказывать и не приходить. Он очень хороший. Понимаешь? Он всех прощает и ко всем приходит. И я тебе четыре по английскому поставлю в четверти. За песню. Только не подведи.

По плечу меня погладила и почесалась. Потом еще раз.

– А наш Дед Мороз не всех прощает? – спрашиваю.
– Ваш? В смысле, наш? Всех. Если настоящий. Это то же самое. Тоже Санта-Клаус. Пойдем, – говорит, – на сцену?

И мы, почесываясь, на сцену пошли.

А папа не пришел. Мама на дверь смотрела. Я тоже смотрел, чуть не забыл, когда пританцовывать начинать. Даже про руки почти забыл. Ненадолго.

Тут Николай притопал. В комбинезоне оранжевом. Он ремонт делает. С работы прямо, наверное. Но Николая я уже не сразу заметил. Не до того было. Страшное началось.

Эльф Наталья Александровна руками махала.

– Ваня, ты что? Ваня, немедленно соберись, – ушами накладными трясла.

Я их сшиб с размаху. Нечаянно, конечно. Они у нее на волосах повисли: одно выше, другое ниже.

Наталья Александровна ртом воздух глотать начала, как наши рыбы в живом уголке. Стала уши с волос стягивать.

Я как заорю! У меня чесаться все стало так, что мне уже не до папы и не до песни было. Даже под рейтузами. Пока по сцене катался, заметил, что Наталья Александровна руки о брюки трет, как бешеный эльф. Потом шею чесать принялась. Потом вторую руку. А у меня все так шипать стало, что я вместо «ай м э сновмэн» «а-а-ай» орал на весь актовый зал, пока меня Николай со сцены за ногу тащил.

Потом очнулся, когда Николай дома меня полотенцем мокрым обматывал. Говорит:

– Катя, это же стекловата! Я же сказал, что только в перчатках и Ване не давать. Ну, думать надо, Катя.

Мама не ответила ничего. Молча на диване сидела.

А потом говорит:

– Ваня, сегодня Новый год. Давай Николай у нас останется? – А сама в окно смотрит.

– Да пошли вы, – говорю.

Николай вздохнул.

Мама вышла. Принесла таз салата. И две ложки.

Говорит:

– Фруктовый. Для новогоднего настроения. Новый год пахнет мандаринами.

56

Мы с Николаем по ложке зачерпнули прямо из таза. Гадость страшная, горькое все. Николай скрипел, жует:

– Катюш, с долек пленки снимать надо. Иначе это все... Ну, не очень. Немного горькое. Но вкусно, конечно.

Мама у него ложку выхватила. Попробовала. Потом таз на стол швырнула.

Сидит, ревет.

Я лежу, чешусь. Гадкие мандарины для новогоднего настроения за щекой держу. Не выплевывать же. Я же шары эти сразу не снял. А мог.

Мама бы не пережила, если бы папа пришел и такой красивый костюм не увидел. И какая она молодец, а я отличник.

Какой нам Новый год теперь?

А Николай свое «новогоднее настроение» проглотил. Говорит:

– Новогоднее настроение можно еще иголками создавать. Поперекусать. Они мандаринами пахнут. – И иголку куснул показательно. – Салат вкусный, кстати. Раскрылся вкус. Надо еще мандаринов, не хватает.

И ушел.

Мама на кухню ушла. Музыку слушать.

Мне спрятаться захотелось.

Я под елку залез. Ну, как залез... Она маленькая. Голову сунул. Прилег. В мокром полотенце. Из-под веток выглянул: время 23:50. Папе позвонил. Он трубку не взял. Конечно, до курантов десять минут. Соседи за стеной уже «ура» кричат.

Кто-то по лестнице побежал – петарды запускать, наверное. Наверное, у всех по английскому пятерки и Дед Мороз в каждой квартире.

Задумался и почти все иголочки поперекусал. Иголочки кислые и горькие. Дома нужна новогодняя атмосфера. Вот, делаю. Все равно делать мне больше нечего. Деда Мороза не будет. Потому что не бывает Деда Мороза.

Слышу: Николай по лестнице топает.



ПОДАРКИ ГОСПОЖИ ДЕСТИНИ



ОЛЬГА ЮДИНА
Переводчин и писатель. Пишет сказки для детей и фантастические рассказы для взрослых. Публиковалась в сборниках серии «Петраэдр», альманахе «Астра Нова», литературном журнале «Рассказы».

Лауреат конкурса «Самарские судьбы», победительница издательской программы форума «Таврида».

Госпожа Дестини – мастерица своего дела. Тысячи лет она печет пышки и в новогоднюю ночь раздает их людям.

– Попробуйте, вот пышка сладкая, румяная, корочкой глазурной покрытая!

И, хрустя снегом, текут к ней люди: и дети, и взрослые. Те, кто помладше, бегут радостно, зажмурившись от предвкушения, ведь еще не знают они, что к любой самой сладкой пышке добавит госпожа Дестини щепотку гадости.

Каждому – своей, лишь самую малость. Здесь капля смолы, тягучей, как долгое ожидание без конца и без края. Здесь острый перец, жгучий, что сердце пронзает насквозь.

А люди все идут и верят, что рано или поздно достанется им та пышка, где нет ничего, кроме сладкого изюма и легкого хрустящего риса.

Но нет таких пышек у госпожи Дестини. Зато есть другие: черные, сухие, которые так обжигают пальцы, что нет сил держать их, что так дерут горло, что слезы выступают на глазах. Однако и такие пышки заберут у госпожи Дестини: уж лучше хоть такая пышка, чем совсем никакой. Да и в самую горькую свою пышку добавит госпожа Дестини каплю меда из чистейшего белого клевера. И подчас так нежна будет эта маленькая капля сладости, что затмит всю оставшуюся горечь.

И все же быстрее всего раздаст госпожа Дестини пышки бледные, не поджаристые и не сырые, не белые и не черные, не сладкие и не горькие – а такие, что не хуже других. Впрочем, и не лучше ни капли. Самые они пресные, и всегда сердится госпожа Дестини, что именно их так любят приходящие к ней люди. И чтобы хоть немного разбавить свое пресное тесто, добавляет госпожа Дестини в пышки – где крохотное семечко, что хранит в себе тайну целого солнца, где крошку карамели. Но те, кто спешно хватает пышки и уходит прочь, нечасто замечают ее подарки.

Подходит к концу новогодняя ночь. Нет больше пышек у госпожи Дестини, ни одной не осталось. И хоть пекла она их в одиночестве и сама протягивала всем приходившим, но каждый мог бы выбрать свою: кто сладкую, кто горькую. Последние крошки стряхнет госпожа Дестини голодным любопытным воробьям и пойдет своей дорогой. И тысячи лет она ждет того, кто пойдет за ней следом, чтобы испечь свои собственные пышки и раздать их людям. И тысячи лет ждет, а люди идут и идут, выбирают пышки себе по вкусу. А сами испечь – могут ли?

Юность №12
ДЕНАБРЬ 2020

ПОЭЗИЯ



СТИХИ С ЭПИГРАФАМИ

* * *

ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ
Родился в Петрозаводске
в 1983 году, вырос в Тульской
области. По образованию
журналист. Лауреат премий
«Лицей» и «Звездный билет».
Живет в подмосковных
Мытищах, работает новостным
редантором.

*...Цветочка уж нет!
Батюшков*

Еще зачем-то помню, как
цвели под окнами пионы,
и бронзовки возились сонно
в их полнокровных лепестках.

Лежала вся моя земля
как будто в праздничных обновах
белесых, розовых, бордовых
до самой груды горбыля.

И запах в солнечные дни
безветренные плыл над грядкой
щемящий, душновато-сладкий,
июню тленному сродни.

Отяжелелые жуки,
закрытым вопреки надкрыльям,
взмывали вдруг с таким усильем,
что осыпались лепестки.

Теперь пионов нет, щавель
разросся дикий (или щавель),
чей год от года сухощавей
лист, и лютеет муравей.

И время растворяет те
приметы с хрупкой сердцевинкой
в своей, не знаю, муравьиной,
щавелевой ли кислоте.

* * *

*А моря нет, как не бывало.
Андрей Болдырев*

Море есть, но не видно отсюда –
заслоняют Воронеж, Ростов –
журавлиного пункты маршрута,
остановки ночных поездов.

И бывает, что в пыльном предместье
как-то вдруг, ни с того ни с сего
ты подростком за тысячу двести
километров почувешь его.

Различишь, еще не узнавая,
глуховатый ракушечный звук.
Рядом станция тут узловая
пропускает составы на юг.

Как в плацкарте – на перышках вострых
под щекой – неустойчивый сон.
За Азовом меняется воздух,
насыщается солью озон.

Поутру задувает с пролива,
еще тусклые звезды видны,
и покачивается крапива
слева у станционной стены.

* * *

I got that summertime, summertime sadness.

Не уточняя по календарю,
я на затменное солнце смотрю.

Ветер усилился, и у реки
ивовые зазвенели листки.

Батюшков, милый, на той стороне
дай закопченное стеклышко мне.

Черное пятнышко, через стекло
еле заметное, так ли росло?

Так ли в гортани годок за годком
время кошачьим скребло коготком?

Знаю, как старился свет и пустел.
Здесь у меня чернозем, чистотел,

чертополох и почти задарма
купленная жучковатая тьма.

На вологодском постое твоём
вместе о летней печали споем.

Солнце садится, и мутный поток
невозвратно уносит листок.

* * *

*...В парке за школой и танцплощадкой.
Чухонцев*

Жарко почти как летом, а ты в неволе.
Листва уже поредела, поэтому видно
сквозь ветки футбольное поле –
у кого-то идет физкультура. Обидно
маяться здесь, где училка-старуха
выдавливает, как из тюбика пасту,
наильное просвещение в оба уха,
а не там, где пасет порыжелую паству
ветер, и пренебрегают уроком
старшеклассницы в легких своих нарядах,
среди трав и деревьев – живым намеком
о нимфах каких-нибудь, о наядах.
Чтобы к ним убежать, все на свете бы отдал.
Отрок, мужайся: ничем, кроме грусти,
красота не одарит, мелькающая поодаль
в черноземном распаренном захолустье.
Плоховато этот урок усвоен.
Но экзамен сдашь и сожжешь тетради,
выйдешь в поле, бумажный воин,
с тройкой единственной в аттестате.
А пока ты заперт здесь, в классе душном,
потихоньку время звонка подходит,
и Венера-изгнанница равнодушным
рысьим взглядом тебя обводит.

* * *

Моему сердцу четырнадцать лет.
БГ

Солнце вставало в пять, мы тоже вставали в пять.
Нужно было, не мешкая, у забора червей накопать.
Как ни оденся – знобило в промозглые эти часы,
кроссовки отсыревали мгновенно от августовской росы.

После наскоро завтракали: хлеб, сало и чай,
есть совсем не хотелось. Отец говорил: налегай,
карп клюнет – не вытянешь, понял, не хватит сил.
Я не соглашался, скептически рот кривил.

Наша деревня в три улицы, петухи по дворам голосят,
на холме – развалины храма и старый церковный сад.
Раздавленной сливой сочится – из-под сизого желтизна –
небо, пока мы шагаем. Дорога не очень длинна.

Когда подходили к реке – стлался туман по реке.
Забросив и сосредоточившись на поплавке,
отец разминал свою «Приму». Шел девяносто восьмой
ненадежный, как и предыдущие. Он закурил весной.

Я долго распутывал снасти, за ветки цеплялись крючки,
рыба присматривалась: по воде расходились кружки.
Начинало теплеть, травы пахли, как никогда
после пахнуть не будут, я не знал об этом тогда.

Казалось, что ничего не изменится: будет ветла
надо мною поскрипывать также, а не сгорит дотла
во время грозы; такой же будет холодный рассвет
и ожиданье поклевки, которой все нет и нет.

Я почти не ошибся. Можно проехать 300 км от Москвы,
река шумит на порогах, по-прежнему много плотвы,
можно закинуть удочку, нельзя возвратиться назад.
Хлеб отеческий сладок, солоно сало, дым горьковат.

* * *

*До весны опустели сады.
Бунин*

Скоро они улетят
(отсалютуют ружья) –
отогреть утят
у континента в подбрюшье.

Нам у них не одолжить
крыльев для перелета,
мы остаемся жить
в этом времени года.

Что ж, постоим на мосту,
птицам покрошим хлеба.
Речка бежит в Москву,
забирая налево.

Вот на одном берегу
ивы затрепетали,
а на другом – не могу
я различить детали.

Туч наползает гряда
медленно из-под Лобни,
язвская вода
их отражает подробно.

* * *

*So was I once myself a swinger of birches.
Robert Frost*

Возле комбината горка
метров двадцать пять.
На ногах бы съехать – только
мне не устоять.

Предсказуемый в застылом
воздухе полет –
навзничь тылом и затылком
о декабрьский лед.

Небо серое, и город
не Аустерлиц.
Сверху раздается гогот
сопричастных лиц.

Сколь сильно в подглазьях жженье!
Но открылось вмиг,
что поэзия – скольженье
с горок ледяных.

В равновесии ли дело,
в крепости ли ног,
ни опоры, ни предела,
свищет ветерок.

Нараскатана крутая,
хорошо с такой
в сумерках лететь, хватая
пустоту рукой.

Горка возле комбината,
фонарей там нет.
Не спеши пока, не надо,
уходящий свет.



НАТЯ МАЛИНОВСКАЯ
(псевдоним; настоящее
имя — Екатерина Андреевна
Малиновская)
Поэт. Родилась в Красно-
ярске в 1990 году. Окончила
аспирантуру НГПУ имени
В.П. Астафьева, 9 лет рабо-
тала учителем литературы.
Автор трех поэтических
нниг («Н.», 2015; «Монрое»,
2016; «Юнин», 2017). Лауреат
нескольких литературных
конкурсов, среди них
конкурс имени И. Рожде-
ственного (Красноярск,
2017), конкурс молодых
поэтов «Зеленый листок»
(Тверь, 2019), конкурс
«Нороль поэтов» (Красно-
ярск, 2016) и др.

ПЕРЕЖИВАНИЯ КЕЛЛИ

(ДИПТИХ)

1. Золотая змея

Золотая змея смотрела на Келли
молча

Ее кожа была будто литая, от нее веяло металлическим холодом
Сначала Келли увидела ее в профиль, а она,
Глядя перед собой, вдруг медленно повернула голову,
Увенчанную небольшими блестящими наростами

Ее застывшие глаза глядели строго, они словно пронзали Келли
Змея была неподвижна
Змея молчала
Ни шороха, ни шипения
Но вдруг Келли услышала
Гулкое эхо низкого змеиного голоса

— Я знаю все. Я знаю все.

Мягко прошептала она,
И ее голос сразил Келли,
А взгляд,
Взгляд золотой змеи
Окутал Келли, ей стало трудно дышать,
Она ощутила страх
Страх
Страх

Жуткий, первобытный,
Он сковал Келли, застыл на кончиках пальцев
Она закрыла дверь, заперла змею в комнате, но,
Посмотрев вниз, поняла:
Там щель, и змея непременно ей воспользуется
Келли знала: при необходимости
Золотая змея проникнет куда угодно,

Сквозь глухие бетонные стены
Сквозь пол и потолок
Сквозь деревянные межкомнатные перегородки
Сквозь твою лобную кость

Взглянув на змею еще раз и отвернувшись от двери, Келли решила:

Отныне они будут жить вместе.

2. Черная чешуя

Келли чувствовала, что с ней что-то происходит
Иногда она заходила в одну из комнат
Останавливалась, не помня, зачем и куда шла
И, застыв на несколько секунд, спрашивала себя:
«Да что же это со мной?»
«Да что же это со мной?»

А потом ей начали сниться змеи
В квартире, в комнате и даже внутри нее, Келли, были разные
Странные
Цветные и хитрые
Страшные змеи

Однажды, совсем недавно, ей приснилось
Как она съела змею
Маленькую такую
Ее чешуя была черной
В некоторых местах ее украшали небольшие красные буквы
Странные, как будто бы иероглифы
Они переливались и зловеще пульсировали

Есть змею было неприятно
Келли не решалась, но это было крайне необходимо
В итоге она откусывала от змеи кусочки
Черная чешуя была как хрустящая корочка, а внутри
Была отвратительная желеобразная змеиная субстанция, глотать которую
было просто невозможно

Келли не смогла доесть змею
Келли не смогла доесть змею

Проснувшись, она ужаснулась
И еще долго-долго во рту оставался мерзкий змеиный привкус

Много всего странного и непонятного происходило с Келли
Она страдала, мучилась, плакала
Тело ее часто можно было найти скрюченным в верхнем правом углу
ее огромной белой кровати

А потом она вдруг поняла:
На самом деле
Она давно уже не Келли
А красивая
Тонкая
Сильная
Холодная

Змея.

ЩАС

– Скажи, ты счастлива, Келли? –

Спросила Келли у Келли.

– Нет, – ответила Келли.

– Нет, – подтвердила Келли.

она лежала на кровати,
глядя на белую стену в свете ночника,
и размышляла о том, почему люди несчастливы.

несчастливы потому что
не известно что значит счастье

несчастливы потому что
нам имя – поиск и жажда

несчастливы потому что
все время ищем любви

несчастливы потому что
нам мало одной крови
нам нужно попробовать разной
оставив множество ран

– Скажи, ты счастлива, Келли?

– Нет, я несчастна, Келли.

– Я знаю, – сказала Келли.

Келли в ответ смолчала.

несчастливы потому что
не счастливы потому что
не-счастливы потому что

нешасливы
щас ли вы?

АНТИ-ЭДИП

когда она была дома одна
то сидела в кресле
то на балконе на стуле
курила
и спрашивала себя

Келли
почему ты молчишь
ну почему ты молчишь

пытаясь ответить самой себе
она рассуждала вслух

ну вот что ты расстраиваешься
ты же сама не сказала
ты же сама не сказала
ты испугалась

«чего?» – задавалась вопросом Келли уже не вслух
и не находила ответа

ну вот чего ты опять продолжала она
ты же ничего
ничего не сказала
тебя даже спросили прямо
даже несколько раз а ты

пропищала как тихая дурочка
все нормально
да нет все нормально нормально
со мной все нормально нормально
со мной *все хорошо*

почему ты молчишь
ну почему ты молчишь
Келли
Келли?

в такие минуты она чувствовала внутри себя не *себя*
а полую пустую структуру
задавать вопросы которой
катастрофически
бесполезно



ИРИНА НРУПИНА

Родилась в 2001 году в Харькове. До поступления в МГУ имени М.В. Ломоносова жила в Феодосии. Социолог. Учится в Высшей школе современных социальных наук. Студентка Дмитрия Воденникова. Пишет стихи и прозу.

МОИ МЕРТВЫЕ МАЛЬЧИКИ

* * *

рене артемьевна приходит ко мне во сне
надевает длинное серое платье
и купается со мной в море

в миру она
наташа
валентина
елена
и моя последняя – мария маша

я случайно называю ее артемовной
и она исчезает
а я стою у моря и кричу
рене рене моя рене

а потом мне говорят
моря в венгрии нет
и я просыпаюсь –
море в венгрии есть.

* * *

Тая Тая открывай дверь
я вернулась
юбилейного хлеба не было
я купила бородинский
он еще теплый

Тая Тая
у тебя трава горит
нужно воду
а то цветы
цветы же
Тая
наши розы

Тая Тая
открывай дверь
ты что уснула

я хочу есть
твой зеленый борщ Тая
пить
твой вишневый компот Тая
мыть
твои деревянные окна Тая

ну Тая! Тая! Тая!
я сейчас уйду
купаться в ледяном озере тая
бегать по гаражам тая
пить из лужи тая
сброшу панамку
буду стоять под солнцем
миллион часов
и таять
Тая

открывай дверь
а то будет хуже
я сейчас растопчу твой хлеб!

ну наконец-то
Тая!
а я уж подумала..

женщина я не Тая
меня зовут Таня
зачем вы пришли
ломитесь тут
со своим хлебом

* * *

в моем доме стояло бы фортепиано
и молчало

в моем доме было бы много
травяных чаев с лавандой
и они бы просто стояли в банках

в моем доме лежали бы альбомы
с фотографиями:

маша, восемь лет, день рождения
маша поступила в университет
маша и коля, воробьевы горы
коля и маша на черном море, собирают лаванду
коля, семьдесят восьмой год, учит машу играть,
маша беременна

мама в роддоме, за два дня до моего рождения
мама на мой день рождения, мне пять
папа перед поездкой в германию, а в ногах – яша
девяносто третий, наше последнее фото

в мой дом приползал бы наш первый кролик
и съедал всю мою капусту
в мой дом приходила бы мама
и играла на фортепиано пока я сплю
в мой дом бы приходила бабушка
и приносила свежие фото:

катя поступила в университет
катя на воробьевых горах
катя на первом концерте
катя на черном море

а к утру
все становились бы
сушеной лавандой

в моем доме была бы моя жизнь
если бы я правда жила в нем
если бы я правда жила
была жива
хотя бы разок после семьдесят восьмого

яша перестань жрать капусту
мама хватит играть я не могу это слышать
бабушка ну когда же ты сдохнешь
и вообще
отпустите меня домой
меня ждет папа
он вернулся из своей германии

* * *

я иду по пустыне и мне кажется что я авокадо
мой мальчик сережа берет меня в руку

смотрит
ест
предвзято

я пустыня.
он авокадо.

я йду по пустелі і мені здається що я авокадо
мій хлопчик Сергійко бере мене в руку

дивиться
їсть
упереджено

я пустеля.
він авокадо.

* * *

я иду по пляжу и мне кажется что я на кладбище
я иду по пляжу и мне кажется что я на кладбище
я иду по пляжу и мне кажется что я на кладбище
я иду по пляжу и мне кажется что я на кладбище
я иду по пляжу и мне кажется что я на кладбище
я иду по пляжу и мне кажется что я на кладбище

я иду по пляжу и вижу
мама лежит
меня зовет

* * *

мама
мне больше тебя не нужно
я не знаю что с тобой делать

когда мне было двенадцать
я хотела гулять с тобой по набережной
и показывать тебя прохожим

когда мне было семнадцать
я хотела приехать к тебе домой
и есть твою еду
я тогда плохо готовила

а сейчас мне не дцать
я уже могла бы тебя родить
и воспитать
и гулять с тобой по набережной
и жалеть тебя

но этого не будет
потому что
река высохла
набережной нет
все умерли
и показывать тебя некому

но если вдруг ты знаешь меня в лицо
то
пусть мальчик сережа живет вечно
и этим сережей окажусь я

МОИ МЕРТВЫЕ МАЛЬЧИКИ

мои мальчики которых я любила
перестают меня узнавать

я называю их мертвыми
потому что я тоже не узнаю их
они потихоньку умирают

(сережа не плачь)

чтобы их различить
мне приходится их нюхать
но прошло уже столько лет столько лет
что пахнут они не мальчиками

– ты меня узнаешь через полжизни?
– да. ты будешь такой же дикой и красивой.
– нет, ты меня не узнаешь. ты умрешь.

чтобы продолжать жить,
надо умертвить тех, кого любишь. мои мертвые мальчики всегда пахли смертью.

мой мальчик коля
ходит всё в тех же кроссовках
работает всё в том же салоне
а я уже
в других кроссовках
хожу
в другой салон

(сереж подожди)

я его любила так же как его запах –
роз розовой воды крыма

он совсем не помнит моего лица
(хорошо – лицо меняется)
моих пальцев
(они всё такие же бледные и короткие)
видимо я тоже потихоньку умираю

а мой мальчик боря
(пожилой мальчик)
ему нравятся молодые
и через полжизни
он не пригласит меня на море
не захочет со мной говорить

(сереж дай закончить)
он проедет мимо и не узнает
что я
это его прежнее солнышко
прежний котеночек
прежня бусинка
(у меня кладбище из мальчиков, а у него ковер из бусинок)
не вспомнит что мы когда-то
спали на пляже и говорили о доме

– я хочу в свой дом – тебя, в свой бассейн – тебя.
– а я хочу жить нигде, я хочу быть ничьей, только прошу – узнай меня
через полжизни.

(сережа не зови меня больше
иди в угол
встань на колени
молись
я скоро к тебе
сама
приду)

и вот прошло наше «через полжизни»
мы уже
через целую жизнь
и ни один мой мальчик
так и не выжил
и не воскрес

и только сережа узнаёт по запаху – запаху угла и молитвы

«ну наконец-то, девочка моя,
столько лет, столько лет
мы умираем,
пойдем бросать камни в море –
у нас еще есть
пару минут»

пара минут
пара минут
и мы станем камнем.

| Юность №12
| Денабрь 2020

ПРОЗА

Из подготовленного мною к печати третьего тома моих воспоминаний (их полное название «Из СССР в Россию и обратно», два тома уже изданы) я выбрал для «Юности», естественно, лишь малую часть. Том посвящен моей учебе в 9-м и 10-м классах московской школы № 632, а если шире и одновременно точнее – школьной жизни того времени. Конкретно это 1968–1970 годы. Я знаю (сам неоднократно слышал), что многие ругают школы, в которых они учились в те годы. Не могу судить, насколько справедливо. А вот наша 632-я школа была замечательная. Наш класс – очень дружный. И наша школьная жизнь была, уверенно утверждаю, замечательной и замечательно интересной. Все это, предельно точно и максимально объективно, я и попытался отразить в этом, как и в других томах моих воспоминаний.

Надеюсь, что, несмотря на вызванный обстоятельствами 2020 года издательский кризис, целиком книга выйдет в свет в 2021 году. Тем более что у меня уже полностью готов и следующий том, бесспорно, еще более интересный по фактам и событиям. Называется он «Журфак» и посвящен, что понятно из названия, годам моей учебы на факультете журналистики Московского университета. А это 1971–1976 годы. Причем в него вошли тексты и моих личных дневников того времени. В предлагаемых читателям «Юности» отрывках, как и в целом в моих воспоминаниях, все упомянутые лица названы своими настоящими именами и фамилиями. Если у кого-то из них возникнут ко мне претензии в плане трактовки тех или иных событий, я предлагаю им самим описать то, о чем рассказал я. Можно даже передать эти описания мне – я их с удовольствием опубликую в последующих томах моей мемуарной «эпопеи», которую намерен довести до сегодняшних дней.

В. Т.

Я решил придумать что-то новое, необычное, а главное – гибкое, позволяющее уйти от привычных листов ватмана с намертво приклеенными рукописными заметками и нарисованными более или менее удобоваримыми рисунками, мозолящими глаза до того, как стенгазету, сделанную, например, к 7 ноября, не заменят на новую – к Новому году.

Между тем все равно стенгазеты, даже классные, под гнетом уже сложившихся традиций и официально-неофициальных догматов к этому времени превратились в нечто стандартное. Даже внешне они почти повсюду выглядели одинаково.

Я всегда участвовал в создании стенных газет – и в прежней школе, и в пионерском лагере. И вносил в это дело максимум доступного мне тогда творческого начала. Кроме того, еще в 7–8-м классах я выпускал рукописный журнал – дома и для себя. То есть был в этом деле, громко говоря, профессионалом. Или, по меньшей мере, опытным человеком.

Посему, когда мне – как новоиспеченному комсомольцу – нужно было придумать для себя какое-то постоянное комсомольское поручение, я взялся за создание классной стенгазеты.

Я решил придумать что-то новое, необычное, а главное – гибкое, позволяющее уйти от привычных листов ватмана с намертво приклеенными рукописными заметками и нарисованными более или менее удобоваримыми рисунками, мозолящими глаза до того, как стенгазету, сделанную, например, к 7 ноября, не заменят на новую – к Новому году.

Что бы вы сейчас такое-эдакое придумали, уважаемые читатели? Но без интерактивных экранов, домашних компьютеров, ноутбуков и соответствующих компьютерных программ?

Ничего? А вот я придумал.

Кабинет химии, наша классная комната, был увешан портретами выдающихся русских ученых, схемами и таблицами, включая главную из них – таблицу Менделеева. Но при этом одна его стена (правая от доски) почему-то оказалась свободной.

И вот на этой стене я соорудил большую раму из деревянных реек, по всей плоскости которой натянул прочные разноцветные шерстяные нити, которые взял у матери.

Замысел мой был прост и по тем временам гениален. Я придумал и создал постоянно обновляющуюся газету. Хотя каждый день можно было писать или печатать (на пишущей машинке) новые заметки и рисовать новые рисунки. И тут развешивать на эти нити.

Словом, это была интерактивная стенная газета – но без компьютеров, соответствующих программ и даже вообще еще не возникших (шел только 1968 год!) интернета и социальных сетей.

Такой необычной газете нужно было придумать и не менее необычное название.

Вспомните, кому есть что в этом смысле вспомнить, как назывались ваши стенные газеты? Чаще всего никак. Следовала лишь такая примерно надпись – беру случай нашего класса: «Орган комсомольской организации 9 “Д” класса 632-й школы». А вместо названия разноцветной тушью писались соответствующие тому или иному празднику надписи. Например: «51-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» или «С Новым, 1969 годом!».

А какое название дал моей (нашей) газете я? Точнее, я вместе с моим одноклассником и другом Воликом Гечей, человеком очень творческим и активным. Никогда не догадаетесь!

Мы назвали ее «Органон»! Именно эти семь крупных разноцветных букв были намертво приклеены к верхним нитям «газетной матрицы».

Оцените изящество нашей редакторской находки. С одной стороны, органон – это почти орган. А с другой стороны, это одно из тех загадочных слов, которые время от времени повторял Сатин в пьесе «На дне»: «Органон! Сикамбр!» А это уже отсыл к школьной программе, к русской литературе (тогда мы еще не знали, что «Органон» – это название корпуса основных трудов Аристотеля по логике).

На первых порах «Органон» имел большой успех. И даже несколько дней или, может быть, недель функционировал согласно задуманному – постоянно обновлялся. Но длилось это недолго. Не хватило то ли моих организаторских способностей, то ли энтузиазма одноклассников, то ли тем и проблем, чтобы жизнь и внутриклассная журналистика били на нитях «Органо́на» ключом.

Он, конечно, повисел какое-то время, украшая стену своими разноцветными нитями и отнюдь не комсомольским названием, а несколько месяцев спустя канул в Лету.

Тем не менее «Органон», пусть и не заработавший так, как я его задумал, был вторым (после домашнего рукописного журнала) моим опытом по созданию издания нового типа, как выразался в подобном случае самый известный в мире отечественный редактор и журналист Владимир Ильич Ульянов–Ленин.

Следующий, если воспользоваться уже сегодняшним языком, издательский проект, к которому я имел непосредственное отношение, был уже коллективным – это наш классный машинописный журнал «Классные классики».

Поход

Самое веселое – по сумме всех составляющих – это, конечно, наш грандиозный поход, совершенный летом 1969 года.

Инициатором похода был, как сказали мне мои одноклассники, молодой учитель биологии, бывший к тому же секретарем комсомольской организации нашей школы, Владимир Пасечник. Причем вроде бы сам факт организации похода он от руководства школы скрыл – иначе никто бы такой поход не разрешил. Как это можно было скрыть, ума не приложу. Но я это не придумал – кто-то из одноклассников так мне сказал.

И хотя в нашем классе Пасечник занятий, по-моему, не вел (после похода, кстати, тоже), он выбрал нас, потому что наш класс был признан лучшим в школе. И этот поход был чем-то вроде награды за наши успехи.

Длился поход никак не меньше 10 дней, а маршрут его был весьма оригинален. Сначала мы приехали в маленький городок Дорогобуж, что стоит на Днестре. Приехали туда, наверное, на электричке или на поезде.

В Дорогобуже жили в местном Доме колхозника. Ночевали, помню, в каком-то большом зале то ли прямо на полу, то ли на раскладушках.

Из Дорогобужа перелетели на кукурузнике (Ан-2) куда-то. Это был первый в моей жизни полет на самолете. Перелетали в три захода, так как самолет совсем маленький. Помню, что летели недолго. Полет меня совсем не впечатлил – в воздушные ямы часто проваливались, а вестибулярный аппарат у меня слаб. В полете с нами оказалась коза (с хозяйкой, естественно). Такое, как правило, на всю жизнь запоминается.

Не помню, куда мы прилетели, но там, по-моему, тоже был Днепр. И совсем сельская местность. По какому-то маршруту мы по ней передвигались, а затем вернулись в Дорогобуж. Но уже не на самолете, а пешком – с рюкзаками за плечами.

Все, в том числе и я, на многие годы запомнили, что одной из целей нашего похода был день или два работы в каком-то колхозе. Мы сажали кукурузу. Вы вряд ли представляете, что это такое! И мы до той поездки не представляли. И позже я никогда об этой кукурузе ни разу не слышал.

Кстати, оказывается, правильно ее нужно называть не кукуруза, а кукуруза, ибо выведена она нашими тогдашними эстонскими братьями. Так в сетевых поисковиках и написано: «Кукуруза – кормовая культура, выведенная в Эстонии, гибрид брюквы с кормовой капустой».

Сажали мы в распаханное поле, по которому были проложены аккуратные борозды, чахлые пучки синеватых листьев на длинном корешке. Сколько га засадили, не знаю.

Мои одноклассники утверждают, что об этой работе тоже договорился Пасечник. И именно с той целью, чтобы на заработанные деньги купить на всех нас билеты для перелета на Ан-2.

Отправился в поход наш класс, видимо, не полностью, но значительная и самая активная его часть, то есть те, кого я постоянно в этой книге упоминаю. Плюс к этому с нами была Галя Руссиян – подруга Наташи Маслиненко, учившаяся в параллельном классе.

Галя была крупной блондинкой с лицом (да и телом) русской селянки кустодиевского типа. Разбитная, веселая и компанейская – она мне, да и всем, сразу понравилась. И без всяких проблем и зазоров вписалась в наш коллектив.

Периодически мы ночевали на берегу Днестра. И, естественно, ночью ходили купаться. Не все, а наша сплоченная группа мальчиков, уже известная вам по картежной компании. Но однажды Володе Сулаеву этого показалось мало. Дело в том, что он был лошадиником – любил кататься на лошадях.

И вот на очередной нашей стоянке он обнаружил где-то недалеко несколько пасущихся стреножен-

Одноклассники мне на одной из наших встреч сказали, что на школьном выпускном вечере шампанское на столах стояло совершенно официально – тогда на этот счет запретов, пришедших позже, не было.

ных лошадей. И уговорил нас пойти ночью этих лошадей увести и покататься на них.

Кто и как растреноживал лошадей, я не помню, но уверен, что это сделал сам Сулаев. Далее началось самое интересное – собственно скачки на лошадях. Их, по-моему, две было.

Сразу признаюсь, что я в этом не участвовал. То есть только смотрел. В определенные моменты во мне срабатывает инстинкт самосохранения. Я до того ни разу на лошадь не садился. А тут еще незнакомые, без седла, уздечек и поводьев. И ночью. А темно было – хоть глаз выколи.

Сулаев первым продемонстрировал свое умение верховой езды. Потом кто-то еще отважился. По-моему, Утенков. Или Витя Ковалев. Но не уверен. Уверен в том, что проскакали они перед нами стремительно.

Один из всадников потом рассказывал, что он едва смог остановить своего скакуна, обхватив его двумя руками за шею и начав душить. Словом, все закончилось благополучно – никто из осмелившихся участвовать в этой аванюре не упал и не разбился. Правда, один из всадников сказал, что время от времени ему казалось, что у него над головой что-то мелькало.

Что мелькало, выяснилось утром. Оказывается, ночные скачки происходили на деревенском футбольном поле. И лошади проносили седоков сквозь ворота, которые были без сеток. И, по счастью, достаточно высокие, чтобы не снесло голову кому-то из наших храбрецов. Особенно самому Сулаеву, так как он был самым высоким из нас.

Никаких последствий эта аванюра не имела. Ночную пропажу лошадей никто не заметил.

Вторую историю помню лучше. Днем мы куда-то шли пешком, но почему-то к концу дня оказалось так, что мы, несколько мальчиков, отстали от всего отряда и остались ночевать в какой-то избе. Кто нас пустил в эту избу, в которой, что важно, была свежепобеленная, а может, и вообще новая печка, не могу сказать. Но не сами же мы в эту избу забрались...

Мало того, что нас в эту избу пустили, так нам еще ведро свежего молока принесли. Дело в том, что совсем недалеко располагался то ли молокозавод, то ли молочная ферма.

Поужинали мы какими-то продуктами из наших рюкзаков, но при этом еще и молока напились до отвала. И, видимо, ночи были прохладные, потому мы затопили печку. Причем раскочегарили ее так, что в избе стало просто жарко – спать мы улеглись в одних трусах.

При этом все – это точно помню – обсуждали, как бы хорошо было сейчас сходить на ферму, так как там такие молодые доярки! Кто-то этих доярок видел.

К дояркам, разумеется, пойти ночью мы не решились. Погасили свет и легли спать.

Заснули уже, как один из нас, у кого самый чуткий сон, услышал, что на крыльце кто-то колобродит и вроде как пытается дверь в избу открыть. Взял этот чуткий в руку полено и пошел выяснять, что за шум и от кого. Через несколько секунд в избе зажегся свет.

Оказывается, это наш руководитель Пасечник пришел выяснить, что с нами случилось. Причем шел он к нам ночью в дождь и почти не известным ему путем несколько километров. Ибо узнал, что мы остались ночевать в какой-то избе, да еще и печку собирались топить. Сказал, что побоялся – а вдруг мы угорим?!

Опасение вообще-то вполне здоровое. И поступок его как педагога и руководителя нашего похода вполне здоровый и ответственный.

Не мог же он предполагать, что у нас есть такие знатоки деревенской жизни, как тот же Володя Сулаев, который точно знал, где у печки заслонка и когда ее нужно открывать, а когда можно закрывать.

Напоили мы Пасечника молоком, и он лег с нами спать.

А утром мы обнаружили, что по всей высоте новой печи идет диагональная трещина. Так сильно раскочегарили мы эту печь вечером. Не стали мы разбираться, только ли штукатурка на печи трес-

нула или и до кирпичей дело дошло, и отправились догонять основную нашу походную группу.

Еще всем запомнилось (я, кстати, об этом забыл, но на очередной нашей встрече одноклассники мне напомнили), что как-то ранним утром Саша Голубцов решил покататься на лодке. Один. И лодка у него перевернулась, весла уплыли. Звать на помощь он постеснялся. Обнаружили мы его сидящим на днище перевернутой лодки недалеко от берега только тогда, когда встали к завтраку.

Это случилось на каком-то пруду или в тихой заводи.

Выпуск. И первый поцелуй

Два года, что я проучился в 632-й школе, прошли стремительно и бурно. Сейчас, перебрав – через этот текст – все, что мог вспомнить о тех годах, я удивляюсь, сколь насыщенной была наша – и моя в частности – тогдашняя школьная жизнь. А ведь мы еще и в семье общались, и какими-то домашними делами занимались. А я и читал очень много – буквально поглощал книгу за книгой. И телевизор я любил смотреть, особенно некоторые передачи (которые и все тогда любили смотреть) и некоторые художественные фильмы. Но главное, что в эти два года произошло – это выбор мною желаемого жизненного пути, ибо журналистика – это, конечно, не только профессия, но и жизнь в целом.

Почему-то я совершенно не помню, какие и как мы сдавали выпускные экзамены. Не помню наш выпускной вечер в школе, которому должно было предшествовать вручение аттестатов о среднем образовании, или, как тогда еще говорили по идущей с дореволюционных времен традиции, аттестатов зрелости.

Одноклассники мне на одной из наших встреч сказали, что на школьном выпускном вечере шампанское на столах стояло совершенно официально – тогда на этот счет запретов, пришедших позже, не было.

Естественно, должны были быть на выпускном вечере танцы. И, видимо, были. Но и их я не помню.

Должен был бы я запомнить, если она состоялась, ночную поездку на Красную площадь или куда-нибудь еще, куда было тогда принято в ночь выпуска. Но и этого не помню.

Но все-таки осталось у меня одно очень внятное и сильное воспоминание, связанное с выпуском.

Так как наш класс действительно был очень дружным, то, помимо официального выпускного ве-

чера в школе, который был слишком многолюден (у нас выпускалось целых шесть классов, а это почти двести человек), мы решили собраться еще и отдельно. Так, как часто делали во время учебы.

На эту последнюю на тот момент нашу совместную вечеринку пришли далеко не все. Но костяк класса – те, кого я чаще всего упоминал в этой книге, был. Правда, кто конкретно, не помню. Не помню, и что мы делали. Точнее, что делали, и так ясно: пили сухое вино и танцевали. Но ничего более определенного и конкретного вспомнить не могу.

Кроме одного.

Если не ошибаюсь, а по-моему, не ошибаюсь, собрались мы на квартире у Наташи Липатовой. Это где-то между Красноказарменной и Энергетической улицами.

Но и это я вряд ли бы запомнил, если бы не то, что произошло во время этой вечеринки и после нее.

А произошло следующее. В тот вечер вместо моих постоянных партнерш по танцам из нашего класса (главной из которых была Рита Мараева) я танцевал в основном как раз с Наташей Липатовой, одной из двух самых красивых девочек нашего класса. А до того мы с ней не особо и общались. И уж точно – никогда и ни по какому случаю близко не сходились, никогда не оказывались вдвоем. О единственном таком случае – в лодке в Измайловском парке, чему я не придал тогда никакого значения, я уже рассказал.

Но в этот вечер что-то между нами произошло. Мы буквально прилипли друг к другу: танцевали вдвоем, не выбирая других партнеров, и танцевали, тесно, совсем не по-школьному, прижавшись телами.

Моя тогдашняя извечная проблема, связанная с нашими вечеринками, состояла в том, что мать категорически настаивала, чтобы я возвращался домой не позднее одиннадцати часов. Очень уж она переживала, если я задерживался хоть на пять минут. И, естественно, я стремился в этот график вписываться.

Из района Красноказарменной, если нужный трамвай приходил быстро, до нашей остановки ехать мне было 10–12 минут. И понятно, что я каждый раз тянул до последнего – надеясь, что в эти 10–12 минут я и уложусь (что часто и случалось).

Но одно дело покинуть, если так получалось, вечеринку раньше других. А другое дело – оторваться от девушки, которой в этот вечер оказался желанным ты, а она тебе.

Так или иначе, около одиннадцати я сказал Наташе, что мне нужно ехать домой. В том, что я ухожу раньше других, ничего странного и непривычного не было. Большинство других ребят ведь жили совсем рядом – максимум на соседних улицах.

Но, согласитесь, непривычно то, что Наташа, оставив всех остальных гостей, вышла со мною на улицу. И – вот это я хорошо помню – мы шли с ней от ее дома по Энергетической улице вдоль ограды стадиона «Энергия» в сторону трамвайной линии.

А я все поглядывал на часы. Так как уже очевидно опаздывал, хотя уже и позвонил домой матери, сказал, что буду через 15 минут, да и эти минуты давно истекли.

Конечно, я не помню, о чем мы с Наташей говорили. Не помню, как шли по улице – обнявшись ли или только взявшись за руки. Помню только, как Наташа была одета: черная юбка и заправленная в юбку разноцветная блузка с длинными широкими рукавами. Помню, что сказал, дойдя до конца забора стадиона «Энергия»: извини, но мне нужно ехать! До остановки я сам дойду, а ты возвращайся домой...

Ну, и самое главное, что помню: мы повернулись лицом друг к другу, я обнял Наташу, и мы поцеловались...

Помню ощущение от этого объятия – широкую и прямую спину Наташи под моими руками. Она спортивной гимнастикой занималась.

Когда мои губы оторвались от ее губ, я увидел на ее лице (а стояли мы под фонарем – точно это помню) удивление. Видимо, она поняла, как до меня дошло в трамвае, что я не умею целоваться!

И была права. Это действительно был первый мой настоящий поцелуй с женщиной. И ничего иного, кроме как просто прижаться к ее губам своими губами, я сделать не мог.

А может, она удивилась, что я ограничился только одним поцелуем и только поцелуем?

Не знаю. Ни я, ни она не попытались позже найти друг друга, хотя это было совсем просто.

То ли нахлынувшая на нас взаимная страсть оказалась слишком мимолетной. То ли перебили ее волнения, связанные с подготовкой к вступительным экзаменам в институт, а потом и с самими экзаменами. Не знаю.

Знаю лишь, что позже, на наших классных встречах, ничего подобного между нами уже не возникало; что никогда больше мы друг с другом тот наш выпускной поцелуй и предшествовавшие ему танцы не обсуждали; что я никому об этом нашем расставании не рассказывал (может, только моему лучшему школьному другу Сулаеву?).

Сейчас, полвека спустя, я имею полное право рассказать об этом. В конце концов, если это и было тайной для нынешней семьи Наташи, то, во-первых, это было давно и (не)правда; а во-вторых, это не только ее, но и моя тайна. И я имею право на ее разглашение.

Но, между прочим, что бы и как бы могло произойти с моей жизнью и жизнью Наташи Липатовой, если бы в тот вечер у нас было больше времени и какая-нибудь пустая комната под рукой или если бы мы договорились о свидании через день-два и пришли бы на него?

Но не было ни того, ни другого, ни третьего.

Однако первый – у меня – поцелуй был. Согласитесь, великолепное дополнение к аттестату зрелости.



В этом маленьком рассказе Реми Эйвери легкой рукой скрещивает мифологическое с реалистическим. Миф проступает через реальность пахучими пятнами, то есть он буквально пахнет: медом, плодами, землей. Текст двигается, шелестит колесами, постукивает на колдобинах, стремится к развязке и, наконец, приезжает к финишу, ожидаемому или не вполне ожидаемому, – тут все зависит от опытности читателя. А потом тянет перечитать: а как именно складывался смысл, как именно автор прочерчивал извилистый путь? И тогда видишь, что до развязки доехала только тележка с реальностью, а миф остался мифом: необъяснимым, необъясненным и не могущим быть выраженным ни на каком языке, кроме глухонемого языка запахов.

Татьяна Толстая

ПЛОД



РЕМИ ЭЙВЕРИ

Начинающий автор. Родилась в Самаре. По образованию лингвист, но всегда занималась своими бизнес-проектами. Живет в Англии, пишет на русском языке.

То, что его жена поехала головой, Джо воспринял спокойно.

С самого начала это был вопрос времени. Семейный доктор еще до свадьбы предупредил, что ремиссия не бесконечна, наступит ухудшение, что, в общем, не страшно при современном развитии психофармакологии. Главное, отслеживать любые изменения и не тянуть с обращением к нему. Он, конечно, сразу перенаправит куда надо, только приема у специалиста можно прождать до яблочного заговенья.

Но Джо тянул.

– Не тревожьтесь о существующем положении дел. Все разрешимо. Господь милостив. Живите обычной жизнью. – Доктор тогда пожал ему руку и выдал Мириам желтый овальный леденец, которые обычно предназначались детям.

Напряженная во время всего приема, она вдруг прыснула, прижала пальцы к губам, словно боясь нарушить серьезность разговора, но не сдержалась и рассмеялась в голос. И доктор, и Джо с облегчением расхохотались в ответ, каждый со своей интонацией.

– Я больна, Джо.

Мириам сообщила это на первом же свидании. Спокойно, серьезно, без кокетства и шуток.

– С раннего детства. Врачи говорили, что это кризисы роста, плохое воспитание и просто дурной

характер, но голоса в моей голове с ними не соглашались. Я могу любить весь мир, до луны и до солнца и через минуту ненавидеть его до преисподней. Могу сворачивать горы и поворачивать вспять реки, а потом полгода лежать лицом к стене. Не очень-то легко быть мной и со мной. Я пью препараты, конечно, но ты должен знать.

Джо смотрел на ее косо подстриженную челку, падающую прямо на глаза, на острые углы ключиц над вырезом белой майки, широковатые бедра, загорелые ступни, на алый лак на руках и ногах и пропускал мимо ушей каждое слово.

Аромат, что она источала, окутывал облаком, проникал под одежду, заставляя каждый волосок встать дыбом на покрывшейся гусиными цыпками коже. Запах яблок – пока еще не созревших, с жесткой кожурой и нежной зеленой сердцевинкой. Откуси – зубы сведет кислой оскоминой, язык же ощутит всю сладость. Джо пожалел, что напялил такие тесные джинсы.

Запах этот менялся потом, особенно в ее «опасные дни». Джо начинал таскаться за Мириам, стоял под дверями туалета, пока она журчала там, и врвался под дурацким предлогом сразу, как только спускалась вода. В овуляцию его жена начинала благоухать еврейским новым годом: рассыпчатая мякоть нагретых солнцем яблок, текучий цветочный мед, горьковатые звезды бадьяна.

Он набрасывался на нее. Начинал с поцелуя – видишь, я не животное, любимая, не животное, но почти сразу начинало не хватать воздуха. Он переворачивал ее на живот, задира л домашнее платье, двигался исступленно, как заводная игрушка, у которой переклинило механизм.

Мириам не беременела. Ни в первый год, ни в следующий. Оба не удивлялись: слишком рано, слишком мало времени вместе, еще не налюбовались друг другом, не распробовали, не насытились. Третий человек в их союзе пришелся бы лишним.

Болезнь не возвращалась. В последний раз Мириам рыдала от смеющихся над ней голосов за несколько месяцев до знакомства с будущим мужем. Джо списывал это на удачу и упорядоченный уклад: он работал, она занималась домом, вставали и ложились каждый день в одно и то же время, правильно питались, по вечерам много гуляли, на выходных ездили к морю – крепкий, соленый монсун мог выдуть из головы любую хворь.

О ребенке заговорили только через четыре лета, что вот, было бы неплохо, если веселая девочка в коротком платье или кудрявый мальчик с умными глазами. Любили бы и обожали, баловали. Мириам подсовывала ему палитры меловых красок для детской: белый, бледно-желтый, шалфейный – Джо специально говорил «зеленый», тогда жена вспыхивала, злилась и в своем возмущении становилась особенно красивой. Дюжина попыток забеременеть оказались бесплодными. Мириам растеряла все эти веера выкрашенных бумажек и не очень-то сожалела.

Джо не помнил точно, когда их постельные игры сошли на нет. Он работал целыми днями и выматывался к концу дня так, что засыпал, только положив руку на живот Мириам. Она не обижалась и вопросов не задавала. Записалась в спортзал, недовольная тем, что бедра уж очень раздалась.

– Не истязай себя там, детка, – шутил Джо. – Мне нравится, когда покрутнее.

– Обойдешься, – отмахивалась Мириам. – Я хочу нравиться себе, а не тебе.

То, что она зачала, Джо узнал раньше ее самой. Никаких больше яблок, спелых или неспелых. Их аромат сменился запахом вспаханной земли: черной, жирной, плодородной, благодарно принявшей семена. Его чуть не вывернуло, когда он учуял в первый раз.

Он заперся в офисе, сел за стол, положил перед собой руки и разрыдался от опустившейся на его плечи ноши. Джо плакал горько и безысходно, как в десять лет, когда обнаружил, что родители, боясь сказать ему, что его рыбка Дори умерла, подменили ее на точно такую же новую.

– Посмотри-ка, дружок, она сегодня особенно бодрая и в прекрасном настроении!

Джо не помнил, чьи это были слова, отца или матери. Он смотрел в аквариум. У Дори было три зубрины на нижнем плавнике, у новой – две. Он не был малышом и прекрасно знал, что однажды Дори не станет. Он похоронил бы ее в саду, завернув в салфетку, и пережил бы это горе, как настоящий мужчина, а теперь нужно было делать вид, что ничего не произошло.

– Посмотрите сюда, ваши приятели вялы и скучны, никто из них не мотивирован достигнуть цели.

Спермограмму Джо сдавал втайне от жены, предположив виновато, что дело в нем. Узнав о своей бесплодности, он малодушно не смог завести разговор, оправдывая себя тем, что подходящего времени все не находилось, да и Мириам неудачам особо не расстраивалась.

Неизвестно, был бы смысл, если бы он закатил родителям скандал, или нет. О том, что рыбка не Дори, он забыл уже через неделю, а еще через полгода устроил дублерше Нори достойные похороны.

Джо вытер платком мокрые от слез щеки, высморкался и набрал Мириам, готовый принять благую весть. Когда тебе не десять, а тридцать пять, уже не так важно, сколько зубрин на плавниках рыбки, плавающей в животе твоей жены.

Первые признаки сумасшествия он заметил через неделю. Сидя за обеденным столом, Мириам с отрешенным видом отрезала мелкие кусочки от яблока и бросала их себе под ноги, словно кормила птиц. Губы ее шевелились в неизвестной ему молитве. Он не решился ее окликнуть.

– Я беременна, Джо.

Она пришла к нему на следующее утро.

– Я мечтала об этом с самого детства, – спокойно и серьезно сказала она, как в их первый день. – Я помню, что говорил доктор, – моя болезнь не просто вернется, она станет много хуже, но очень тебя прошу, давай оставим этого ребенка.

От нее все еще пахло землей, теперь кладбищенской. Тошнотворный аромат гнили смешивался со сладковатыми нотами пророченного семени. Джо задержал дыхание.

– Я рад, что это наконец произошло. – Он поцеловал ее в лоб. – И конечно, мы справимся.

В первом триместре хуже не становилось. В голове Мириам ничьи голоса не нашептывали тревожных вестей. С запахами Джо свыкся, с нехитрыми капризами беременной жены тоже.

От первого шевеления ребенка с Мириам случилась истерика.

– Это случилось! Случилось! – стучала она зубами о край стакана с водой. – Я чувствовала тут под кожей, будто что-то трепетало. Сначала коротко, потом дольше.

Ночью Джо приснилось, что жена родила рыбу. Три килограмма, пятьдесят сантиметров. Гордый и счастливый, он тщательно пересчитал зазубрины на каждом плавнике. Имя было припасено давно – Дориана.

Мириам совсем поехала головой. К этому факту он относился как к плохой погоде – прогноз еще на прошлой неделе предупреждал, что она сильно испортится, так что же теперь сетовать? Сначала вести ее к врачу казалось рано, теперь уже поздно. Джо не хотел, чтобы ее пичкали таблетками и уколами, – неизвестно, как бы это отразилось на ребенке. Пусть кто-то другой верит исследованиям фармкомпаний, а потом растит урода или инвалида, размышлял он.

С женой он справлялся. Знал, если она плачет, то все в порядке, и можно отвлечься на ТВ-шоу или футбол. Достаточно было усадить ее в кресло, дать коробку салфеток, сказать «все будет хорошо» и в десять вечера уложить спать. Его не трогало ни ее залитое слезами лицо, ни изредка прорывающиеся из стиснутых губ судорожные всхлипы. Режим чувствосбережения – так он называл. Он понимал, что нужно перетерпеть: ему, ей, им вместе, ради их ребенка, ради общего будущего. Да и Господь милостив, не оставит.

Хуже, если Мириам затихала. Ее глаза просыхали, рот сжимался еще больше, взгляд устремлялся внутрь себя, не с той безмятежной созерцательностью, какую Джо много раз видел у своих беременных сестер, но с безмерными тоской и отчаянием. Она раскачивалась взад и вперед. Билась затылком, выстукивая только ей понятные просьбы о помощи полумной азбукой морзе. Он заботливо прибывал на стены одеяла.

Казалось, случилось что-то страшное, непоправимое. Джо видел это по ее опущенным от неизвестного ему горя плечам, по положению стиснутых до синяков рук, но оставался тверд. Два раза он вытаскивал ее из петли. На третий раз Мириам заговорила.

– Никто, – голос ее звучал спокойно и глухо, – вообще никто. Ни одна мать на свете не должна проходить через такое. Это невыносимо. Это бесчеловечно. Ты не должен был соглашаться. Если бы ты меня любил, а ты все время говоришь, что любишь, ты бы не позволил оставить этого ребенка.

– Это наш ребенок. – Джо не удержался.

Жена подняла руку, требуя, чтобы он замолчал.

– Ты думаешь, голоса свели меня с ума. Ты думаешь, они шепчут, и я теряю разум. Но если бы ты знал их слова, ты бы попросил свить вторую петлю – для себя. И мне не разделить эту ношу ни с кем. Ни сейчас, ни потом. Это чудовищная, изощренная, жестокая пытка, которая никогда не закончится.

– Я знаю, ты устала. Я знаю, как тебе тяжело. – Джо осторожно подбирал слова. – Но осталось всего три месяца. Нужно потерпеть...

Мириам расхохоталась, жутко, утробно.

– Скажешь это потом своему сыну.

К исходу осени стало невыносимо.

– Съездим разведемся. Домик небольшой, но там есть озеро и лес. Ты посмотришь на воду, погуляешь, подышишь воздухом. Всего несколько дней. Мы туда и обратно. Что скажешь? Хорошая идея? Отличная ведь, просто замечательная?

Мириам безучастно смотрела, как он укладывает в сумку пеленки, подгузники и упаковки с яблочным пюре. Четыре недели до родов, Господь милостив, может, доносит, но подстраховаться надо.

Нерелигиозный Джо знал, что Господь всегда был милостив. С самого начала начал, когда Хава сорвала Яблоко с Дерева и съела его. Еще в детском саду рассказывали сказку, что узнал Господь и не разгневался, потому что не Мечь имя Ему, а Любовь. И сказал Господь Адаму и Хаве, что набрались они от Яблока разума, и время пришло идти и возделывать свои сады, и растить свои яблоки и есть их, а других плодов и животных не трогать, иначе Смерть.

Верующая Мириам в хорошие дни шутила, что раз Господь милостив, то потому пауки и не летают.

Машина забарахлила уже на самом повороте к озеру, закипела вдруг и встала безнадежно.

– Пустяки! – Джо суетливо отвязывал велосипед от багажника. – Тут всего пять миль, доведу тебя с комфортом! Ты сядешь, а я пойду рядом и повезу очень аккуратно. Потом вызову эвакуатор и разберусь со всем. Хорошо, любимая?

Мириам не спорила. Плакать она перестала за час до выезда и теперь слегка раскачивалась.

– Давай садись, осторожненько только. Ноги не перекидывай, пусть обе сбоку...

Он боялся, что огромный живот жены перевесит, но Мириам ухватилась одной рукой за раму, второй за сиденье, и сохраняла равновесие.

– Вот молодец! – Джо с усилием толкнул велосипед вперед. – Вот так приключение у нас!

Лесная дорога, извилистая, с ямами и ухабами, годилась, скорее, для горных моделей, а не пиджонского ретро, как у Джо. Мириам не жаловалась, только морщилась, когда трясло особенно сильно. Джо натужно балагурил всю дорогу. Его пугало, что и так бледное лицо жены стало зеленого оттенка, а губы посинели. Тяжелая дорога и усталость – успокаивал он сам себя.

Когда оставалось полмили, Мириам стошнило.

– Ничего страшного, не катастрофа, бывает. – Он пытался вытереть рвоту с ее рубашки. – Совсем чуть-чуть осталось. Хочешь, я донесу тебя?

Жена обмякла у него в руках.

Уже стемнело, когда они добрались. Джо аккуратно поставил Мириам на крыльцо, положил одну ее руку на перила, убедился, что она не упадет, и стал искать ключ, мысленно молясь, чтобы он оказался в кармане, а не в машине. Ключ нашелся в куртке. Выстуженная гостиная напоминала наркоманский притон: на полу грязное ковровое покрытие, из мебели – два засаленных дивана и кресло, жирные объедки на щербатых тарелках стопкой на кофейном столике. В спальне было еще хуже. В кухню Джо побоялся заходить.

– Прости, любимая, прости. – Он метался по комнате. – Мы уедем домой! Ты не останешься в этом хлеву. Я сейчас вызову эвакуатор, и нас отвезут.

– Джо...

– Прости, детка, прости, моя птичка. Только не расстраивайся, только не волнуйся, тебе нельзя...

– Джо!

Прежняя Мириам, серьезная, красивая, смотрела на него целое мгновение.

Только сейчас он увидел, что ее джинсы промокли насквозь, под ботинками собралась целая лужа.

– Ох, не успели с тобой в туалет? И это не катастрофа! Ничуть! – затараторил он. – И ничего стыдного. Такое бывает, я читал, на позднем сроке часто отказывает мочевого пузыря.

– У меня отошли воды, – сказала она.

– Что?

Мириам закрыла руками лицо и завывала.

Сначала он бегал по лесу. Мобильник не ловил сеть ни на пригорке, ни под пригорком, ни на сосне, на которую он вскарабкался, как испуганный промахнувшимся охотником медведь, а потом долго не мог слезть – нога скользила и срывалась с коротких сучьев. Потом в доме искал кастрюлю, чтобы нагреть воды – так всегда говорили в старых фильмах, когда кто-то начинал рожать.

Мириам голосила.

– Дыши, главное, дыши! Пф! Пф! Пф! Пффф! – Ему было все равно, правильный это ритм или нет. – Пффф! Давай. Пф! Пф! Пф!

Телефон разрядился, и считать интервалы между схватками было невозможно. По крикам жены Джо предполагал, что они где-то в середине.

Когда головка младенца ввинтилась в лоно, Мириам на секунду затихла, переждала, скривившись, схватку, и сказала:

– Джо, Джо, я не хочу. Пожалуйста. Пусть этого не будет. Пусть это не случится.

Ее голос давно сел, и сейчас она сипела, отчего слова выходили особенно безумными.

– Пусть все остановится. Пусть прекратится. Прямо сейчас.

– Ничего, ничего. – Он держал ее за руку, дул на лоб. – Ничего, моя хорошая. Надо потерпеть. Боль пройдет.

– Нет. Боль не пройдет. Пожалуйста, – звучала она испуганной девочкой. – Я не хочу! Я не хочу! Не хочу, чтобы это происходило со мной. Помогите мне. Избавьте меня от этого! Пожалуйста. Джозеф!

Она плакала, захлебываясь слезами, умоляла, пока ее тело скручивали схватки одна за другой, но с первой потугой замолчала, замерла в неизбывном ужасе, как приговоренный к смертной казни чувствует обнажившейся шеей движение воздуха под лезвием гильотины.

Джо знал, что все пройдет. Он утешал себя этим восемь месяцев подряд. Не будет боли, не будет страха, не останется отчаяния. Уйдет запах мертвой земли, разложения и смерти, вернуться ароматы яблок и меда. Жена родит, схлынут гормоны, чувства к сыну вытеснят все, и голоса в ее голове тоже, ведь Господь милостив и Он есть Любовь.

Мальчик закричал сразу. Грязный, весь в какой-то белой смазке, недовольный, на вид он казался совершенно здоров. Джо завернул его в свою футболку и носил по комнате, пока сын не уснул. Измученная Мириам тоже спала.

Утром его разбудил звук подъезжающего к дому автомобиля. Сквозь щель в задернутых шторах Джо рассмотрел высокую желтую крышу. Скорая помощь. Ночью все было как в тумане, видимо, все же дозволился.

Он распахнул дверь. Со сна униформа парамедиков показалась ему странной.

– Здравствуйте, – негромко сказал старший из трех. – Вы позволите войти? Мы принесли подарки: золото, ладан и смирну.

Мириам страшно закричала.

АМНЕЗИЯ

ПОВЕСТЬ



ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

Родилась в 1989 году в городе Ярцево Смоленской области. С 2006 года живет в Москве. Выпускница магистратуры «Литературное мастерство» (2020), училась по обмену в Ca'Foscari University (Венеция). Один из авторов книги «Молодой Горький» по результатам

проекта студенческих экспедиций «Отрываем Россию заново». Ведет телеграм-канал о писательском опыте @Olyaistyping.

1.

Первое, что я помню, – это соленый вкус во рту и жжение на коже.

Я поднялась и ощупала себя: все было цело, только рука немного поцарапана. Я осмотрелась по сторонам: автобусная остановка в пятидесяти метрах, рассыпанный пакет с мусором под ногами. Почувствовала, как по коже щекоткой пробежала тревога: я не понимала, где нахожусь.

Легкие сжались, и я ухватила за одну-единственную мысль: люди помогут, надо искать людей. Впереди я увидела тропку вдоль парка и светящиеся окнами частные дома и двинулась туда.

На мне не было шапки, и скоро голова начала замерзать, на ногах были надеты мужские ботинки на пару размеров больше – быстро идти не получалось. Мобильного телефона со мной тоже не было. Я думала: надо найти людей, люди помогут. Я стала подходить к каждой двери и нажимать на звонок, я прошла несколько домов, но никто не ответил. За одной из калиток послышались шаги. Я подумала: теперь это мой самый любимый звук, звук надежды, звук человека. Первый встретившийся мне в жизни, моей новой жизни, человек был одет в униформу охранника с нашивкой *Аллигатор* на куртке. Он посмотрел на меня и спросил, что я ишу. Не знаю, на что я рассчитывала, но только там я поняла, что не

могу вспомнить, как меня зовут и где я живу. *Мне очень холодно*, выпалила я и опустила глаза, *помогите*. От присутствия взрослого человека рядом мне стало спокойнее, но нижняя челюсть заплесала. Голос изнутри калитки был недоволен:

- Что ты возишься с ней, закрывай, пусть шурует к своим хахалям!
- Да ей, по ходу, реально помощь нужна.
- Закрывай, слышал, что говорю?

Аллигатор закрыл дверь, но с любопытством глянул напоследок, и я поняла: надо ждать. Я не помню, сколько пробыла около железных ворот. Боль в ногах заставляла меня двигаться. Я ходила туда и обратно вдоль решетки, как зверь в зоопарке. Потом стало очень ярко и шумно, и по мигающим лампам синего цвета я поняла, что это милиция. Какие-то рефлекс в моих мышцах сработали, и я нырнула в кусты. Я хотела найти свой дом, но не с помощью мигалок. Удивительно, я помнила номера всех экстренных служб. Ноль один – милиция, ноль два – пожарная, ноль три – скорая, ноль четыре – газовая. Интересно, кто вообще звонит в газовую, хоть раз в жизни кому-то пригодился этот номер? А сколько еще такой ненужной информации хранит память. От резких движений я согрелась и рассмеялась в ответ своим мыслям. Мне больше не было страшно.

Голос внутри меня стал слышимым, он велел мне двигаться вперед и не оборачиваться. Дальше мы

Воспоминания множатся, сплетаются между собой, и уже одному богу известно, куда какая ниточка ведет и откуда выходит. И куда потом с кровати в собственной комнате, кушетки в больнице, автомобильного кресла, мраморной плитки, потрескавшегося асфальта, иными словами, со смертного одра, куда все это девается, кому достается?

с голосом шли, поднимая ноги через бурьян, отодвигая высокие заросли, как занавески. Когда мы перестали видеть боковым зрением огни полицейской машины, мы остановились и обернулись. Назад к Аллигатору идти не хотелось, вдали прямо под линией электропередач светились огоньки, а еще дальше свистнула электричка. Мы хлопнули ладонями друг о друга и двинулись вперед, приговаривая.

- Люди нам помогут.
- Люди всегда помогут людям.
- Пусть не все, пусть не все, но мы найдем своих людей.
- Мы найдем их.
- Люди помогут нам вспомнить.
- Помогут нам вспомнить.
- И мы попросим у них чай.
- Мы поиграем с их детьми.
- И мы вспомним, где наш дом.

После получаса ходьбы огни приблизились наполовину, а усталость навалилась камнями в карманы. Хотелось спать, и мы легли спать, облокотившись спиной на кирпичную мусорку. Мы пошарили

руками вокруг, нашли какую-то плотную тряпку и укрылись ей. Мы были в безопасности. Они пока не помогли нам, но помогут, а пока мы и сами себе можем помочь.

Проснулись мы от того, что кто-то тыкал палкой нам в живот. Мы стянули наше одеяло с головы и увидели перед собой мальчика-подростка в пуховике Adidas, шапке Nike и кроссовках Puma. Мы быстро оценили уровень угрозы и поняли, что в этой ситуации он минимальный.

– Привет.

– Помощь нужна? Ты чего тут, спала, что ли?

Мы кивнули и обернулись на наше спальное место. Одеялом оказался старый наматрасник, весь в желтых пятнах с прилипшим пухом. Джинсы по-прежнему выглядели неплохо, куртка тоже. Мы приободрились.

– Мы... Я, то есть, заблудилась.

– Пойдем, Мамка тебе поможет.

Мы шли и думали об услышанной где-то теории становления человека. В ней говорилось, что там, внутри нашей головы, есть и другие «я». *Я-ребенок* часто капризничает, *я-родитель* ругает за шалости, *я-взрослый* самый рассудительный из всех. Но есть и главный *Я* – он всех их объединяет и принимает решения. *Я* занервничала, а что, если я потеряла свое главное *Я*?

Но тут же услышала ответ на свой вопрос: *не волнуйся, ему вроде можно доверять.*

Мамкой оказалась грузная цыганка. Прямо вдоль путей на колком гравии тут и там на пятьсот метров вперед были растянуты пластиковые скатерти. Это был настоящий блошинный рынок.

– Садись, милая, скоро закончим тут и пойдем домой. Как тебя зовут, помнишь?

– Она, как и те, предыдущие, вообще не помнит ничего, – ответил за меня мальчик-подросток.

Такой ответ нас полностью устраивал. От вопросов болела голова, и мы опустили на складной стул. Откуда-то в нашей руке возник пирожок. Теплый, в ладони он напоминал маленького кролика. *С картошкой!* – протянул мальчик-подросток, присаживаясь рядом с другим пирожком в руке. Тесто заполнило наш рот, жевать его было приятно.

Пока заканчивался пирожок, мы успели установить некоторую системность блошиной географии. По центру лежало самое дорогое – часы, старые «Зениты», очки, детали от каких-то хрупких механизмов. Справа – медали и значки. Слева – альбомы с монетами и купюрами. Рядом на щепенке – книги в мягких обложках и коробка с фотографиями.

– За последний месяц вас таких уже двое прибудились, – выдохнула Мамка и стала собирать маленькие предметы в растянутую клетчатую сумку.

2.

В самый момент забытья люди как пенку снимают с молока – вспоминают о самых важных моментах своей жизни. Причем это совсем не обязательно такие события, как рождение ребенка, переезд в свою квартиру или замужество дочери. Часто ими становятся самые рядовые – долгожданная чашка кофе в придорожном кафе на трассе, улыбка незнакомки в метро, первый одуванчик после долгой зимы.

Воспоминания множатся, сплетаются между собой, и уже одному богу известно, куда какая ниточка ведет и откуда выходит. И куда потом с кровати в собственной комнате, кушетки в больнице, автомобильного кресла, мраморной плитки, потрепанного асфальта, иными словами, со смертного одра, куда все это девается, кому достается?

Эти мысли не давали покоя и Николаю Ивановичу Шишкину, российскому физику. В мае тысяча восьмисот девяносто первого года главный философский журнал опубликовал его статью. Это был смелый и совершенно оригинальный взгляд на психологию с позиции математика о том, что все мельчайшие движения нашей мысли, вплоть до ощущений, можно переложить в математические формулы и найти ответ на главный вопрос:

*Если математическая психология возможна, и если ее формулы и уравнения истинны, не выводит ли отсюда, что психические явления обладают такой же несомненной определенностью, какая наблюдается в явлениях астрономических? И что происходит с воспоминаниями человека, скажем, после смерти?**

Эти мысли не давали покоя и Алеше, листавшему пожелтевший, еле живой журнал «Вопросы философии и психологии» у дедушкиной кровати. Старомодный язык удивлял и даже смешил его, однако придавал прочитанному убедительность.

В октябре дедушке исполнилось восемьдесят девять. Последние четыре года он перестал вставать с кровати, но свою природную веселость сохранил. Семья понимала, что однажды дедушки не станет. И все,

мама и Алеша, скукожились в воображаемую раковину и старались занимать все меньше места в доме. Ужины становились скромнее, праздники тише.

Алеша считал дедушку самым лучшим своим другом, вечерами он подолгу сидел у его кровати и разговаривал с ним. Как-то дедушка пожаловался Алеше на свои ногти на ногах.

– Цепляются за все, – засмеялся он. – Как я потом пойду-то, после смерти.

Дедушка всю жизнь преподавал математические предметы в школе и про жизнь после смерти еще ни разу не заговаривал. Алеша приподнял одеяло и пришел в ужас. Дедушкины ногти были такими длинными, что стали закругляться на концах, как маленькие рожки.

– Ерунда, сейчас все исправим, – сказал Алеша и вылетел из комнаты.

Взял из ванной мамин педикюрный набор, полотенце, навел в таз теплой мыльной воды и разложил у кровати.

– Готов?

Дед смущенно опустил ноги в таз и зажмурился.

– Плохо быть старым, Алеша, не думал я, что до этого дойдет.

– Дед, ну перестань. – Алеша взял в руки дедушкину ногу и попытался кусачками обстричь ноготь на большом пальце.

Ноготь не поддавался, под челкой у Алеши выступил пот.

– Посиди еще, нужно хорошенько распарить.

Алеша дошел до шкафа в прихожей, вытащил коробку с инструментами и взял кусачки-плоскогубцы побольше.

Низе колен кожа на дедушкиных ногах была совсем сухая, и при малейшем шевелении с нее, как с березовой коры, отлетали бумажные чешуйки. Большой, указательный, средний, безымянный, мизинец. Один за другим Алеша брал дедушкины пальцы левой рукой, правой нажимал плоскогубцами на ноготь, тот издавал лопающийся звук и отлетал рядом на пол. Наконец со всем было покончено, Алеша вытер дедушкины ноги и переместил их в домашние тапки, а срезанные ногти свернул в газету.

– Прикурить? – Алеша поймал дедушкин взгляд.

– Если мама твоя не узнает.

Алеша достал из ящика письменного стола деревянную резную коробку с табаком и дал дедушке. Вспыхнула сера на спичке. Алеша открыл форточку и стал смотреть, как медленно втягивает в себя дым зеленоватое от труб электростанции небо. Дедушка тоже смотрел в окно и рассказывал, рассказывал, рассказывал. Алеша любил эти простые истории де-

* Здесь и далее Алеша читает реальную статью Н.И. Шишкина «О детерминизме в связи с математической психологией», журнал «Вопросы философии и психологии» 1891 года.

находилась на восьмом этаже и, засыпая, он представлял, что гремит взрыв и этажи складываются друг на друга, как игральные карты. Жизнь стала казаться Алеше совсем хрупкой, наступишь не туда – и все, до свидания.

В обед позвонил дядя с хорошими новостями.

Отделение, куда Алешу устроили дежурным, занималось пациентами с функциональными нарушениями памяти. Чаще всего эти нарушения были краткосрочными. Человек шел в магазин за сливочным маслом, а нейронная цепочка неожиданно схлопывалась у него в голове. В среднем на территории страны каждый год терялись более пятидесяти тысяч людей, прочитал Алеша в ознакомительной брошюре. Пятьдесят тысяч, произнес он, выстроил у себя в голове шеренгу людей в сто человек (больше не получалось) и стал мысленно подниматься все выше и выше над ними. Алеша сбился и устал. Выстроенные в его воображении пятьдесят тысяч людей растерянно смотрели себе под ноги и, выпущенные из Алешиного внимания, побрели в разные стороны. Со всех сторон был лес, и они медленно погружались в его лапник. Алеша поругал себя: мог бы продумать площадку и получше, без этих предательских зарослей вокруг.

Но была и хорошая новость: восемьдесят процентов находились, хотя точных цифр никто не вел. Раньше такими случаями не занималось специальное отделение, и их находилось куда меньше, чем сейчас.

Отделение находилось на Лосином острове. Ночью, кроме пациентов и охранника, в корпусе никого не оставалось. И Алеша полюбил эти вынужденные ночные дежурства, когда, после всех обходов, в три часа ночи он был предоставлен сам себе. Он читал, курил, свешиваясь из окна в черный лес, прислушивался, как в чаще поют выпи. Но лучше пусть они не поют, пациентам от этого становится совсем невмоготу, те просыпаются, подходят к окнам и вглядываются в чашобы своих собственных отражений.

Сегодняшняя смена закончилась в шесть утра, и, оказавшись за турникетом, Алеша поразился, что на улице светло, как днем. Вернее, какая же это улица! То была настоящая лесная просека с автобусной остановкой в пятнадцати минутах ходьбы. Алеша шел, осторожно ступая по асфальту, прислушивался. Он чувствовал себя гостем на этом острове и боялся случайно вторгнуться в тайный распорядок чьей-то жизни. В один из дней Алеша увидел лося из окна автобуса. Тот стоял совсем недалеко, метров пятьдесят от дороги, его фигура отбрасывала плотную тень на худенькие клены и орешник.

Алеша, выросший в спальном районе многоэтажек, и представить себе не мог, что где-то в его городе ходят настоящие лоси.

Дойдя до остановки, Алеша сел на деревянные брусья скамьи, когда-то покрашенные синей краской, вытащил сигарету из пачки, легонько постучал ей по колену, как делал его дедушка, и закурил. Тоненький дымок от сигареты тянулся в воздухе сначала робко, нащупывая дорогу, а потом смешивался с запахом леса и расплывался вокруг еле уловимой дымок. Автобус запаздывал, Алеша вытащил из рюкзака дедушкин журнал и продолжил читать:

Возьмем, наприм., отношение между образами и ихъ названіями. Если передъ нами какая-нибудь мѣстность, то словесное описаніе ея будетъ болѣе или менѣе предопредѣлено заранѣе; но если намъ дано лишь словесное описаніе этой мѣстности, то воспроизведеніе ея въ образахъ фантазіи допускаетъ безконечный произволь.

5.

Рано утром Мамка заверещала каким-то непохожим на нее голосом: *Встаем, пять утра, так все деньги проспите.*

У меня болела голова, но, допивая кружку жидкого чая, я поняла, что что-то изменилось. Другой уверенный голос покинул меня, и мне снова стало страшно.

– Девочка, ты что такая убитая сидишь, смотри, что я тебе нарисовал. – В руках Павлин держал картонку с черными буквами: ПОМОГИТЕ НЕМОЙ НА ПОМОЩЬ БОЛЬНОЙ МАТЕРИ.

– Что это?

– Ну для работы твоей, ты до Курского сегодня едешь и обратно.

– Паш, куда ты вечно лезешь! Подруга, у тебя сегодня важный день, попробуем собрать тебе денег. Тебе же нужны деньги? Хочешь вернуть память или уже нет?

– Хочу.

– Ну и делов-то! Малой все покажет.

В дверях показался Малой, но вместо приличной куртки и кроссовок на нем было потрепанное пальто и черные узконосые ботинки.

– Готова, Девочка?

– Нет. То есть да, но мне нечего обуть, – кивнула я на свои ботинки.

– Они как раз в тему.

По дороге к станции мы никого не встретили. *Идем коротким путем*, скомандовал Малой. Мы шли

по узкой асфальтированной дорожке сначала через какой-то неухоженный парк с почерневшим памятником (*Ленин*, отозвалось у меня), парк перетек в деревянный мост через заросшее болото и вывел к маленьким частным домикам. Некоторые из них показались мне знакомыми, но это чувство быстро исчезло. Потом мы прошли через здание музыкальной школы, так было написано белыми буквами на синей табличке, но никакой музыки оттуда не доносилось.

На платформе несколько людей ходили медленно вперед и назад, как часовые. Они делали это машинально, их головы были опущены. Когда подъехала электричка, все так же автоматически распределились на платформе и по команде железного голоса вошли в вагон.

– Так, заходим, не тупим. – Малой толкнул кулаком мне в бок.

Только оказавшись в тамбуре, я вспомнила, что даже не причесалась. Пассажиры с платформы уселись на свободные места у окон и уже через секунду поникли в своих телефонах.

Малой сунул мне в руки картонную табличку и похлопал по плечу.

– Стой, а что мне делать?

– Заходишь, становишься вот там у двери и держишь вот так мешок.

– Какой мешок?

– Да блин, вот этот. – Малой сунул мне в руку целлофановый пакет.

– А что говорить?

– Ты глухонемая! Написано же, читать не умеешь, что ли?

Малой прошел в вагон и сел на первое сиденье лицом к двери, закинув ногу на ногу. Он, очевидно, был доволен своей новообретенной властью. Я зашла следом, подняла перед собой табличку и замерла. Малой довольно кивнул.

На следующей остановке в вагон загрузилась еще горстка людей, потом еще. Через двадцать минут у меня так сильно разболелась голова, что пришлось ненадолго опуститься на корточки. Малой тут же шикнул. Я поднялась, но боль не утихала, и слезы потекли рекой. Я утирала их рукавом куртки, выходило не очень, и мои шмыганья скоро были на весь вагон.

На конечной люди поднялись со скамеек и выстроились к выходу. Проходя мимо, многие отворачивали лица. Тетенька в синей косынке со знакомыми глазами перекрестила меня, поскребла рукой в кармане и вложила в протянутый пакет горсть мелочи. Малой ободрился. Мужчина высказался куда-то в сторону: *работать не пробовала пойти, молодая*

вон какая. Я хотела провалиться, диалог в очереди продолжался. Какая-то женщина крикнула в ответ, *да как вы смеете, мужчина, вы же видите, она глухонемая, беда случилась, разве можно так*. В пакет тем временем сыпалась мелочь. Последним встал Малой.

– Выходим, приехали, – взял пакет с деньгами и положил себе в рюкзак.

На платформе Малой махнул высокому мужчине у палатки, на которой было написано ГОРЯЧАЯ КУКУРУЗА, и во время рукопожатия вложил что-то ему в руку. При виде горячего пара над лотком у меня в буквальном смысле чуть не потекла слюна изо рта. Малой торопился, мы перешли на соседнюю платформу и снова сели в электричку. Женский голос крикнул: *Курский вокзал, следующая остановка платформа Серп и Молот*.

– Это Курский вокзал?

Малой стукнул себя по лбу и заткнул уши грязными ниточками наушников.

Столбы затаивали, я смотрела на них и думала о кукурузе. Станция вокзала становилась все меньше и меньше, а потом и совсем пропала.

– Ну и че ты села? – повернулся ко мне Малой.

– Мы разве не домой?

– Вот твой пакет. Он все еще пустой, видишь?

6.

Алеша делал в отделении мелкую и нелюбимую всеми работу. Пациенты в большинстве своем были тихими и никогда не жаловались. Чаше всего он находил их в задумчивости, они как будто силились собрать растерянные по палате мысли. В перерыве между обходами Алеша нашел книгу на общей полке и стал читать.

Память – один из самых распространенных видов пластичности мозга, говорилось в аннотации. Всякий раз, когда человек узнает новое, в его мозгу происходят изменения. В восьмидесятые годы исследования памяти вызвали настоящий ажиотаж. Однако насколько далеко исследования продвинулись сейчас, однозначно сказать трудно. По-прежнему эта область считается недостаточно изученной.

Из-за волнообразной природы энергий воспоминания фиксируются неравномерно. И возвращаются тоже. С первого взгляда может показаться, что память – как лоскутное одеяло. Но это только поверхность, внутри одеяло прошито ровными стежками, за одну ниточку потянешь – и приведешь в действие сложную конструкцию.

Алеша продолжал скользить глазами по строчкам, но думал уже совершенно о другом.

За несколько лет до смерти дедушка рассказывал Алеше, что к старости он стал хуже видеть внешний мир предметов, но лучше внутренний.

– Вот представь, Алеша, – улыбался он, – иду я через парк домой. Ну ты помнишь ту тропинку, она узкая, но два человека точно смогут пройти. И навстречу люди идут. Я смотрю, совершенно обыкновенные люди поначалу. Но с одного глаза не спускаю, что-то в нем кажется мне странным. Шаг за шагом, и я все яснее вижу белую маску у него на лице. И черные глазницы.

Но вот мы поравнялись с ним: маски никакой нет, лицо как лицо, ничем не примечательное, ну бледноватое, может, чуть-чуть. Нельзя сказать, что мне показалось, но и нельзя сказать, что это доподлинно было. Окулист подтвердил потом, что у меня зрение за тот год резко упало. Всю жизнь единица почти, а тут раз – и минус появился. Все на дальноркость жалуются в моем-то возрасте, а у меня все наоборот.

И спрашивает еще: *ночью как видите?*

– Как понять ваш вопрос? – говорю.
– Ну попробуйте свет выключить резко в комнате и засеките, как быстро глаза адаптируются и начнут видеть. Если через тридцать секунд предметы не проявятся, то масло криля рекомендую пропить. Куриная слепота, значит, у вас.
– Вот что это такое, масло криля ваше? Без него я вижу смерть в темноте, позвольте оставить при себе, – говорю.

В комнату вошел Васильич, самый взрослый санитар их отделения, и увидел склоненного над книгой Алешу.

– Что взгрустнул? Пойдем покурим!

7.

Мы сделали пять или шесть кругов на электричке, и, кажется, я скоро поверю в свою немоту и большую мать. А что если моя мама и правда болеет чем-то? А если нет, что если она тоже поедет на этой электричке и узнает меня.

Мы вернулись домой тем же маршрутом: через музыкальную школу, пруд и заброшенного Ленина. Фонарей почти не было, но дорога уже была мне хорошо известна, ноги сами переступали лужи, лицо отворачивалось от веток. Вечерняя немота была комфортная, мягкая, она не задавала мне неудобных вопросов. В отличие от Малого:

– Че молчишь, игра закончилась. На сегодня.
– Ага.
– Обиделась, что ли?

– Я?

– У тебя парень-то был? До всего этого.

– Нет, наверное, не помню.

– Понятно. Скоро узнаем.

Мне не понравилось лицо Малого, мне вообще перестало все нравиться в этой компании. Глупо было полагаться на первого встречного. Или не глупо, я хотела есть и не хотела об этом думать.

Мы подошли к дому. Во всех окнах горел свет, это меня немного успокоило. Свет в окнах имеет удивительное свойство. Почему-то кажется, что если в доме горит свет, значит, там безопасно и тепло. Свет притягивает, свет приручает.

Малой открыл входную дверь, донеслась музыка. Пахло чем-то жареным. Мои ноги запутались в пакетах с банками пива, которые лежали прямо на обуви. Тут же к двери подкатился Павлин на коляске:

– А вот и они!

Малой плюхнулся на корточки и вытащил банку из пакета. Под его пальцами она зашипела, и светло-коричневая муть брызнула прямо на ковер.

– Будешь? – боднула меня коляска.

– Я не пью.

– Это так все сначала. Ты попробуй.

Я в надежде обвела комнату глазами, но не нашла никаких следов Мамки.

– Можно я лягу спать?

– Ты че, подруга, сегодня твой успех отмечаем.

Павлин пива даже купил на всех.

– Но...

– Обидеть хочешь?

Павлин стал ездить вокруг меня кругами на своей коляске. Для человека с плохим зрением он довольно неплохо входил в повороты. В один из своих заездов он схватил меня за руку. Я вскрикнула.

– Не отказывай инвалиду, это нехорошо.

На улице хлопнула калитка, и через секунду в дом ввалилась Мамка. Своим совиным взглядом она окинула комнату.

– Вы тут что устроили. Завтра выходной у вас, что ли, я не поняла?

– Девочка угощает. Мы хотели отметить, – отшатнулся от меня Малой.

Мамка ушла в ванную, мы по-звериному переглянулись, послышался звук сливаемой воды.

– Я что-то непонятное сказала, да? – Мамка снова появилась в комнате.

Она хлопнула рукой по выключателю и тяжелыми шагами прошла к железной кровати в дальнем углу. Я заползла на свой матрас и подоткнула одеяло под себя со всех сторон. Где-то через час, когда шепот и смех Малого с Павлином стих, я уснула.

8.

– Не люблю я этот Лосинный остров, – сплюнул Васильич, – как представлю, что там болота булькают, дурно становится, – и махнул рукой куда-то за забор, вглубь парка.

Курилка была главным источником если не новостей, то сплетен. Еще в университете Алеша понял, что самые важные вещи решаются на перекуре: какие вопросы будут на экзамене, как готовить шпаргалки, с кем встречается самая красивая девушка с младшего потока. Все самые интересные и бойкие ребята курили. Алеша хотел походить на них и тоже курил.

Здесь, в больнице, курили самые чудаковатые. Васильич, всю жизнь проработавший санитаром, Люба, уборщица с нервным тиком на правой стороне лица, и самый хозяйственный человек в больнице – молдаванин Михаил.

- Тут и сам Грозный охотился, – Васильич закурил вторую, – на медведей. Их к болоту загоняли собаками, тогда-то Иван с рогатиной и появлялся.
- А я слышала, что Грозный больше любил, когда провинившегося в медвежью шкуру зашивали и собак спускали, – сказала куда-то в сторону леса Люба.
- Не, по факту Грозный больше любил соколиную охоту.
- А это как?

От Алешиного вопроса Васильич откинул пальцем окурок как что-то ему надоевшее и уперся кулаками себе в бока.

- Ну молодежь! Так это когда охотник отпускает сокола, сокол ловит утку, тетерева, ворону или зайца. Но чтобы сокол не замучил свою жертву до смерти, лучше торопиться. Все свеженькое любят.
- Получается, охотник крадет у сокола, в этом смысл?
- Ты что, Лех, перевираешь, это древний царский обычай, – вступился Михаил, – для высокообразованных людей.
- И прогрессивных. У него даже свой астролог был, и не один, – подытожила Люба.
- Астролог?
- У меня бабка в пятом колене натальную карту ему рисовала.
- Так, покурили, пора и честь знать, – подытожил хлопком ладоней Васильич, чувствуя, что разговор зашел в опасный тупик.
- Не верите, у моей сестры спросите, в сорок пятой лежит, Виолеттой зовут.
- Ну, я пойду, пора. – Алеша пожал мужчинам руки. Рука Васильича была горячая, а от Михаила пахло краской.

До метро Алеша пошел пешком, через Бумажную аллею. Ровная полоска асфальта вела его через лес как по выжженному эпидемией городу. Местами на асфальте он замечал трещины, к которым сползались гусеницы и улитки. Воспоминания о дедушке приходили к Алеше сами собой, как будто кто-то нажимал на кнопку старого проигрывателя. При жизни деда ему было как-то неудобно лишний раз сфотографировать. Остались только черно-белые снимки со времен дедовой молодости, старые философские журналы и кулек с ногтями. Алеша наткнулся на него случайно, когда убирался дома, он уже и не помнил, зачем сунул их в нижний шкаф комода, к старым ботинкам. Он вытащил этот кулек: деда уже нет, а ногти его – вот они.

В детстве Алеша собирал свои молочные зубы в пластиковое яйцо от киндер-сюрприза. От кого-то во дворе он услышал про зубную фею и каждый раз надеялся увидеть ее хотя бы во сне, без подарков. Но, в отличие от ребят во дворе, фея к нему так и не пришла.

Алеше было десять, папа вернулся с работы в каком-то непривычном возбуждении. Его щеки горели, усы были мокрыми от снега. В руках он держал желтую пачку «Несквика». У Алеши перехватило дыхание, рекламу «Несквика» он знал наизусть. Желтый пластик пачки был прохладным, Алеша понесся на кухню, откинул дверцу холодильника и стал искать молоко.

На кухню зашел папа и развалился на стуле. Его песцовая шапка, как провинившаяся дворняжка, свернулась у него на коленях.

– Мы с мамой разводимся, расходимся.

Алеша оторвал глаза от внутренностей холодильника и уставился на отца. Тут же он учуял кислый запах алкоголя и опустил глаза.

Через пару лет мама нашла нераспечатанную коробку «Несквика» в верхнем кухонном шкафу.

– Откуда у нас может быть «Несквик», если Алеша терпеть его не может. – Срок годности давно истек, мама покрутила коробку в руках и отправила в мусорку.

На асфальт перед Алешей отбросила тень мощная птица. Сокол, подумалось ему. Он на всякий случай огляделся и прибавил ходу.

9.

На следующее утро я проснулась раньше всех и почувствовала, что голос вернулся. За окнами только начало светлеть, я привстала с матраса, который был расстелен на полу, как и другие матра-

сы. На кровати спала только Мамка. В темном углу комнаты она походила на паука. Я присмотрелась: пару прыжков – и я у ее изголовья.

- Но и что ты сделаешь? – услышала я свой второй голос.
- Ничего и не собиралась, просто смотрю.
- Хорошо, давай смотреть.

Полчаса мы провели в наблюдении за происходящим, потом скрипнула Мамкина кровать, а за ней и ее голос: *вставайте, всю жизнь так проспите.*

Я положила в чай две ложки сахара и накрыла хлеб с сыром вторым куском хлеба. Я сжевала все быстрее всех, умыла лицо, положила на указательный палец немного пасты и потеряла им зубы. Я была готова.

На этот раз на станции было гораздо больше людей, и я не стала просто стоять у двери. Я медленно двинулась между рядами пассажиров и заглядывала каждому в лицо. Люди заглядывались в картонную табличку, копошились в своих карманах и протягивали мелочь. Я вернулась к исходной точке и позвела пакетом перед лицом Малого.

- Быстро учишься, может, в другой вагон?

Мы кивнули.

- Тогда туда и обратно.

Мы вышли в тамбур. Там мы отдышались и зашли в следующий вагон. Люди с удивлением разглядывали нас, смотрели на руки и на наши нелепые ботинки. Иногда протягивали деньги. Теперь мы меньше старались, потому что в вагоне не было Малого. Мы прошли один вагон, потом другой, пакет тяжелеет, станции мелькали мимо одна за другой. В очередном тамбуре мы заглянули в пакет и прикинули, что мы хотим купить себе в первую очередь на эти деньги, но потом вспомнили о Мамке и разозлились.

Следующий вагон был последним, мы зашли в него и столкнулись глазами с мужчиной в камуфляжных штанах и с аккордеоном. Это был такой огромный и совершенно прекрасный аккордеон, нам казалось, прекраснее мы не видели ничего в этой жизни. С аккордеона мы перевели глаза на лицо мужчины и испугались: он скалился и взглядом показывал нам на выход. Мы попятнулись и стали двигаться обратно к двери тамбура.

Замерев за ней, мы смотрели через стекла двери на камуфляжного мужчину, он улыбнулся пассажирам и произнес отточенным голосом в маленький микрофон, торчащий у него из-за головы:

- В честь приближающегося Дня Победы я посвящаю всем нам эту песню.

И запел: *господа офицеры, по натянутым нервам я аккордами веру эту песню пою.*

Наши нервы и правда натянулись, голос из громкоговорителя объявил следующую станцию, и мы шагнули из вагона. Мы понимали, что это точно не понравится Малому, поэтому поскорее спрыгнули с платформы и быстро, как могли, двинулись к виднеющемуся парку. Электричка тронулась и унесла с собой камуфляжного мужчину, табличку и Малого. *Так куда ж вы уходите, может, прямо на небо, и откуда-то сверху прощаете нас* – отражалось от рельсов.

То, что мы приняли за парк, оказалось кладбищем. Но мы не испугались, глупо вообще бояться кладбищ, решили мы между собой. Мы прошлись по центральной аллее, глядя в лица тех, кого нет. Фотографии были приятные, лица на них гораздо добрее, чем лица людей в вагоне, но денег, конечно, у этих добрых людей уже не попросишь. Некоторые могилки были сжаты узкими оградками, что еле-еле вмещался столик. Другие были посолондней, их памятники выглядели монументально, некоторые, в основном мужчины, были изображены в полный рост. В опрятных костюмах, с тростью в руке и перстнях на толстых пальцах. Некоторые оградки переходили в навес, и мы могли бы пару дней пожить в таком великолепии.

Влево кладбище уходило куда-то вдаль к оврагу. На мгновение нам показалось, что там между деревьями идет девочка, юная девочка с мягкими волосами, и держит в руке поводок со своей простой и такой же маленькой и хорошенькой, как она сама, собачкой. Мы негромко окликнули ее, но уже через пару метров потеряли девочку из вида.

На выходе из кладбища притормозила белая маршрутка с табличкой ДО МОСКВЫ. Мы решили: это то, что нужно, и сели на задний ряд.

- Платить будете, девушка?
- Буду, сколько?
- Сорок пять. – Мы вытрясли мешок мелочи на соседнее сиденье и отсчитали сорок пять рублей.
- Это что? Милостыню, что ли, просила по электричкам?
- Извините, крупнее нет.

Маршрутка затряслась и дернулась. Из окна нам было видно кладбище. Туманно-серые столбики и кривоугольные оградки двигались все быстрее. Но уже нигде не было девочки с собачкой.

Мы ехали в маршрутке и думали о том, что нам нужен город. Наш город. Мы представляли себе стены города: то в очень древних древнерусских вариациях, то стеклянными пирамидами и, наконец, стенами Колизея. Мы знали, что стоит нам попасть в верхнее кольцо этого города – все образуется и,

возможно, вернется память. Хотели бы мы этого? И да, и нет.

На одной из остановок в маршрутку подседа женщина с ребенком. Ребенок плюхнулся на сиденье у окна, по-кошачьи положил под себя одну ногу. Маршрутка резко остановилась на светофоре, пропуская стайку школьников. И тут я снова почувствовала страх: голос замер. Ко мне вернулись мысли о моей матери. И стало очень горько и солено от них на душе. Перед глазами бумажными корабликами поплыли и Павлин, и Малой, и Мамка, и Аллигатор. И благодарность к ним, и стыд за них. Маршрутка снова тронулась, мысли вошли в ровный ритм, а потом совсем исчезли. Впереди показались всклокоченные перья Москвы.

Москва, какая же ты красивая. Каждый год на твоих магистралях пропадают люди и животные. Москва, ты как колючая проволока. Кому-то удается тебя преодолеть, кто-то навсегда застревает в твоей паутине и оканчивает свою жизнь прямо там, на разделительной полосе.

Курский знал меня, Курский ждал меня. Он приветствовал меня солнцем, отражающимся от его железных заборов. Он смотрел на меня знакомыми глазами с объявления на столбе. Глаза остановили меня: это были мои глаза.

Лилит, двадцать один год, темно-русые волосы по плечи. Ушла из дома в дутом коричневом пуховике и синих джинсах. Отличительная примета: на ней были черные мужские ботинки сорок первого размера. Кто что-либо знает о нахождении девушки, просьба сообщить по телефону.

Я не могла пошевелиться. Люди огибали меня потоками и, объединившись вновь, затекали в бурную заводь метрополитена. Я спросила у голоса, *что мы будем делать*. Но голос молчал, он сделал свое дело и отдыхал, свернувшись в тени моего отражения.

И тогда я побежала к милиционеру и нашла слова, чтобы все ему рассказать.

10.

Тот, кто знаком с высшей геометрией, знает, что сомнение в упомянутой теореме о равенстве сумм углов треугольника двум прямым ведет к сомнению в бесконечности пространства.

Алеша поднял глаза от журнала и встал, чтобы немного размяться. Лампочка на старенькой кофемашине мигала красным. Алеша проверил зерна, долил воды, опустошил контейнер с кофейным жмыхом и нажал на кнопку *Americano*. Кофемашина задергалась

и принялась громко молотить зерна. Станный этот Шишкин, продолжил осмыслять только что прочитанное Алеша, он вроде сам физик, а допускает, что любая теорема может иметь альтернативный исход событий. Мозг тратит колоссальную энергию, чтобы запомнить, запечатать на подкорке любой пустяк. А потом, чтобы воспроизвести, тоже требуется энергия. Но если человек умирает, то энергия, затраченная на воспоминания, никуда просто так себе пропасть не может, на то и закон сохранения энергии есть. Она переходит из одного состояния в другое. Это любой пятиклассник знает. И раз так, куда же она девается?

В приемной послышались голоса. Алеша так и тронул свой кофе, надел белый халат и выскочил в дверь. Женщина, пятьдесят лет, в узких кожаных перчатках, когда-то белых. Когда ее нашли в полукилометре от проезжей части, перчатки уже вобрали в себя цвет веток, за которые женщина цеплялась, пытаясь найти дорогу. С ней еще оставался один кусок шарлотки, она испекла пирог к чаю сыну и невестке, но долго копалась в кухонных ящиках, хотела, чтобы пирог был теплым, нужна была фольга, а та, как назло, куда-то запропастилась. Из-за поисков фольги женщина и пропустила свой автобус и решила пойти пешком до следующей остановки, ведь, если она будет стоять, пирог точно остынет. Потом вспомнила короткий путь и свернула, но ошиблась и зашла в самую чашу.

В первый вечер она спала сидя, положив под себя ельник, укрывая собой шарлотку. Утром у женщины разыгрался аппетит, она отбросила с пирога фольгу, посмотрела на него, как на предателя, и жадно отломала первый кусок.

Женщину нашли на третий день под тем же деревом. Оставшаяся белизна перчаток помогла быстро обнаружить ее среди желто-елового леса, она спала, заслонив собой последний кусок шарлотки.

В отделении женщине дали чай, она разом выпила стакан, не снимая перчаток, и стала рассказывать, как будто продолжая секунду назад прерванный разговор с невидимым собеседником.

В Мадриде мы попали на праздник всех святых или что-то такое. На улице был карнавал, все женщины были в красных платьях, глаза мужчин блестя желанием. На мне тоже было платье, белое. Я хотела уговорить подругу пойти танцевать со мной, она хорошая подруга, но предпочитала всегда находиться в тылу.

— Я сумку посторожу.

В тот же миг подошел испанец, опустил на одно колено и жестом пригласил меня на танец. Я всегда думала, что испанцы высокие, но он был немногим

толкнула стакан с тумбочки, стакан упал на пол, но не разбился.

Санитар вздрогнул. Я легла на кровать и отвернулась к стене. Я хотела, чтобы он ушел. Но он продолжал стоять у двери и что-то говорил. Он говорил и говорил, его губы без остановки шевелились.

В дверь постучал кто-то еще, и наконец оба исчезли. Я легла на пол, чтобы все вокруг перестало кружиться.

12.

По вечерам пациенты собирались в комнате отдыха на первом этаже. Воскресенья все ждали больше обычного. В этот день не было никаких процедур, а по телевизору показывали передачу о том, как потерявшие друг друга люди снова находились. Передача называлась *Жди меня*.

Ведущий в строгом костюме и с грустными глазами начинал программу так: *Им было суждено найти друг друга, никакие козлы судьбы не смогли им помешать.*

Или так: *помните, как у Льва Николаевича, все счастливые семьи похожи друг на друга, и каждая несчастная семья несчастлива по-своему.*

А иногда так: *когда он ехал на встречу с друзьями, он не подозревал, что приготовила ему судьба.*

В девять начиналась программа новостей, состав зрителей менялся.

В десять Алеша выключал телевизор и следил, чтобы пациенты не заблудились в коридорах и вернулись по своим палатам.

После ночных смен на Алешу навалилась бессонница. Истории пациентов сплетались с его жизнью и превращались в какой-то каламбур. Он на секунду представил, а что если бы его отец случайно поскользнулся на плитке в очереди за молоком и потерял память. Алеша бы взял все на себя, он бы принес в палату их с мамой совместные фотографии, развесил бы их повсюду, сел бы рядом и все рассказал:

— Это вы на отдыхе в Ялте, смотри, на тебе та футболка с зеброй, мама всегда смеялась над этой футболкой, говорила, что в ней ты так похож на Адриано Челентано. А тут, смотри, я в костюме черта на утреннике в детском саду. Ты нарисовал мне усы синим фломастером и склеил рога из толстой фольги. Приходи скорей в себя, пап, мы же дачу купили в области, тоже не помнишь? Нет? Я даже тебе завидую, сейчас все расскажу. Поселок называется Клеверная Дымка. Какое удивительное название, правда? Там мы пойдем на

рыбалку. Ты вытащишь из банки самого жирного червяка и насадишь его на крючок. Тельце червяка задергается. Ему не больно, скажешь ты мне, червяки ничего не чувствуют, они бессмертны. Я не стану с тобой спорить.

— Я ушла, — донеслось из прихожей.

Алеша вздрогнул, утро стало уплывать от него все дальше, и там, под потолком, хлопнуло и окончательно растаяло.

— Ок, мам, — пробурчал Алеша, не до конца понимая смысла ее слов.

В больницу Алешу вызвали раньше обычного: привезли сразу несколько пациентов. После осмотра их поместили в палаты, Алеша должен был заранее их подготовить, а после зайти к каждому с ужином. Обычно в день поступления пациенты почти не разговаривали и отказывались от еды. Первым пациентом был восьмидесятилетний дедушка, он заблудился недалеко в Лосиноостровском, свернул куда-то с Яузской аллеи и угодил прямо к болотам, услышал, как кто-то зовет его по имени. С помощью местных служб на второй день его уже нашли, он был спокоен и всю обратную дорогу говорил, что *не понимает, куда его везут, если он уже пришел, куда хотел.*

Второй пациенткой оказалась молодая девушка с подозрением на диссоциативную амнезию. Она вообще ничего не помнила, даже своего имени. Как оказалось, наука не давала однозначного ответа, почему такое случалось, но к таким пациентам память возвращалась не сразу и не ко всем. И такие пациенты попадались все чаще, в камерке шутили, что болезнь времени такая. Системный сбой.

Алеша стукнул три предупредительных и вкатил тележку в палату. Запах еды напоминал ему детский сад с ненавистными рыбными котлетами. Он поставил поднос на тумбочку и замер. Перед ним была Лилит.

Они учились вместе до девятого класса, их дни рождения были в один день с разницей в несколько месяцев. Потом ее семья переехала куда-то в Подмосковье, одноклассники говорили, что из-за важной работы отца. Он звонил на ее новый номер, там ему ответили, что он ошибся. Потом был другой номер, но тоже тишина. Когда появились социальные сети, Алеша каждый день пытался найти какой-то след Лилит, просматривал профили своих одноклассников, но ее нигде не было.

Лилит ела быстро, Алеша даже забеспокоился, что она подавится. Она не узнала его. Мало того, было понятно: она хочет, чтобы он ушел. Черты ее лица были все те же, но привычная мимика куда-то

Рассказы молодых писателей одного поколения часто странным образом похожи – они перекликаются тематически, стилистически, заселены героями, которые словно выросли на одной улице. Как будто для литературных ровесников действительно существует некая общая оптика, одно окно, через которое они и смотрят на этот мир, смотрят по-разному, но под одним и тем же углом.

Денис Банников – автор особый. Несмотря на молодость, он живет совсем за другим окном, причудливым, витражным, и тексты его невозможно уложить ни в какие литературные или поколенческие схемы. Многие писатели идут к этому одиночеству годами – и не приходят никогда. А Денис Банников как будто родился свободным.

«Кожа, без которой можно обойтись» – рассказ удивительно взрослый и удивительно сложный. Неприятный главный герой, он же – властный, даже назойливый рассказчик, буквально заставляющий читателя делать и видеть то, что угодно ему, подчеркнутая многослойность текста, предельная (почти до выпадения кристаллов) стилистическая насыщенность – на каждом этапе легко проваливаются даже маститые авторы, а Денис Банников справляется играючи, даже весело, нигде не опускаясь до поддавок. Даже разгадывание литературных загадок (а их в рассказе немало) становится не увлекательным приключением, а, скорее, инициацией. Несмотря на то что рассказчик всегда с легкой издевкой сообщает нам в скобках, что перед нами цитата, большая их часть не гуглится – и ты либо знаешь то, о чем говорит герой, и проходишь на следующий уровень, либо так и скользишь по темной поверхности текста, способный увидеть

сквозь полупрозрачную толщу все новые и новые слои, но не способный к ним прорваться. Немногие читатели любят такие игры, немногие писатели осмеливаются их предлагать.

А вот Денис Банников – осмеливается. Он вообще удивительным образом ничего не боится – непохожести на других, физиологических подробностей, усложненной структуры, обилия деталей (его герой наделен почти нечеловеческой наблюдательностью) – и поразительным образом все это делает нас словно соучастниками, соавторами текста.

И в этой редкой для молодого автора свободе, как мне кажется, и есть главное достоинство рассказа.

Марина Степнова

КОЖА, БЕЗ КОТОРОЙ МОЖНО ОБОЙТИСЬ



ДЕНИС БАННИКОВ
Писатель и сценарист.
Первое высшее — юридическое. Выпускник магистерской программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Победитель конкурсов эссе в рамках проекта «Студенческий Бунер — 2017». Член большого жюри премии «Национальный бестселлер»

сезона-2019. Преподаватель НИУ ВШЭ и Creative Writing School. Публиковался в журналах «Прочтение» и «Незнание». Родился и живет в Москве.

*When you're ripe
you'll bleed out of control.*

Взгляните на дверь.

Нет, не на эту, эта в ванную.

На ту, что левее.

На входную.

Гладкое полотно, сутулая ручка. Видите зазор между нижней гранью и полом? Слышите шаги? Вот полоска света тускнеет, уступает место черноте... нет, не так... все не так... Прошу прощения, я могу лучше.

Давайте отмотаем.

Надо с начала, с захлестом.

Представьте, над моей головой — табло, на табло — цифры, а моргнешь — буквы; складывается, как из счетных палочек, расписание поездов, и тут же вписано в черные прямоугольники, нависающие по обе стороны перрона. Чуть раньше состав дал по тормозам, на меня свалилась чья-то сумка. Кажется, был звук бьющегося стекла, а может, я его додумал, чтобы теперь драматизировать, но совершенно точно за моей спиной ахнули — лицо у него было такое, будто очнулся во время колоноскопии.

Я попросил прощения, вышел. Складывалось, как из счетных палочек, расписание, но за меня все давно посчитано.

И вот представьте, как я шагаю вдоль этой навязчиво белой полосы, отделяющей меня от железнодоро-

рожных путей, кругом стрекот колесиков, бубнеж, впереди с ноги на ногу переваливается туша — сумка через плечо, рубашка пристала к телу, пятна пота меж лопаток срослись в грустную рожицу. Надо было обгонять, иначе я бы опоздал. Ускоряясь, я глядел себе под ноги, и только обогнув нос поезда, заметил, что у края платформы столпились люди. Какая-то суета — тарашились вниз, переглядывались, один достал телефон, другой зачерпывал воздух рукой, подзывал народ.

Едва я замешкался, металлический голос привел меня в чувство.

На девятый путь.

Поезд прибывал, я отбывал.

Взвела рамка, кого-то отправили на досмотр.

Я подзатянул ремень из натуральной кожи, я поправил вельветовые брюки, натиравшие в промежности (я не хвастаюсь, я констатирую). Представьте, как у меня сопливит нос, как я пересекаю вестибюль. Вишнево-слоеное под целлофановым покрытием, хачапури, сосиска в тесте. Кто-то просыпал сдачу, тихо выругался — нет, — выругалась. С прилавков на меня кричали новостные заголовки, русским по белому все самое актуальное. Уныло, как в пещере (это цитата). Мимолетно — свистящее причмокивание, с которым губы отрываются от щеки после долгого поцелуя. Вздвухившие вены на руках, тяжелый багаж на ленте. Не у меня, у меня

только рюкзак – приросший к спине горб, – туго затянутая лямка давила на плечо, на то место, где вскочил прыщ. Но я главное своего горба (это цитата). Я решаю, что внутри. Кое-какие бумаги внутри, ноутбук внутри, зарядка (для ноутбука, для телефона), книга, щетка для обуви, ластик для обуви, колодки для обуви, очечник из натуральной кожи, бархатная тряпочка, записная книжка с закладкой ляссе, гелевые ручки, хлопчатобумажные брюки, чтобы ходить в номере. Я тут надолго не задержусь.

Пятая за месяц командировка, чтобы вы понимали.

Бежевое пятно вокзала осталось позади. На самом деле, в полуденном свете скорее бирюзовое – тусклый аквамарин, как когда-то.

После красного сразу зеленый.

И вот представьте, как у входа в метро измываются над классикой рока – умышленно, под гитару и бубен, отплясывая на хрипящем усилителе, выкидывая слова из песни, чтобы поблагодарить прохожего за брошенную в чехол для гитары монету. Я остановился, достал телефон. Хотя защитная пленка бликовала, я ловко вбил нужный адрес, я прищурился, я огляделся. Мне прямо и до упора. Крошево лиц и затылков, волна о волнорез. Мимо пронеслась машина скорой помощи. Вывески зазывали на ланч, предлагали купить телефон, продиагностировать телефон, починить телефон. Красная звезда обещала военный антиквариат по выгодной цене. В руки сунули флаерс. Я прошел чуть дальше, выкинул. Я задержал дыхание, проходя мимо мусорки, мимо стучавшего по жестяной кружке бомжа.

Черная дверь, какие-то объявления на доске.

Оно? Оно.

Домофон потянул жалобную ноту.

Ну и?

Гудок.

Ступеньки.

Ступеньки, ступеньки.

Второй этаж.

За стойкой сидела девушка. Представьте, что ее светлые волосы собраны в пучок, напоминающий хвостик манты, под арочками бровей — винтовая оправа, в стеклах отражается экран монитора, представьте, как она поднимает свое треугольное лицо – отражаясь я, мое лицо, мои очки. Конечно, бронировал, что это за вопрос? Я полез за распечаткой брони, но распечатка оказалась не нужна, тогда я полез за паспортом, раскрыл его на развороте с фотографией, почти вложил в раскрытую ладонь, но на полпути случилась неувязка – ее не-

обязательно длинный, как бы выпуклый и вдобавок загнутый ноготь полоснул по обложке, подцепил полупрозрачный кармашек и скovyрнул шов, так что на стойку повалились внутренности. Бумажки, квитки, стикеры, вот и черные на зеленом цифры отражались в ее стеклах, отражался номер моего социального страхования. Кровь тут же прилила к ушам, к самым хрящам, будто бы набухшим и распухшим, наверняка раскрасневшимся. Я попросил прощения, и я продолжал извиняться, пока судорожно подбирал бумажки, пока запикивал их обратно, только вот обложка распоролась, так что я просто сунул все в брюки.

И вот представьте, как девушка за стойкой смотрит на мое фото в паспорте, смотрит на меня, как она задерживает взгляд, будто включает детектор лжи какой-то. Она даже придвинулась, приспустила очки, я снял свои, я поправил прическу. Еще мгновение – и пауза стала бы совсем неловкой, я был бы вынужден проткнуть тишину какой-нибудь колкостью, остротой, но тут раздался гудок. Девушка посмотрела на боковой монитор, который заполнило женское лицо. Картинка была выведена в паршивом черно-белом качестве – с рябью и помехами, – так что улица за женщиной выглядела каким-то картонным задником. Женщина настойчиво звонила, но девушка за стойкой только покачала головой и вернулась к моему паспорту. Спустя мгновение грань монитора съела лицо. Женщина ушла.

Девушка за стойкой еще раз глянула в паспорт, на меня, после чего кивнула, будто согласилась с каким-то доводом, в котором поначалу сомневалась. Ее пальцы забегали по клавиатуре, но как-то медленно, до обидного неумело, и вот представьте, как звучит эта невнятная дробь, как временами раздастся щелчок, звонкий щелчок, пружинистый, как точка – нет, – восклицательный знак в конце сложносочиненного – нет, – сложноподчиненного предложения. Так звучала певучая клавиша пробела, моя любимая, которая неизменно отделяла одно от другого, но и соединяла, как перекинутое через реку бревно. По экрану ездили красные и синие плитки, какой-то тетрис, еще и мелкий шрифт, который было не разобрать. И вот представьте, как девушка складывает тетрис, глядя в экран, задает мне разные вопросы, но представьте, что говорит она не со мной, а как бы по поводу меня, будто под боком – нет, – за ее спиной стоит собеседник, который то и дело поддакивает. Девушка задавала вопросы, недовольно цокала, когда я медлил, раздувала ноздри, когда я сверялся с заметками в телефоне, – создавалось ощущение, что я не в гости-

Представьте
фаршированные людьми
тоннели, представьте,
что я – тоже из начинки,
я смотрю на свое
отражение в изгвазданном
стекле, поверх моего
лица – надпись,
и здесь можно даже
процитировать:
НЕ ПРИКАСАТЬСЯ

ницу пришел, а к ней домой, и не просто пришел, а заявился без приглашения. Ну и я, конечно, хотел сказать, что если она будет расторопнее барабанить по клавиатуре, то и я быстрее сгину с ее глаз, но я промолчал, задержал дыхание.

Выдохнул.

Пока она вбивала данные, я огляделся.

На стене висели сертификаты – как попало, ни намека на композицию, – бумажки под стеклом, сколько-то там звезд (но уж точно не пять). Представьте, как под ногами примято что-то ворсистое, как оно стелется от порога до арочного проема – то ли ковровин, то ли ковровая плитка, как подбитая шерстка какой-нибудь зверушки. В арочном проеме виднелись столы и ножки стульев, доносился закадровый смех. У этого же проема – холодильник, рядом с которым стояла старушка. И вот представьте, как она стоит возле открытой дверцы, упакованная в халат мышиного цвета, в мешковатый халат с малиновой клеткой. В одной руке старушка держала кулек, в другой – маркер, которым что-то выводила поверх фольги.

Раздался звук, с которым собирают слюну. Принтер выплюнул лист бумаги. Я взял торчавшую из держателя ручку, натянул пружину и поставил подпись поверх скрюченной галочки (можно подумать, сам бы я не разобрался). Вот представьте, как девушка спрашивает, нужна ли мне квитанция для работодателя, кассовый чек, а про себя я думаю, что если она не поторопится, то мне понадобится не только чек, но и работодатель.

Номер пока не готов.

Стирать в первой половине дня, свою еду подписывать.

И вот представьте, как я разглядываю ключ-карту – кусок серого пластика, пошлые стразы, по центру – клякса, – видимо, задумывалась снежинка, но выглядело так, будто раздавили медузу. Серебром по серебру – стилизованный шрифт, и здесь можно даже процитировать:

*Руна путешествий, справедливости и порядка.
Пусть руна хранит вас в пути!*

Я убрал карту в карман брюк.

Вот представьте, как я называю девушке адрес и прошу сориентировать, как она нехотя достает карту города, разворачивает ее, распрямляет и, натянув пружину, ставит две галочки. Мы – тут. Они – там. А говорили, что контора в пешей доступности, но, надо полагать, – что угодно в пешей доступности, если сильно захотеть. Я думал вызвать такси, но свободных машин не оказалось, предлагали подождать. Ждать я не мог.

Я не торопился, но поторапливался.

Гудок.

На той стороне улицы, в углублении, заземлился газетный киоск – квадратный, с мозаичным стеклом и массивным козырьком. Я подумал, на обратной дороге хорошо бы прикупить обложку для паспорта. Позади киоска тянулись магазины, ряды витрин, на месте вывесок – пустые бетонные прямоугольники. Отсвечивало, так что прочитать не получалось.

Я шел по улице.

Почти развязался шнурок.

Я подумал, когда совсем развяжется, тогда и поговорим.

Представьте, будто включилась обратная перемотка – снова бож, снова флаерс, но на этот раз я уклоняюсь, снова красная звезда. Под подошвой дрогнул канализационный люк, на секунду дрогнуло мое сердце. У метро все еще пели, все еще плохо. Хвала небесам, я подоспел в момент затишья – полукруг зевак редел, косматые музыканты курили, возложив руки на гриф гитары, зажав барабанные палочки под мышкой. Вокалист жадно хлебал из термоса. И вот представьте, как раздастся лязг монетки – нет, – лязг жетона в желяном брюхе турникета, как загорается зеленая стрелка. Я видел, как люди в форме тащат кого-то под руки, уводят за тонированное стекло – нет, – как девушка прихорашивает свое подернутое волной отражение в двери с надписью, и тут можно даже процитировать:

ПОЛИЦИЯ

Представьте фаршированные людьми тоннели, представьте, что я – тоже из начинки, я смотрю на свое отражение в изгвазданном стекле, поверх моего лица – надпись, и здесь можно даже процитировать:

НЕ ПРИКАСАТЬСЯ

– нет, –

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

Представьте полупустой вагон, как слева от меня женщина читает гороскоп (Рыбы или Рак), напротив – мужчина и женщина, сидят бок о бок, вот она засыпает, головой клонится к его плечу, а потом вздрагивает и выпрямляется, и так по кругу. Или незнакомы, или давно женаты.

Вот представьте, как я шагаю по платформе – куда более оживленной, чем та, с которой я отбывал, – шагаю вдоль линии. Мимо прошел лысый мужчина, под мышкой он нес обернутую в целлофан автомобильную дверь – просунув руку в отверстие для стекла, второй поддерживая снизу. На секунду мы встретились глазами – нет, – он стрельнул глазами и прижал дверь к себе, будто опасался, что я отниму его сокровище.

Я вышел из метро.

Представьте, что пейзаж почти не изменился: те же гудящие улицы, те же каменные домишки, так же жмутся друг к другу витрины, разве что на горизонте из штриховки каких-то деревьев вырастет здание. Я вроде как успевал, что было прекрасно, я как-то даже ободрился, особенно учитывая, что все вокруг застряли в пробке, давили на клаксоны, а я будто по выделенке ехал, точнее, шагал, шагал по выделенке, едва не подпрыгивал, будто ступал не по булыжникам, а по обращенным кверху ступням, которые соприкасались с моими на встречном ходу. Я глазел на вдвинутое в небо острие: верхушка здания пополамила солнечный диск, свет растворялся в окнах – нет, – в стекле, все здание было одно сплошное стекло, а за стеклом в желтом маре плавали зигзаги лестниц и квадраты офисных коробок. Мне предстояло нарушить эту геометрию. Над головой висело одинокое облако, пухлое, похожее на общипанный кусок ваты. Встречный ветер обдувал взмокшее тело. Я приблизился к основанию здания, и вот представьте, едва я прохожу мимо шлагбаума, он резко опускается, как бы разрезая ткань на два лоскута, так что по мою сторону остается городская коптильня, а по ту – прохлада подземной парковки. Я обогнул здание. Редкие лужайки были как островки в каменных джунглях, как сбой в программе. Курящая компания – чья-то подошва раздавила окурок, втоптала темно-серое

в серое. Пока все толпились у крыльца, я ринулся к пандусу.

Шаг за два, как в детстве, и я внутри.

По левую руку – витрина, цветными мелками на доске выведены цены, в банке два пальца мелочи и скомканная купюра. Меня поприветствовали, я рефлекторно улыбнулся. Представьте, за стойкой сидит девушка. К уху, прикрытая светлым локоном, прижата трубка. На девушке был пиджак с плечиками, в вырезе – лунный камень, волосы свернуты и закручены кверху – уложены, как крем в вафельном рожке. Глянула на меня, демонстративно подняла палец, как бы давая понять – минутку.

Я постучал пальцем по запястью.

Пожала плечами, продолжила говорить.

Я вернулся к витрине, заказал латте на кокосовом молоке.

А какие есть? Я взял с мятным – нет, – с карамельным сиропом. Представьте молочную пенку в форме сердца. Картонки у них не было, так что я обернул стакан салфеткой. Я отхлебнул. Большое спасибо.

Девушка за стойкой продолжала говорить, но теперь на полтона ниже – нет, – тише, будто боялась, что я подслушаю что-то конфиденциальное. Нехотя протянула руку, в которую я вложил паспорт. Раскрыла, посмотрела на фото в паспорте, на меня, снова на фото, я снял очки, поправил волосы, она еще какое-то время тарасилась, затем шепнула что-то в трубку, прикрыла дырчатый диск ладонью и обратилась уже ко мне.

Конечно, в списках, что это за вопрос?

Девушка вновь буркнула что-то в телефон, оставила трубку лежать на базе и уткнулась в монитор. Вернула мне паспорт вместе с картой. Вот представьте – такая белая пластинка, похожа на номерок в театре.

Я приложил карту к турникету, раздался гудок, раздался выдох облегчения за спиной. Я убрал карту в карман брюк и побрел в лобби, вот представьте – колонны и колонны между колоннами, темный мрамор с прожилками, жирными трещинами, кое-где – вкрапления серого. Выглядело так, будто губкой затерли. В толщу мрамора врезаны двери лифта. Я подступился к ближайшей приборной панели, я нажал на кнопку – нет, – сперва я вынул телефон и удостоверился, что верно помню этаж, а уже потом нажал на кнопку. Я ждал, подтягивался народ, я отхлебывал кофе, который становился все слаше и слаше, все больше чувствовалась мята.

Наконец, я вышел на своем этаже.

Представьте стройные ряды деревянных – нет, – пластиковых перегородок с деревянной текстурой, за которыми спрятались работники. Держу пари – сверху все это напоминало лабиринт для лабораторной мыши.

Вот представьте – лампочки на оголенных проводах, неровности штукатурки, я шагаю по стрелочкам на полу, как в какой-нибудь примитивной видеоигре, и совершенно внезапно – хромированная сталь, пресловутые турникеты, а за ними – еще одна стойка, еще одна девушка.

Боковым зрением заметила меня, нахохлилась.

Есть ли я в списках?

Да вы шутите.

Я было потянулся за паспортом – нет, – за телефоном, но девушка меня опередила, пробурчала что-то в интерком; пауза, шипение, прорезался писклявый голос. А вот и он – сперва выглянул из-за угла, как из-за дерева, затем показался в полный рост: ниже меня на голову, поперек себя шире, вскинул руку, как будто официанта подозвал, и вот представьте, как он тянет эту руку, хочет пожать мою. Он шел чуть впереди. Представьте, что костюмчик на нем не сидит, а отбывает наказание, бугрится застиранная голубая сорочка – расстегнуты верхние пуговицы, представьте, как над этими пуговицами нависает жабий подбородок, поверх которого тянется красная полоска – след от стойки воротника. Еще и какие-то претензии на бороду. Он был весь загорелый, румяный, его нос облезал, особенно на переносице. Бормотал сквозь одышку. Перво-наперво предложил чай, кофе, но я поднял свой стакан, будто собирался произнести тост.

Мы вышли на площадку с панорамным остеклением.

Солнечный свет бился о стекло, просачивался сквозь мутную пленку и аляповатыми пятнами ложился на пол. Я смотрел за окно, на покатые крыши, на автомобильную пробку, я смотрел и видел напо-

минание о себе, идущем ко входу в здание. Отсюда все казалось каким-то необязательным и несущественным, вызывающе хаотичным, будто палкой поворошили муравейник. Я думал, как быстро человек может подняться, стоит только ему перестать думать о себе и начать думать о себе (это парафраз).

Жиробас окликнул, поманил рукой.

Меня окружили обнаженные фермы и перекладины; потолок не потолок, а пенокартон, широкие плитки с кучей отверстий, поперек которых тянулась замазанная черной краской труба. Мы двинулись дальше. Представьте стройные ряды деревянных – нет, – пластиковых перегородок с деревянной текстурой, за которыми спрятались работники. Держу пари – сверху все это напоминало лабиринт для лабораторной мыши.

Спасибо, я и сам догадался, что это рабочая зона.

По правую руку виднелась дверь, за ней – открытая веранда.

Курилка, надо думать.

Но никто не курил, все сидели в своих норках и не дышали.

Все ждали – нет, – выжидали момент, когда можно будет свернуть таблицы и вернуться к перепискам, к картинкам и видео. Периодически я ловил на себе беглый взгляд, который при соприкосновении с моим тут же рикошетил к экрану монитора – забавная игра, как лупить по выскакивающим из дырок хомьякам. Чем ближе мы подходили к перегородкам, тем громче стучали клавиатуры, клацали мышки, тем задумчивее становился взгляд. Вот представьте, я заглядываю за одну из стенок, представьте, как бухгалтерообразный парень старается не подавать виду, как напрягаются мышцы его шеи. У входа висела пробковая доска, к которой булавками были пришпилены бумажки, стикеры на мониторе, линейки, степлер, развал документов по столу, простенькая лампа с регулятором наклона.

Жиробас шел впереди, выбрасывая руки во все стороны. Здесь у нас это, там у нас то, для удобства мы передвинули это сюда, для оптимизации мы оборудовали то-то тем-то. И так далее. Он то и дело оборачивался, проверяя, не отстал ли я, и все время похлопывал себя по нагрудному карману, словно проверяя, не пропала ли пачка сигарет... или не давая сердцу заглухнуть – подумал я про себя и невольно улыбнулся. Нет, это я о своем. Пожалуйста, продолжайте. Мы дошли до зоны отдыха: стол, несколько пуфиков – красных, синих и зачем-то полосатых, – в углу чахло растение, каркасный стеллаж, некоторые книги завалены набок, будто их читали. К стене прислонена тумба, на тумбе – миска

сухофруктов. Нетронутая композиция, идеальная пирамидка. Жиробас подошел к кулеру, булькнули пузырьки, одним махом осушил пластиковый стаканчик, с треском смял и выкинул его в урну. Все срежиссировано как надо, не прикопаться.

А это переговорная?

Стекланные панели встык, стекло было матовое, как стенки контейнера для еды, только крышкой не накрыто. Стол со всех сторон облепили костюмчики, на столе – проектор, на экране – изображения. Костюмчики смотрели на какую-то модель в разрезе, и вот представьте, что чертеж напоминает музыкальную шкатулку с рычажком, с заводным механизмом. В чем суть, вам знать не обязательно, да вы и не поймете ничего, но в разное время на слайдах мелькали слова, и здесь можно даже процитировать:

ДАТЧИК
КОНТРОЛЬ
ДАВЛЕНИЕ

Презентация закончилась, выступавший еще что-то сказал, а потом отмахнулся от остальных, будто все они были плодом его воображения.

Представьте, как мы сидим в кабинете жиробаса – я на стуле, а он на такого державного вида кресле. Дверь закрыта, жалюзи опущены. И вот представьте длинный стол из массива дерева, стопки бумаг, такими же бумагами забиты полки на задней стене. По центру стола – прямоугольник сукна, как на бильярде. На откидной ножке – рамка, в рамке – семейное фото. Бликовало, но я разглядел. Сносная жена, жирные дети. Хотя над ухом жужжал кондиционер, на столе, мерно покручиваясь, разгонял воздух маленький красный вентилятор. Я поставил кофе и достал ноутбук.

Вот представьте, как жиробас сидит, сложив руки на животе, пальцы в замок, сидит вальяжно, будто я к нему на собеседование пришел. Представьте эту картинку, а поверх – мой спокойный голос. Я задавал вопросы. Конкретику вам знать не обязательно, вы все равно ничего не поймете, но знайте, что я был хорош, знайте – чем больше свободы им даешь, тем скорее развязывается язык. Представьте, как жиробас говорит, почесывая нос, как ошметки кожи падают на сукно, и пока он говорит, я гляжу, я гляжу то на него, то в проем под столом, где дрыгаются его куриные ножки, – штанины задрались, обнажив полоску белесой кожи между носками и кромкой ткани, обнажив темные кудряшки. Пару раз он отвлекался на звонки, с кем-то ворковал, а когда отрывал телефон от уха, на экране оставались капельки пота, которые он растирал жирным пальцем – давил, как пупырышки на упаковке. Нече-

го сдирать защитную пленку, кретин. Все это время я молча попивал латте, слушал и кивал, я задавал вопросы без особого нажима. И вот когда жиробас расслабился, когда совсем потерял бдительность, едва начались разговоры на отвлеченные темы, вот тогда я захлопнул крышку ноутбука, сделал нарочито долгий глоток и попросил – нет, – потребовал прислать все документы мне на электронную почту.

Я стоял, а жиробас все еще сидел.

Представьте, как он шевелит губами, молчит что-то на своем рыбьем наречии, но только переводит воздух, которого и так было маловато. Жиробас оторвал спину от спинки кресла, на выдохе оттянул воротник и поглядел по сторонам, будто ожидал помощи зала. Прежде чем он опомнился, я сунул свою визитную карточку, а пока он ее разглядывал – я положил на стол бумагу. Он подписал, вывел свой пороссячий хвостик, я попросил прощения и сообщил, что тороплюсь. И вот представьте – такая презентация из одного слайда. Жиробас растерянно, но все же кивнул – кивок пациента, услышавшего диагноз. А я взял стакан и пошел к выходу. Жиробас тут же подорвался с места, бросился открывать дверь, но своими сиськами впечатался в мой локоть, так что кофе расплескался, пролился мне же на вельвет. Как же он переполошился. И хотя я, конечно, подумал, что это была расчетливая месть, такой школьный способ поквитаться, все же по тому, как жиробас залепетал, как он полез в ящик за салфетками, я понял, что его куриных мозгов никак не хватило бы на такой поступок.

Я попросил прощения за инцидент.

Вышел из кабинета, прикрываясь рюкзаком, словно полотенцем, – запустил руку внутрь и притворился, будто что-то ищу. Из-за перегородки брызнул смех, такое девичье хи-хи, и краем глаза я заметил в стекле отражение ладони, прикрывавшей это хи-хи. Эти хи-хи. Смейтесь-смейтесь. Я одной десятеричной запятой отправлю всех вас за кассу флажками размахивать, все ваши жалкие судьбинуски у меня в одной таблице, я одним отчетом спущу ваши задницы кубарем по карьерной лестнице, будете получать зарплату деньгами из «Монополии», будете выживать благодаря случайной доброте (это цитата). Вот потеха будет, вот тогда поржем.

Я миновал перегородки, нажал на кнопку, на этот раз лифт приехал быстро, быстро вернул меня в лобби, к турникету я тоже подошел быстро.

Я посмотрел на турникет, на прорезь, залез в карман, карта упала на дно, а я двинулся дальше, но перекладина не повернулась – только обман-

чиво подалась вперед и застопорилась, как ремень безопасности. Я попытался надавить, чуть навалиться – все безрезультатно. Я посмотрел на девушку за стойкой, она безразлично похлопала глазами. В общем, прошло какое-то время, прежде чем я залез в карман брюк, вынул пластиковый номерок и осознал, что скормил турникету ключ-карту из гостиницы.

Было стыдно, но было не до этого.

Нырнув под турникет, я подошел к стойке, я попросил прощения, попросил помощи, вернул номерок, попросил вызволить карту.

Серьезно, разбирать? И что, у него выходной?

Представьте, как мне на выбор предложили две пилюли (это отсылка) – подождать, пока вызовут другого умельца, то есть часа полтора (по всему было ясно, что это – проверка на шивость), или подождать до завтра, завтра выйдет мастер. И вот представьте, как я раздумываю, а девушка таращится на мои брюки, на мокрое пятно, которое находится как раз на уровне ее глаз, и она почти не моргает, а у меня чешется голова, я чувствую, будто меня обманом загнали в мое же тело и выкинули ключик.

Условились, что заеду завтра.

Вынув телефон, я выскочил на улицу, но прошел несколько метров и вернулся под навес. Я и не заметил, как начался дождь, я и не заметил, что на улице потоп. Я попытался вызвать такси, но это оказалось не так-то просто – за несколько секунд под ливнем защитная пленка намочла, поэтому экран плохо реагировал на нажатия. В итоге я вызвал машину, которая должно была приехать через три, пять, три, и того приехала где-то через десять с небольшим минут, остановившись на другой стороне улицы – у высокого столба, на котором должен был висеть, но не висел дорожный знак, зато развивались торчавшие из наконецника космы целлофана.

Вот представьте, как я, вскинув руки, прикрывая голову рюкзаком, оглядываюсь по сторонам, как пересекаю трамвайные пути и открываю дверь, как сажусь сзади, ставлю рюкзак в ноги. В зеркале заднего вида – излом чернящих бровей, на рамке зеркала болтается какая-то безделушка. Конечно, не местный. Короткая стрижка, россыпь перхоти на плечах, на футболке. Колени упирались в спинку, я попросил подвинуть сиденье.

Представьте, как дождь кап-кап-капает по крыше, как дворники чертят конусы на лобовом стекле. Поддувало, я попросил прикрыть окно. И вот представьте, как впереди сверкают фары, как глушитель

выплевывает облако дыма и салон погружается во мрак, едва мы заезжаем под мост.

По радио играло что-то заунывно восточное, я попросил приглушить. Водитель нехотя убавил громкость, но стал напевать ту же мелодию себе под нос, при этом постукивая пальцем по сердцевине руля, а на пальце у него было каких-то карикатурных размеров кольцо – нет, – перстень, так что всякий раз, как он бил пальцем по эмблеме, раздавался бряк, звук металла о металл. Я хотел было попросить так не делать, но подумал, что если попрошу еще и об этом, то он нарочно куда-нибудь въедет.

Вот теперь представьте эту картинку – нет, – видеоряд, а поверх – мой компетентный голос. Если не интересно, не слушайте, – вы все равно ничего поймете. В общем, жиробас руководил конторой, которая производит и продает те самые датчики. Вот представьте, что контора жиробаса – дочерняя компания с головным офисом в Берлине, и вот эту компанию хочет купить компания побольше, но компания побольше не может просто так взять и купить компанию поменьше, не проверив, что там с отпрысками. Компания побольше обратилась к нам, то есть в юридическую фирму, с просьбой навестить дочернюю компанию, то есть контору жиробаса, и разузнать, как жизнь молодая, ну а подобные дочки-матери частенько заканчиваются разбитой посудой. Контору жиробаса обо всем предупредили, так что они навели марафет, как следует подготовились, но чего жиробас не знал, так это того, что по договору с компанией побольше, то есть с покупателем, у нашей фирмы полный карт-бланш.

Все зависело от моего отчета.

Вот представьте, как мы едем переулками, как автомобиль выезжает на набережную, к каналу, где становится даже сносно. Был виден шпиль. Представьте, как фонари и фары встречаются в лужах, как рябят отражения светофоров, красный и желтый сливаются в оранжевый, покуда все не попортит какой-нибудь пешеход. И даже постукивание больше не раздражало, мотивчик совпадал с ритмией пейзажа. Если бы не лежащие полицейские, можно было подумать, что рассекаешь на ковре-самолете.

Все срежиссировано как надо, не прикопаться.

Я поставил четыре – нет, – три звезды. Чистый салон, но водитель все-таки пропустил поворот, что стоило нам шести – нет, – пяти минут.

Я не сразу узнал место, потому что он высадил меня на другой стороне улицы, рядом с газетным киоском. Очень кстати, подумал я, вспомнив о паспорте, но сунул нос в киоск и понял, что лавочка закрыта. Неудивительно – за время поездки совсем

стемнело, в окнах жилых домов жгли электричество, воздух офактурился. Пока ждал зеленого, рассмотрел одну из витрин. Представьте, как я вглядываюсь в свое отражение, пока не меняется точка фокуса, объектив выхватывает то, что за стеклом, – обрубки женских ног, чуть согнуты в коленях, мыски тянутся кверху, обтянуты колготками, чулки со швом, тактель, лайкра, с шортиками и без, под пояс, ажурные, в сетку. Я так уверенно говорю, потому что в студенческие годы проходил практику, на которой сопровождал работу такого же магазина.

Не сразу, но я заметил, что под навесом стояла девушка – нет, – женщина, стояла боком ко мне, нервно курила, подрагивала, хотя было не так чтобы холодно. По ее внешнему виду, по ее стойке (а она покачивалась) я сделал некоторые выводы, я даже хотел проверить эти выводы на прочность, но тут загорелся зеленый, и все домыслы остались позади.

Гудок.

Я подошел к девушке, объяснил ситуацию с картой, попросил прощения и уже готов был уплатить штраф, но ее реплика сбила меня с толку.

Сцеживая по слову сквозь зубы, она начала объяснять.

Представьте, как выясняется, что каждой комнате соответствует своя путевая руна, то есть карта, и каждая карта калибруется отдельно, и вот представьте – есть мастер-ключ, и девушка, конечно, может открыть дверь, но не может отдать мне мастер-ключ, а без него не будет работать электричество. Сошлись на том, что девушка запросит дубликат карты, а я переночую в единственном свободном номере, откуда выписались незадолго до моего приезда. Девушка складывала тетрис, между делом косилась на брюки, на пятно, которое было как раз на уровне ее глаз. И я отпустил какую-то неуместную шутку, над которой сам бы не стал смеяться. Когда она заканчивала с тетрисом, раздался гудок, она перевела взгляд на боковой монитор, я тоже – знакомый кусок улицы, от грани к грани беспризорно слонялась женщина. Кажется, та самая, которую я видел у витрины. Возможно, она следовала за мной. Женщина потянулась к звонку.

Вновь раздался гудок.

Девушка вручила мне новую карту. Отличий я толком не видел, разве что на этот раз глянец по краям отливал синевой. Почти такой же узор, орнамент, вроде как снежинка, но выглядело, будто распяли осьминога.

Я попросил прощения, поблагодарил ее.

Путь лежал через столовую – клетчатые клеенки, за одним из столов сидела старушка в клетчатом халате. Будто элемент декора. От столовой во все стороны расходились рукава, и вот представьте, что моя комната находится в дальней части гостиницы, в самом тупике. Я плутал, я еле нашел путь. Вдруг пожар, все помрут. Я вставил карту в щель.

Раздался звук, с каким банкомат отсчитывает купюры.

Я зашел внутрь.

Вставил карту в другую щель.

Раздался звук, с каким захлопывают металлическую клетку.

Комната ожила.

Зажегся свет, под потолком закрутились деревянные лопасти, что-то зашуршало в ванной. Я кинул рюкзак на диван – нет, – на обитое плюшем кресло. Сиденье вдавлено, протерто. Односпальная кровать. Напротив кровати – письменный стол и табурет. Я подошел к окну. Тюлевые занавески, шторы из темно-синей ткани с цветочками в стиле ар-деко – нет, – ар-нуво. Подоконник такой, что на нем можно было разлечься.

Женщины не видно. Ни у входа, ни у витрины.

Единственное яркое пятно во всем номере – дуплетный телефон на прикроватной тумбе. Корпус из красного пластика, огромные кнопки. Я обогнул тумбу, провел рукой по кровати. Покрывало из плотной ткани. Приподнял. Одеяло подоткнуто. Две подушки, два светильника над изголовьем. Стены цвета огуречной мякоти, какая-то картинка по центру – дешевый багет, даже и не масло, а печать на холсте. Незамысловатый пейзаж, каких на вернисажах девать некуда. Еще какие-то черные полосы на полу, следы от подошв, завихрения, словно здесь вальсировали. Я снял брюки, зажег свет в ванной – сделалось ярко, как в кабинете стоматолога.

Я растер пятно мылом, замочил, отжал и повесил сушиться.

Надо бы перекусить.

Я надел запасные брюки.

Из неприятного – мой ремень не пролезал в петельки, этого я как-то не предусмотрел. Я вышел из номера, сунув руки в карманы и растопырив пальцы, поддерживая линию талии. Было направился в столовую, но вовремя вспомнил, что это средней руки гостиница, так что вышел на улицу и упал в ближайшем кафе. Название – какой-то несуразный каламбур.

Меня встретила расфуфыренная барышня: сиреневые тени, верхняя губа толще нижней, вся подбоченилась. Прямо-таки баба на чайник. Вот пред-

И вот представьте, когда я уже отчаялся, когда собирался звонить начальнику и оправдываться, что означало расписаться в беспомощности, — вот тогда зазвонил мой телефон, заездил на столе, и оттуда принялись оправдываться.

ставьте, на прилавке стоит ваза, в вазе — цветы, что приятно, что неприятно — гвоздики, а гвоздики хуже искусственных цветов (это цитата). Я перекусил булочкой, заказал кофе. Представьте, как светлая и темная струйки смешиваются в бурю гущу. У окна сидела молоденькая девушка — ноги скрещены под столом, лакированная туфелька болтается на мыске.

Читала.

Я фыркнул.

Время на книжки есть только у детей и безработных.

Растопырив пальцы, я вернулся в номер, почистил туфли, натер, вставил колодки. Я наконец-то плюхнулся в кресло, размял шею, хрустнул пальцами. Я водрузил ноутбук на колени. Новостная лента пестрела картинками. К этой ленте, как к клейкой ленте липнут букашки, липла будничная шелуха, липли пустые слова и заумные комментарии. Я раздал пальцы вверх и сердечки. Я открыл рабочую переписку. Все нужное без проблем искалось по ключевым словам, и тут можно даже процитировать:

коллеги

является

представляется возможным

Вот и нужная ветка диалога. Корнями это дерево уходило во времена первой стажировки. Нет, новое письмо, новая тема. Мигает курсор.

Представьте, как я пишу и стираю, пишу и стираю. По итогам в пространство от «Уважаемого»

до «С уважением» уместилось полное, я бы даже сказал, исчерпывающее, пускай и слегка беллетризованное, описание последних событий. Местами я приукрасил, но нигде не исказил. Я внимательно вычитал текст, кое-что переформулировал, еще раз вычитал. На всякий случай перепроверил грамматику. Нет, я прекрасно знал, что как пишется, но я всегда забиваю слова в поисковик — так спится спокойнее.

Жиробас все еще не прислал документы. Учтывая, что они должны были подготовиться, такая задержка вызвала вопросы. Письмо жиробасу я набрал резво, ничего не перепроверяя. Выдохнул, отложил ноутбук.

Странное было состояние, вроде как слабость — выжат, выдохся, — но глаза не слипались, на боковую не тянуло. Я снял брюки, остался в рубашке и носках. Я сложил брюки на подлокотнике. Вернул ноутбук на колени, включил режим инкогнито. С гостиничным интернетом все грузилось медленно, так что к выбору я подошел ответственно. Без родинок, без татуировок, макияж на превью был немного вызывающий, но это терпимо. Судя по тому же превью, мужчина без надобности в кадр не лез, что похвально, такая функциональность мне по душе. Пока грузилось, я убрал очки в очечник, вынул бархатную тряпочку, положил ее на ребро экрана — так, чтобы закрывала камеру. Реклама. Реклама. Я промотал говорливое вступление, красными отрезками на линии воспроизведения были отмечены куски, которым я уделил внимание, ну а когда было близко, было уже почти, не выключая видео, я переместился в ванную. К раковине. Вот представьте, как я, чиркая уголком локтя по холодному кафелю, пытаюсь включить свет, со второй попытки таки цепляю выключатель, локтем же включаю воду. В раковине — комки зубной пасты. Я сполоснулся, сполоснул руки, посмотрел на зеркало — засиженное мухами, заляпанное, в разводах от тряпки, которой эти пятна пытались стереть, но сделали только хуже. Я глянул в сторону душа — обруча с зеленой занавеской, — но уже валился с ног. Вот представьте, как я собираюсь чистить зубы, но к своему удивлению выясняю, что забыл пасту. Слава богу, на полке, рядом с пузырьками, с гелем для душа и шампунем, лежал тюбик — большая редкость для подобных гостиниц. И ничего, что паста с прополисом, с пчелиным пометом, который я ненавидел, и ничего, что тюбик помятый.

Я помочился, стяхнул, утерев ободок туалетной бумагой.

Я сдвинул покрывало к изножью кровати и забрался под одеяло, поставил телефон на зарядку, поставил будильник – нет, – будильники.

Когда я уже гасил свет, зазвонил гостиничный телефон, красная бандура на тумбе, и вот представьте, как я снимаю трубку, как в нее прерывисто дышат, а потом женский голос, запинаясь, несет какую-то бессвязицу. И по ее голосу было понятно, что она пьяна и некрасива, что у нее плохая кожа и сухие ломкие волосы. Я пару раз переспросил, но в ответ не услышал ничего, кроме все того же дыхания и невротичных всхлипов.

Гудки.

Такие вещи меня раздражают.

Засыпая, я глядел на подсвеченное лунным светом пятно. На стене, прямо над мусорным ведром. Расплывчатое, будто запекающаяся кровь. А проснувшись даже раньше, чем зазвенел будильник, я перво-наперво проверил почту. Начальник пока не ответил, документы так и не прислали.

Едва встав с кровати, я набрал номер жиробаса – никто не ответил.

Мой нос все так же сопливил, а внутри кончика, представьте, вскопчил пупырышек размером со спичечную головку, который очень хочется, но не может сковырнуть. Еще и горло покалывало, чесалось. Будто не тот музыкант весь день горланил у метро, а я сам. Могло продуть в поезде, могло продуть под кондиционером, в такси тоже могло продуть. В конце концов, я попал под дождь. Я залез в рюкзак, выдавил из пластинки таблетку – нет, – две таблетки витамина и проглотил без запивки. Взял пакетик лекарства. Я надел брюки и пошел в столовую. Девушка за стойкой сидела, уставившись в монитор, на ней – ситцевая блузка, сквозь которую просвечивали темные полукружья лифчика. Карта еще не готова? Никакой спешки, большое спасибо. Представьте, в столовой только старушка – сидит с каменным лицом, молча уплетает свою котлету. Я подошел к столу – черный чай в пакетиках, кружки с почерневшим дном, обернутые целлофаном бутерброды. Какой-то плесневый хлеб и колбаса, в которой белого было больше, чем розового. Старушка обернулась и поморщилась. Видимо, свист чайника мешал ей смотреть телевизор. Я попросил прощения, поднял кружку за ее здоровье, напился парацетамола и пошел к себе.

Я повесил табличку, и здесь можно даже процитировать:

НЕ БЕСПОКОИТЬ

На почте все еще пусто, в спаме было письмо с предложением купить лампы (в наличии с двойным

диммированием). Удалить. Все удалить. Я выключил вентилятор. Я позвонил жиробасу, жиробас не ответил. Я еще какое-то время ходил по комнате, взглянул в окно – опять дождь. Надо ехать, но как же лило, как же не хотелось. Еще и эти брюки, пятно ни черта не оттерлось, нужно было стирать. А это драгоценное время, это нервы.

И вот представьте, когда я уже отчаялся, когда собирался звонить начальнику и оправдываться, что означало расписаться в беспомощности, – вот тогда зазвонил мой телефон, заездил на столе, и оттуда принялись оправдываться. Не стану тревожить вас деталями, так что просто представьте, представьте меня, расхаживающего по комнате, разводящего руками, слушающего, прикрикивающего, а поверх – мой изумленный – нет, – раздраженный голос, мой отчитывающий тон. Вот так просто взял и упал сервер с архивом? Вы что, хотите сказать, что резервная копия сайта находится на том же сервере, что и сам сайт? Вот представьте, как я кладу трубку, как стою у подоконника, стою и смотрю на это грифельно-серое небо, в котором не находит отражения ни одна из моих эмоций.

Сошлись на том, что пришлют курьера с бумагами.

А если бы этот жиробас хоть что-то смыслил в своей работе, если бы осознавал, что стоит на кону, он бы попросил прощения за то, что все они обделались, что вся их шарашкина контора – бесполезные животные, мелкотравчатые, пресмыкающиеся, он бы сказал, что все мы – клопы, гниды, мы – жалкий планктон, мешки с говном, простите, что так вышло, простите, что обременили тебя – нет, – Вас своей никчемностью, что теперь Вы должны – нет, – Вы просто обязаны быть лучше нас, иначе начальство сделает из Вас – нет, – из нас, сделает из нас комбикорм.

Я хотел попросить его попросить курьера захватить мою карту, но рассудил, что не буду подносить патроны, дарить им еще одну офисную байку. Выходить надобность отпала, оставалось ждать. Представьте, как я сижу на кровати и бесцельно гляжу в потолок, гляжу на полупрозрачный эллипс, концентрируюсь и усилием мысли вычленяю контуры лопастей.

Чтобы не тратить время попусту, я решил постирать брюки.

Представьте закуток рядом со столовой, где гудит стиральная машина. В иллюминаторе кружило чье-то белье. Пахло сырыми тряпками, мокрыми полотенцами. Я положил брюки в корзину для белья, как бы заняв место в очереди, а сам отправился в кафе. На всякий случай я огляделся

в поисках магазина одежды, но карты подтвердили мое опасения – ближайший находился в двух станциях. Я отчитался начальнику. В зазор между «Уважаемый» и «С уважением» уместилась вся драма, я доложил о произошедшем, я, само собой, попросил прощения за задержку и осторожно – нет, – я деликатно намекнул, что процесс может затянуться, и я не лукавил, перебирать и проверять бумаги вручную – довольно-таки ресурсоемкая работа. Я заказал киш с грибами и сырное суфле, а вместо десерта попросил стакан кипяченой воды с долькой лимона. У окна сидел какой-то дерганый парень, который запивал суп клюквенным морсом.

Я решил, что чай попью в номере.

Пока я заваривал чай, старушка что-то убирала в холодильник, раскладывала на верхней полке кульки. Воровато озиралась, орудуя маркером по верх фольги. Посмотрела на меня так, будто я подглядывал пароль ее кредитки. Представьте, как мы в неловком молчании идем по коридору, как бок о бок доходим до самого тупика, ведь она живет в соседнем номере.

Я сидел с ноутбуком на коленях и листал ленту. Опять эти несовместимые с интернетом лица, дрянные анекдоты, простыни текста как повод выложить фото себя красивого, вусмерть отретушированные снимки, видео с грудными детьми. Кому нужны ваши дети. Я раздал порцию пальцев вверх и сердечек. Я допил чай и, не вставая, швырнул пакетик в мусорное ведро. Пакетик впечатался в стену и сполз к борту корзины. Не давал покоя нос, горло, еще и слабость в мышцах, какая-то сквозящая ломота; глаза резало, в глазах рябило. Назовем это режь – нет, – рязь. И вот представьте, как я уже включил режим инкогнито, потянулся за тряпочкой, как в этот самый момент стучат в дверь. Не надо уборки – сказал я, открывая, но это была не уборка, на пороге стоял круглощекий, круглобокий паренек в кепке с приплюснутым козырьком. Сумка через плечо. Один за другим он вручил мне три картонных контейнера, перевязанных и опечатанных, я же водрузил коробки на стол, распечатал, распаковал, раскрыл – они были доверху набиты бумагами. Кое-какие наспех подшиты – они лежали сверху, для виду. А те, что под ними, – в файлах на хлипких прищепках.

Пора было приниматься за работу.

Сперва я сделал несколько принципиальных перестановок.

Во-первых, передвинул стол на метр вправо, вдоль стены, ближе к окну и подальше от зеркала.

Какой извращенец захочет работать, пляясь на свое отражение? Во-вторых, я задвинул куда подальше табурет и приволок с кухни кованный стул – спинка была жестковата, так что пришлось подложить подушку. Но он хотя бы не шатался. В-третьих, я задернул шторы, оставив узкую щель, и включил светильники у кровати. Наконец, я разложил гелевые ручки, отсортировав их по толщине, установил ноутбук и обложился бумагами. Прекрасно то, что последовательно (это цитата).

Я начал перебирать документы. Представьте меня за этим занятием, а поверх – мой утомленный голос, который рассказывает, что я запросил все учредительные документы, а именно договоры с топ-клиентами, материалы проверок государственных органов, договоры с десятью топ-поставщиками, судебные дела, сертификаты и действующие лицензии. Они прислали снятые копии, многие из них были паршивого качества.

Я отчитался начальнику, что все на месте.

Я работал, то и дело бегая в столовую за чаем, который заваривал, выпивал за несколько присестов и тут же шел заваривать новый. Я постоянно проходил мимо девушки за стойкой, мимо ее профиля, и уже начинало казаться, что только профиль у нее и есть. Большую часть времени она что-то печатала, закусывая дужку очков. Представьте, что так прошел весь мой день. Я частенько прерывался на туалет, а иногда, когда затекали ноги и немели запястья, когда усиливалась та самая рязь, я снимал очки и, стоя у подоконника, массировал переносицу. Доносились отголоски музыки, у метро все так же измывались над роком. Представьте, как я смотрю – вот парочка целуется, вот какой-нибудь скейтбордист, растерявшись у перехода, отпускает свою доску на проезжую часть. На таких вот сценках отдыхал взгляд. Я перебирал документы, изучал данные, водил ручкой по строкам и абзацам, сверял цифры и вбивал реквизиты в таблицу, но представьте, что все это – деятельность в большей степени подготовительная.

Ближе к вечеру в дверь опять постучали.

Я перепугался, что привезли еще бумаги, но, к моему удивлению, это была девушка со стойки. Представьте, у нее есть ноги, на ней босоножки с открытым мыском. Будем считать, кастинг прошла. Спасибо, но меня завалили работой, – я кивнул на кипы бумаг, – переезжать, значит тратить время и силы, так что я, если вы не против, я задержусь в этом номере. Я поблагодарил ее, взял дубликат и пообещал вернуть оригинал. Уборка не нужна, спасибо. Я отметил их сервис, это был обдуманный

комплимент. Как не даете пасту? Видимо, осталась от предыдущего гостя.

Хотя я почти не вылезал из-за стола, не разгибал спину, я управился хорошо если с третью документов, и все бы ничего, но мне прислали договоры без спецификаций. Я позвонил жиробасу. Вот представьте, как я хожу вдоль черных линий на полу, а поверх – мой возмущенный голос. Не понял, коммерческая тайна? Подождите, то есть мы должны верить вам на слово? Повесив трубку, я все еще сжимал телефон в кулаке, я смотрел на защитную пленку, которая вся пузырилась, которая пришла в негодность из-за дождя. Я скovyрнул краешек и оторвал ее к чертовой матери.

Вздумали темнить.

Ничего, я пролью свет на это дельце.

Сделал соответствующие пометки, вернулся к работе.

Я читал и слышал, как они потешаются, гогочут в своих норках, как стучат их зубы, скрежещут, как они клокочут, посыпая перцем свои рассказы. Но это пока я не вскрыл гнойник. Так я и написал начальнику, я доложил, что дело перспективное, но нужно время, да, время покажет, насколько перспективное, – сколько нужно ходов, чтобы выйти в дамки.

Вот представьте, дело к ночи. Голова гудела. Я встал из-за стола, выпил еще витаминов. Нужно было развести лекарство – шмыгая носом, я пошел на кухню. Хотел заодно подкрепиться, но выходить было неохота.

Я вспомнил, что в холодильнике были гостиничные йогурты, там-то мы и столкнулись со старушкой. Я дернул за дверцу и с головой залез внутрь – ее это насторожило, еще как насторожило. Да не собирался я трогать твои вонючие котлеты, успокойся. Я попросил прощения, а она вдруг подала голос, начала ворчать, сотрясала воздух своим старческим скрюченным пальцем с шишками, которые бугрились до самой пястной кости, и вот представьте, как она твякает, размахивает своей бузинной палочкой (это отсылка), а я молча киваю, я смотрю, как гримасничает ее лицо, трясется вислая кожа – нет, – кожура, как трясется ее подбородок, шея в складках, которые слиплись в одно, а между ними – ложбина, темный провал по центру, какие-то бычьи яйца, от одного взгляда на которые хочется помереть молодым. И вот представьте, как я, выдержав эту пытку, видимо, заслужил ее уважение, или у нее случился провал в памяти, ее заколотило, но представьте, как она смотрит на меня из-под набрякших век, буравит взглядом и говорит

уже дружелюбно, расспрашивает. Да, он вроде как съехал прошлым утром, теперь я в его номере. Нет, я не этот, не переживайте, я не буду воровать ваши котлеты. И вот представьте, как она прикладывает ребро ладони к своим сальным губам, как в ее взгляде появляется что-то игривое, почти что кокетливое. Прямо визжала, прямо как потерпевшая? А он кряхтел? Не переживайте, я не буду водить девушек.

Мышиный халат скрылся за аркой, я плюнул на йогурты и съел один из бутербродов в столовой. Несмотря на то что ныли виски, что нос почти не дышал, я остался доволен собой. Я упал на кресло, открыл ноутбук. Я был на подъеме во всех смыслах слова – снова тряпочка, снова красная линия, но как-то не шло, а пошло, когда я закрыл глаза, мелькали слайды, а на них было ажурное белье, полукружья лифчика, босоножки и ногти, отблеск лунного камня, чей-то резец закусил нижнюю губу – вы такое в рекламе видели, – кончик языка облизнул губу, красная помада, еще краснее – нет, – вообще без помады, на слайде – обветренные губы, тонкая полоска кожи, тонкая пленка отходит, отслаивается, усилием мысли я ее оторвал, отодрал, так что на следующем слайде остался только кровавый пунктир, на следующем слайде – яйца подбородка, ну и что теперь? Напишите об этом в соцсетях, подайте на меня в суд, – а потом – женский голос в телефоне, рука перевернула песочные часы, сами собой сжались пальцы ног, тело распружинилось, вот и все. Вот и раковина.

Вот представьте, как я стою на холодном кафеле, как я жду, пока пойдет горячая вода. Представьте, как клубится пар, как воздух обжигает ноздри, каково втягивать воздух заложенным носом. Представьте, как под ногами пенится вода, как я тужусь, как к белому примешивается желтое. Я увеличил напор, поменял режим, из отверстия хлестали струи, смывали грязь, слизывали покровы. Ничего, все это кожа, без которой можно обойтись. Представьте, я обтираюсь жестким, как наждачка, полотенцем и выхожу из ванной, успеваю, пока не рассосался пар, пока не прояснилось мое отражение в зеркале. Представьте меня на кровати. Я лежу под одеялом. Вареное тело на вареном хлопке. Я смотрю на стол, на капище бумаг.

Еще много работы.

Я иссох, иссяк, было душно, кое-как спасал вентилятор, кружившие лопасти. Начальник так ничего и не ответил. Я лег раньше обычного. Какое-то время ворочался, разглядывал экран телефона, бездумно перетаскивал дрожащие иконки, меняя

Я, конечно, не буду уходить в казуистику, вы все равно ничего не поймете, но имейте в виду, что я нашел кое-какие несостыковки, что было во всей этой схеме что-то непромытое, речь шла о больших деньгах, хотя о какой именно сумме, я наверняка не знал, ведь спецификации жиробас предусмотрительно придержал – прикрылся коммерческой тайной, как фиговым листом.

приложения местами. Потом я смотрел на решетку вытяжки, на зияющую черноту за ней – казалось, надави, она полезет наружу. Вот представьте, когда я было начал проваливаться в сон, зазвонил гостиничный телефон. Перевернувшись на бок, я снял трубку.

Снова пьяная, снова хныкала, просила прощения за вчерашнее, и по ее голосу было понятно, что у нее кривые зубы и пороссячи ресницы, накладные, что сама она давно опоросилась. Вот представьте, как она переходит на ты, язык заплетается, я же ничего не отвечаю, а потом, вдруг, как по щелчку, начинаются оскорбления, похабная ругань. Ей не нравилось, что я молчу, что я вроде как ее игнорирую. А что я должен был сказать? Ну я и бросил трубку, оборвав эту ненормальную на полуслове.

И я опять начал засыпать, я уже видел сон, странный сон, в котором я вручал подарок, ждал реакции, худые руки снимали крышку, но коробка оказывалась пустой. Я проснулся за мгновение до того, как мой взгляд соприкоснулся с глазами именинника. Нет, было не утро, просто в номер залетел комар – он кружил, пищал над ухом, я от него отмахивался, как от дурного кошмара, я включал и вы-

ключал светильники, даже большой свет, но он возвращался. В итоге эти гляделки я проиграл – уснул тогда, когда насекомое окончательно меня утомило и глаза закрылись сами собой.

Я проспал до полудня, будильники не помогли.

Вот представьте, как я с трудом отрываю голову от подушки, виски наливаются свинцом, по затылку словно кувалдой бьют. Во рту пересохло, горло – будто всю ночь глотал ножи. Мой бедный нос заложило намертво, когда я стискивал ноздри, они не расходились обратно, а прилипали к перегородке, так что их приходилось разнимать вручную. Я попробовал высморкаться – так тужился, что в какой-то момент заложило левое ухо.

За окном опять лило, хотя и не так сильно.

Музыка.

Я почистил зубы, доковылял до кухни, поздоровался со старушкой, которая подписывала очередную котлету. На этот раз она доброжелательно улыбнулась. Идти в кафе не было никакого желания, так что я развел пакетик, выпил лекарство и опустился до гостиничного йогурта. На этикетке красовались крупные дольки – фрукты и ягоды, – но в реальности из белой массы выглядывали какие-то козявки. И на вкус то же самое. Девушка за стойкой читала журнал, она распустила волосы, задумчиво накручивала локон на указательный палец. Завивать или не завивать, вот в чем вопрос (это парафраз). Нет, спасибо за беспокойство. Все хорошо.

К работе.

Концентрироваться было сложно, в глазах стояла рязь. Представьте, как после получаса цифры и буквы дрожат, будто иконки на экране, как я беспрерывно бегаю в ванную сморкаться. В таком режиме я работал целый день – горбатился, сморкался, чаевничал и стоял у окна, смотрел на сценки, давал глазам отдохнуть и возвращался к бумагам. Я почти закончил с обработкой данных, когда раздался стук. Для кого табличка висит...

На пороге стояла старушка – вся набросана сухой кистью, все тот же клетчатый халат, только к мышинному, к малиновой клетке, примешался коричневый. Представьте, что в руках она держит мои брюки. Я вспомнил корзину с бельем, я выхватил, вырвал брюки – от пятна не осталось и следа. Только вот вельвет отливал малиновым. И вот представьте, как эта старушка разевает свой поганный рот, как смыкаются ее сальные губы, язык извивается – бьется, как рыба на песке, – а у меня закипает кровь, всходит пеной, и я, попросив прощения, захопываю дверь, пока не вышло за края. Вот пред-

ставьте, как я открываю дверцу шкафа, которым до этого не пользовался, и гляжу на полку, на новехонькие тапочки в упаковке, на вешалки с антивандалными кольцами. Представьте, как я вешаю брюки на одну из них и замечаю, что через дальнюю балку перекинут ремень.

Я без раздумий стянул его с балки, поднес на свет – грубая кожа коньячного цвета, строчка по краям, бляха поцарапана. В нескольких местах кожа потрескалась, будто его силой сворачивали, а еще вручную проделаны отверстия, продырявлены чем-то тупым – на какую-то совсем уж узкую талию. Недолго думая, я взял ремень, собирался отдать его девушке за стойкой, но уже у стойки, встретившись с ней взглядом, я застыл. Вот представьте, как девушка говорит по телефону, как она поднимает глаза и видит меня, а я, представьте, стою, как в каком-то спагетти-вестерне – ноги на ширине плеч, одна рука в кармане – поддерживает брюки, во второй – свернутый ремень. Выглядело так, будто я пришел ее пороть.

Девушка прищурилась, вопросительно подняла бровь.

Ничего не сказав, я сделал вид, будто что-то забыл в номере, и дал сто восемьдесят градусов, а потом, представьте, потом я сделал вот что – я плюнул на вельветовые брюки и продел ремень в те, что были на мне. Как влитой, точно по петелькам. Жаль, что выходить я никуда не собирался, но все равно это совпадение как-то взбодрило меня, подпалило фитиль, так что я вернулся за стол, отодвинул бумаги на самый край, вернулся к началу таблицы и стал один за другим вынимать из стопки договоры, которые пометил красными флажками. Вот я добрался до агентских договоров. Поначалу – ничего примечательного, только поехавшее выравнивание и посредственный юридический язык. И вот представьте, как я открываю таблицу, навожу курсор на очередной флажок, выуживаю из стопки очередной договор, веду ручкой по строчкам, по абзацам, и вот представьте, как внутри у меня все сжимается, глаза лезут на лоб, как по спине расходится холодок. Мурашки по всему телу. Представьте, как я тут же снимаю телефон с зарядки и звоню жиробасу, как я, запрокинув голову, считаю гудки, как я считаю и улыбаюсь. Представьте эту картинку, а поверх – мой довольный голос, как я спрашиваю его о договоре, а он все что-то мямлит и мямлит, мямлит. А, так вы консультировались с адвокатом?

Я кладу трубку. И вот представьте, как где-то у солнечного сплетения все вибрирует, как комок –

нет, – ком, увеличиваясь в объемах, поднимается к моему раскрасневшемуся, к моему разрыхленному горлу, представьте, как сквозь хрипоту этот сгусток смеха вырывается наружу.

Какая же им жопа, боже, какая же задница.

Представьте, что шесть – нет, – пять лет назад к жиробасу и его конторе пришла фирма, пришла и предложила заключить сделку. Я, конечно, не буду уходить в казуистику, вы все равно ничего не поймете, но имейте в виду, что я нашел кое-какие несостыковки, что было во всей этой схеме что-то непромытое, речь шла о больших деньгах, хотя о какой именно сумме, я наверняка не знал, ведь спецификации жиробас предусмотрительно придержал – прикрылся коммерческой тайной, как фиговым листом. Но сумма не важна, а важно было то, что я взял их за бубенцы, крепенько так стиснул, и, поверьте, яичница была вопросом времени.

Тем вечером я больше не притрагивался к бумагам, не садился за стол и не тревожил таблицу, я даже начальнику отчитался не сразу, я смаковал, я предвкушал, – сплошной восторг, протянутое в ночь предчувствие праздника. Я упал на кресло, открыл ноутбук и включил режим инкогнито, как шампанское открыл, даже к раковине не поспел. Я сходил в душ, провел там полчаса – нет, – минут сорок. Вышел я из душа мокрым, мокрым и больным. Представьте мое разгоряченное тело, которое без того потеет, которое все зудит и шелушится, сочится всяческой слизью.

Но той ночью было терпимо.

Я протер зеркало, поморгал, провел юстировку, так сказать, придал четкость своему отражению. Вот представьте клубы пара и белый свет, когда каждая капля воды – увеличительное стекло, когда каждая неровность, каждый изъян – как под лупой. И вот представьте, как мое бледное, обваленное в муке, тело, как мое тело волнами стекает вниз. Кожа – та же рябь на воде, а по бокам, где жирок, где складки, все – шматок на шматке воска, и весь я похож на огарок свечи после воскресной службы.

Я почистил зубы и забрался под одеяло – прямо так, с мокрой головой. Конечно же, я снял трубку, и по ее голосу было понятно, что она неопрятна, сутулится, что от нее пахло ванилью. И вот представьте, как она просит встречи, а я ничего не отвечаю, я ее в каком-то смысле провоцирую, и чем дольше я молчу, тем забавнее она повизгивает, и как только начинаются оскорбления, я наклоняюсь и выдергиваю провод, выдергиваю его к чертовой матери, с размаха кладу телефон на базу и за-

сыпаю. Представьте, как я засыпаю с улыбкой на лице, а потом представьте переход, но не плавный, не затемнение, а грубую склейку. Представьте эту склейку, сопровождаемую звуком, будто проигрыватель зажевал пленку.

В лицо мне плеснули дневным светом.

Ржавые разводы на подушке, пятна слюны, охристые катышки – конечно же, я спал с открытым ртом, во рту – привкус жести, вязало лимоном. В нос ударил запах своей же потной головы, влажной кожи, превшей под волосами. Все тело чесалось, зудело. Но знаете что? Все было ничего, думал я, потому что как только я почистил зубы, я проверил почту, где меня ждало письмо от начальника. Сказал, что позвонит после обеда, так что до самого обеда я ничего не ел, даже к бумагам не притрагивался, только по кругу перепроверял свои же записи. Не скрою, я волновался, готовился к разговору, все-таки момент был ответственный. Я сходил в душ, надел брюки, потуже утянул новый ремень и влез в туфли, предварительно натерев их до блеска. Вот представьте, как звонит мой телефон, как я выпрямляюсь и смотрю на бумаги перед собой, смотрю на экран с таблицами, представьте эту картинку, а поверх – мой горделивый, мой готовый к похвале голос – нет, – мой недоумевающий, мой растерянный и ничего не понимающий голос. Прошу прощения, о каких сроках идет речь? Я все понимаю, я прошу прощения, что все затянулось, но возникли непредвиденные обстоятельства, пожалуйста, прошу, дай-те мне еще хотя бы пару –

(Дней)

Гудки.

Представьте себе, как лучшего сотрудника вызывают обратно, как ему говорят – нет, – приказывают бросить все на полпути, наплевать на безусловный потенциал и вернуться в офис. Вот представьте, как этот сотрудник рухнул на пол, припал спиной к изножью кровати, как дрогнула влага в его глазах, как под вытянутыми ногами змеятся черные полосы. Все распарывалось, расходилось по швам и сшивалось в нечто принципиально иное. Я был надорван и надломлен, началась акупунктура окружением, роились мысли, перекрикивали друг друга голоса, плюс на минус, все поперек всего, сердца и провода (это цитата), сколот угол, *угол завален, ВСЕ ЗАВАЛЕНО*. Болезнь ударила с новой силой – такой себе отложенный эффект, будто отошла анестезия. Заболела голова, стало подташнивать. Я расчесывал себя до крови. Я все делал правильно, пошел с козырей, я все растолковал – пункт за пунктом, тезис за тезисом, с расстановкой, предельно доходчиво,

но не чересчур детально, черт возьми, я принес нашей фирме такой кейс, верняк, настоящую бомбу, а начальник даже не дослушал, он только снисходительно покивал головой, как кивают на мазню первоклассника. Представьте, что в вашей любимой песне о неразделенной любви на самом деле поется о давлении авторитарной власти.

Как быть?

Нет, пока оставалось время, ресурсы, пока сохранился статус-кво, пока жиробас ничего не разнюхал, нужно было копать – нет, – нужно было докопаться до сути. Я даже сел за стол, я вновь склонился над бумагами, вернулся к началу таблицы, но вот представьте, что я не способен ни на чем сфокусироваться – за окном вспышки и отзвуки, молитвы и треугольники (это цитата), метут улицу, поворот ступни о гравий, будто шел, шел и передумал, свист тормозного пути, отражения мелкой моторики в экране монитора, буквы и цифры, цифры и буквы, – дрожащие, как иконки на экране телефона. Чем ожесточеннее я сопротивлялся, тем глубже меня засасывало, тем быстрее я терял контроль над телом. Все чесалось, особенно чесалось на лбу – там, где начинались волосы, там и ездили мои пальцы, мои ногти – туда-сюда, туда-сюда, – и вот представьте, как на клавиатуру падают хлопья, а я не прекращаю, пока не вижу на подушечках капли красного, пока не чувствую кольчатое жжение, расходящееся вдоль линии волос. Представьте, как я откидываюсь на спинку и запрокидываю голову, как стены пульсируют, сокращаются в такт ударам сердца. Так я сидел, пялясь в потолок – как торчок, только-только ослабивший жгут.

Вдох-выдох.

Я умылся.

Скривил рот, посмотрел на пожелтевшие от чая зубы.

Вот представьте, как я выхожу из номера, иду в столовую, которая пустует, как я подхожу к столу и выясняю, что, кроме чайных пакетиков, ничего не осталось, не было даже этих мерзостных бутербродов. Я выхожу к стойке. На девушке – расшитая бусинами, подпоясанная черным – нет, – чешуйчатым ремешком кофта. Представьте, как я открываю холодильник, как меня встречают пустые полки. Не осталась даже йогуртов. Только в дальнем углу, за пакетом молока, переливалась фольга. Я какое-то время постоял и захлопнул – нет, – я распахнул дверцу шире, еще шире, запустил руку и подцепил краешек фольги. И вот представьте, как я разворачиваю фольгу, слой за слоем, как мне открывается что-то пригорелое.

Я принялся, огляделся.

Старушки было не видеть, девушка была занята своим.

Вот представьте, как я сижу у себя в номере, сижу на кровати и вгрызаюсь в котлету – нет, – в картофельную зразу. Нос не дышал, поэтому жевал я с открытым ртом, порой всасывая воздух уголками, и вот представьте, как я уминаю кусок за куском, почти не пережевывая, и пусть горелое, но как же было вкусно, и я бы даже хотел, чтобы старушка меня застучала, чтобы она беспомощна пялилась на то, как я откусываю, проглатываю, как начинка валится на покрывало, на пол, горками поверх черных линий – да хоть заворот кишок, пусть я кровью просрუსь. Я доел, дожевал, смял фольгу и вернулся за стол – нет, – сначала я расстегнул рюкзак и достал ластик для обуви, опустил на четвереньки и, ползая на карачках, принялся стирать пресловутые линии, рывок за рывком, выпад за выпадом, стирать завихрения, забирая черноту белым наконечником.

Наконец, от следов не осталось и следа.

Я убрал ластик, сполоснул руки.

Вдох-выдох.

Я вновь открыл таблицу, зарылся в текст договора, я читал и перечитывал, читал и перечитывал, хотя уже знал все наизусть.

Вопрос – что с этого нефтяникам?

Нет, все же придется пояснить.

Будьте внимательны.

По условиям сделки фирма приводит жиробасу клиента – нефтяную компанию, – которая закупает хваленые датчики, причем закупает...

Нет, так вы ничего не поймете, нужно упростить.

Вот расклад: дело было шесть – нет, – пять лет назад. Есть некая фирма, назовем ее – АГЕНТ. АГЕНТ приводит ЖИРОБАСУ клиента...

Нет, не уверен, что вы справитесь.

ВОТ РАСКЛАД: есть фирма, назовем ее – АГЕНТ. АГЕНТ приводит ЖИРОБАСУ клиента, то есть НЕФТЯНИКОВ, которые закупают их товар – то есть те самые датчики – по цене вдвое выше рыночной. ЖИРОБАС и АГЕНТ заключают агентский договор, то есть подписывают соглашение, согласно которому АГЕНТ выступает посредником между ЖИРОБАСОМ и НЕФТЯНИКАМИ. По условиям договора ЖИРОБАС и АГЕНТ платят выручку с продажи датчиков пополам, при этом АГЕНТ получает жирный кусок пирога считай ни за что, просто за посредничество, а НЕФТЯНИКИ терпят колоссальный ущерб.

И если вы еще не потерялись, самое время пораскинуть мозгами и задаться вопросом – что с этого НЕФТЯНИКАМ???

ВОТ МОИ ХОДЫ: от пункта к пункту, кругами по комнате, возьмите циркуль и начертите эти круги, а потом раздвиньте ножки и начертите круг побольше – такой, чтобы вершины упирались аккуратно в стенки номера, – внутрь этого круга впишите меня. Вот представьте, как я подхожу к этой линии, к подоконнику, гляжу за округность и отчетливо вижу, где заканчиваюсь я и начинаются другие. Представьте, как женщина в темно-зеленом пальто рывками толкает коляску, затем тормозит, откатывает назад, а потом снова вперед – будто это газонкосилка; вот кто-то ступеньками нырнул в бар, другой скрылся за троллейбусной остановкой, а вот, представьте, у парня на поводке крохотная – нет, – большая лохматая собака, вот она задирает ногу, из-под ноги хлещет, вот я смотрю на них и создается ощущение, что это не он ее, а она его выгуливает. И вот представьте, как я наблюдаю за этим жизнеподобием, но только все не как обычно, глаза ни разу не расслабляются, взгляд не отдыхает, – наоборот, сильнее напрягается, стучит в висках, во всем этих сценках сквозит недосказанность, которая меня убивает, мне хочется открыть окно и кричать.

Вдох-выдох.

Юрист не должен помнить текст закона, юрист должен помнить, где опубликован текст закона. Юрист должен знать, где искать.

Вопрос – зачем это все НЕФТЯНИКАМ???

Где искать ответ?

Вот представьте, как я сижу за столом, как мой взгляд мечется между экраном ноутбука и записной книжкой, а сам я мечусь между столом, подоконником и ванной – нет, – унитазом, потому что живот зажил своей жизнью, я тужусь, но безрезультатно – впустую потраченное время. Представьте, как я читаю и сверяю, сверяю и чешусь, как чешется в носу, так что я запускаю палец в ноздрю, я чешу и сковыриваю пупырышек.

По столу ползла тень, солнечный блик скользил по экрану ноутбука. Я уже дошел до самого начала, до интервью с ЖИРОБАСОМ. Вот представьте, как включается обратная перемотка, я проглядываю вопросы, записанные моим понятным почерком, и тут можно даже процитировать:

Как вы ищете клиентов?

Кто именно ищет?

Кто звонит, пишет, лично встречается?

Кто предлагает договор, а кто обсуждает условия?

Ваш товар делится на какие-то категории?

И вот представьте, как ЖИРОБАС отвечает на последний вопрос, говорит и говорит, и вот в ка-

кой-то момент он говорит, и здесь можно даже процитировать так, как у меня записано, ЖИРОБАС прозносит:

*Вы же сами понимаете, будет морока с патентами. А нам это зачем *хрюкает* **скоблит нос** Мы патентуем только перспективное.*

Вот представьте, как я открываю поисковик, как я печатаю, а печатаю я быстро, десятипальцевым методом, разве что один палец всегда занят, он то и дело погружается в мокрое пятно на лбу – туда, где линия волос, где корни слиплись от крови. Вот представьте, как я нахожу в открытом реестре контору ЖИРОБАСА, как начинаю перебирать их патентные заявки, чтобы понять, за что НЕФТЯНИКИ решили переплатить, на экране – слоеный пирог из вкладок, перекрестья векторов, смотрю на один чертеж за другим, формулы изобретения, полезные модели, я смотрю на извещения. Выяснилось, что многие из патентов прекратили действие и не могут быть восстановлены, но какие-то еще действовали.

Представьте, снова льет.

Я сидел в полумраке. Лицо обдавало бледное свечение, в темноте пульсировал экран ноутбука. Я включил ночной режим, экран потеплел. И вот представьте, как я открываю очередную заявку, как я пролистываю, уже готовлюсь закрывать, но потом вижу чертеж. И он что-то мне напоминает, и вот вы вместе со мной вспоминаете офис ЖИРОБАСА, переговорную, и мы совместным усилием мысли воспроизводим слайды, воспроизводим один из них, на котором изображена музыкальная шкатулка.

Автор и патентообладатель – один и тот же человек. Я смотрю на адрес для переписки – контора ЖИРОБАСА. Я смотрю на дату подачи заявки – шесть – нет, – пять лет назад, смотрю на последнее изменение статуса, сверяюсь с текстом договора. Я немного оживляюсь. Представьте, как я на секунду сворачиваю вкладки, включаю режим инкогнито, как я вбиваю в поисковик название патента – нет результатов, – тогда я по памяти вбиваю название конторы ЖИРОБАСА – не те результаты. ВОТ МОЙ ХОД: я вбиваю в поисковик имя автора патента, я пролистываю ссылки на социальные сети и натываюсь на иностранную статью.

Я кликаю.

Выдает ошибку.

Я обновляю страницу.

Выдает ошибку.

Но и я не пальцем деланный. ВОТ МОЙ ХОД: я включил прокси, выбрал сервер в Мюнхене – нет, – в Берлине, и вот представьте, что я сам будто из Берлина, я кликаю еще раз, попадаю на примитивный

сайт, состряпанный под конкретное мероприятие. Представьте, как я смотрю на двоянные гласные, моя ладонь лежит у меня на бедре, на подпоясанных брюках, как я смотрю на эти лигатуры, на попорченную точками латиницу и ни черта не понимаю. ВОТ МОЙ ХОД: я установил плагин – нет, – расширение, которое автоматически перевело весь немецкий текст на русский язык. Представьте, как я вчитываюсь в репортаж, в обзор какой-то конференции, на которой годами ранее обсасывали технологии будущего. И вот представьте, как я листаю вниз, продираюсь сквозь кривой перевод, сквозь дебри канцелярита, представьте, как пальцы ползут по ремню, мне надоедает читать, так что вторая рука открывает поиск по словам. Пятью пальцами я набрал нужное имя – нет, – сперва я транслитерировал нужное имя, а уже потом набрал его, и вот, представьте, как по нажатию кнопки меня перебрасывает в подвал страницы, к панорамной фотографии.

Я всматривался в фото, на фото – мужичок с залысиной, под фото – мой запрос, желтым было выделено имя мужичка, а еще на фото – ЖИРОБАС, будто бы в той же затертой рубашке, только из нагрудного кармана выглядывал вишневым треугольником платка, и вот мужичок скрестил руки на груди, как обиженная девочка, а ЖИРОБАС вскинул свои грабли вверх, как опереточный Моисей, но не это важно, – важно то, что прямо за их спинами – экран, а на экране – музыкальная шкатулка.

Вот представьте, как я шелкаю на фото, растягиваю его, как рядом появляется корявая подпись, и здесь можно даже процитировать:

Были представил датчики для виброконтроля и неразрушающего контроля валов в подвижных частях элементов силовых машин.

Вот представьте, как я копирую эту белиберду, вставляю в окно поиска, как по нажатию меня перебрасывает к разделу спонсоров, и вот представьте, как моя рука, мои пальцы сжимают складку на брюках, потому что я натываюсь на неказистый логотип НЕФТЯНИКОВ.

Я кликаю на логотип и попадаю на страницу с комментариями.

Представьте, как я вчитываюсь в комментарий топ-менеджера НЕФТЯНИКОВ. Я прочитал этот понос, я добрался до биографической справки о самом менеджере, и вот представьте себе фотографию – мужчина за пятьдесят, пятна по крыльям носа, на скулах, прищур и шевелюра темных волос, но борода седая. Кажется, будто волосы выкрашены.

А рядом с фотографией – имя.

И вот теперь внимательно следите за руками, иначе упустите.

Я тут же открываю – нет, – я кладу перед собой пресловутый агентский договор, мне и открывать его не нужно, потому что на первой странице, в первом же абзаце я читаю, и тут можно даже процитировать:

именуемый в дальнейшем «Агент» в лице генерального директора

А дальше – та же фамилия, но другие инициалы.

Вот представьте, как я открываю поисковик, как разминаю складку на брюках, как я ищу нужную информацию, нажимая на себя, нажимая на нужные ссылки, по одной из них – интервью нашего АГЕНТА в деловом издании, и вот представьте этого директора – смазливый, с чубом темных волос, с тем же прищуром, я запускаю поиск по словам, я разгоняюсь – какова вероятность, что они просто однофамильцы? Я ищу пересечения, признаки родства, имена и отчества никак не стыкуются, но мы это опустим, потому что есть темные волосы, есть хитрый прищур, потому что я нахожу интервью НЕФТЯНИКА, и здесь можно даже процитировать:

мы многого добились, я ухожу с высоко поднятой головой.

говорит топ-менеджер НЕФТЯНИКОВ, а я листаю, я читаю интервью, его всего распирает от гордости, меня распирает, когда я вижу дату, распирает изнутри, когда выясняется, что топ-менеджер сложил полномочия шесть – нет, – пять лет назад, я откидываюсь назад, выгибаюсь и вот я отпускаю – нет, – я спускаю все на тормозах. Представьте, как я выпрямляюсь, как я смотрю на их фотографии, на их самодовольные лица, вот они у меня – как на ладони, – но я не тороплюсь сжимать кулак.

Я хотел растянуть удовольствие.

Представьте, как я подхожу к подоконнику, как я стою у окна и жду, пока разровняется. Кругом черноты и длинноты, впадины спутниковых тарелок, стелется крахмальная дымка, на улице – никого, только призраки людей – нет, – людских прикосновений. Ливень такой, что не было видно зазоров между каплями – тонкие вертикальные линии, параллельные линии, как подсвеченные серебром нити. У витрины ошивалась примодненная женщина – не знаю, та же или нет, – но она тоже курила, она подняла глаза, я тут же зашторился. Я помассировал переносицу, собрался с мыслями и вернулся к своим нитям, к их переплетеньям, к паутине, в сетях которой другие бы увязли, но не я, нет, я нашупал сердцевину и теперь мое дело – расправиться с пауком, обрубить мохнатые лапы, с мясом

отодрать жвала и навалиться, вдвинуть их в его же мохнатое брюхо.

Я шел за стол, боясь расплескать.

Я открыл блокнот – нет, – тетрадь смерти (это отсылка).

Вот представьте, как я поглядываю на телефон, как чешется позвонить – нет, – написать ЖИРОБАСУ, – и спросить: ваше сиятельство, как ваши обстоятельства? (это цитата), а потом прошипеть: бегите, раскрылась тайна ваших подтяжек (это цитата). Но вот я вспомнил инцидент с кофе, перепуганное лицо ЖИРОБАСА, я рассудил, что он, скорее всего, не при делах – ложь смотрит на тебя стеклянными глазами, с холодной ясностью, а не с поросычьим испугом. Лжецов я могу стерпеть, но я терпеть не могу глупцов – играть против шулера куда интереснее, чем против тупицы, а этот тупица в упор не видел, как эти шулера который год отмывали деньги через его контору. Так я и записал. Вот представьте, как НЕФТЯНИКИ переплавляют, закупая у ЖИРОБАСА датчики, половина выручки уходит АГЕНТУ – то есть посреднику, – получается, что вторая половина возвращается в семью чистенькой. Никаких вопросов из налоговой, ведь датчики закупаются у независимой компании – у ЖИРОБАСА, – которая никак не аффилирована – прошу прощения, – не связана с НЕФТЯНИКАМИ, с НЕФТЯНИКАМИ связан только генеральный директор АГЕНТА – связан с их топ-менеджером, – но шесть – нет, – пять лет назад топ-менеджер НЕФТЯНИКОВ по чудесному стечению обстоятельств стал бывшим топ-менеджером НЕФТЯНИКОВ, то есть вышел из игры аккуратно в тот момент, когда сделка с ЖИРОБАСОМ была на мази, но договор еще не подписали. И вот представьте, бумажный след почти что отсутствует, представьте, как их сговор ускользает от объектива. Все срежиссировано как надо, не прикопаться.

Я закончил писать, закончилась ручка.

Вот представьте, как я собираюсь позвонить – нет, – написать – нет, – как я решаю пока ничего не говорить начальнику. Все это семейное предприятие – самая настоящая прачечная. Нужно копать, нужно покопаться в грязном белье и разузнать, чьи еще панталоны там стирают, нужно выяснить, насколько глубока кроличья нора (это цитата). Нужно сделать все по уму, нужно скомпилировать факты и сделать начальнику предложение, от которого он не сможет отказаться (это цитата). Вот представьте, как я смотрю на экран, на хитрый прищур этих состоятельных кротов.

А что если нам посчитать? (это цитата)

Пятью пять – двадцать пять лет каждому (это парафраз).

А не посчитать ли нам? (это другой вариант перевода)

Пятью восемь – сорок тысяч – нет, – миллионов рублей за мое молчание (это парафраз). За то, что я не передам свои записи и копии договоров в какое-нибудь популярное издание. Будем честны, вся эта история достаточно бесстыдна, чтобы быть напечатанной (это парафраз). Бессмертен тот, кто стал контентом. Представьте, каковы перспективы.

Я захлопнул крышку ноутбука, как молотком ударил, закрыл блокнот и пошел в ванную. Представьте, как я стою у зеркала, облокотившись на борт раковины, представьте это противоречие между внутренним ликованием и внешней эрозией – шампанское с желчью (это цитата). Представьте, что меня знобит, что нос заложен, представьте, как я изо всех сил тужусь, пытаюсь помочиться, а когда наконец мочусь, жжет конец. Вот я запустил пальцы в волосы, нащупал рану – серозная корка, а под ней – алая мякоть. Я надавил на гнойные чешуйки, поднялась жижица. Вновь скрутило живот – это были уже не спазмы, не тягучая, а тугоплавкая боль. И вот представьте, как мои ляжки елозят по холодному ободку, как я тужусь, как из меня выходит зраза – нет, – зараза, как я смываю за собой, сетую на отсутствие биде и подтираюсь остатками туалетной бумаги.

Живот продолжало крутить, так что я выкинул втулку и, порывшись, убедившись, что запаски не завалялись, решил смотаться за рулоном.

Вот представьте, как я плутаю коридорами, как я пересекаю столовую и выхожу к стойке, за которой не сидит девушка. На экране бокового монитора пустовала улица, в ночное время из-за зерна совсем ничего не было видно. Я обогнул стойку и подошел к двери в каморку. Чуть посомневавшись, я развернулся и отправился обратно. Вот представьте, как я возвращаюсь в номер, решив, что переживу ночь без бумаги, как я миную дверь в номер старушки, как я запускаю пальцы в карман и все понимаю.

Ключ остался в номере.

И вот представьте, как внутри созревает стыд, как волнение карабкается вверх, как я весь чешусь, и более того, в этот момент по ту сторону двери звонит гостиничный – нет, – звонит мой телефон. Конечно, не хотелось унижаться, но унижаться пришлось. Я вернулся к стойке, зашел в каморку, где пахло, как в клетке хомячка, растолкал девушку, спавшую на чердачной кровати, та едва не вскрикнула, потом утерла сонные глаза и в полумраке

отыскала мастер-ключ. Вот представьте, как мы идем к моему номеру, как я сердечно прошу прощения, но только сильнее ее раздражаю.

Прокряхтел замок.

Я вновь попросил прощения, девушка двинулась обратно, но в последний момент я все-таки решил спросить, – я спросил, – в ответ она ткнула рукой сквозь стену, имея в виду закуток со стиральной машиной.

Мог бы и сам догадаться.

Я приоткрыл дверь, вынул свою карту, убрал ее в карман брюк, подзатянул ремень и направился к стиральной машине. Вот представьте, как я открываю нижнюю дверцу, как рядом с чистящими средствами я нахожу нетронутую упаковку, разрываю целлофан и вынимаю себе один – нет, – два рулона сверхмягкой – нет, – самой обычной туалетной бумаги.

Представьте, как я прохожу мимо стойки, как раздаются гудки.

Я чуть не подпрыгнул.

Представьте, как я подхожу к стойке, смотрю на боковой монитор и сквозь зерно вижу женское лицо, вижу ее поднятую руку, кистью выходящую за рамку монитора, я смотрю на то, как кривится ее лицо, как она барабанит по кнопке, просит впустить. И вот представьте, как гудит все вокруг, а девушки за стойкой не видно, представьте, как я сгибаюсь над стойкой, смотрю на свалку бумаг и буклетов под козырьком, как я нахожу нужную кнопку и кончаю с этой какофонией. Я смотрел на пустой экран.

Представьте, как от лестницы эхом расходится звук шагов.

Я дошел – нет, – добежал до своего номера, я впопыхах нанизал один из рулонов на держатель, второй рулон я поставил рядом с ножкой унитаза. Вот представьте, как я убираю очки в очечник, кладу очечник рядом с телефоном, в груди стучит сердце, представьте, как я выключаю светильники, как я испытываю дежавю – нет, – жамевю, представьте, что вы впервые узнали слова песни, которую до сих пор пели на слух.

Взгляните на дверь.

Нет, не на эту, эта в ванную.

На ту, что левее.

На входную.

Гладкое полотно, сутулая ручка. Видите зазор между нижней гранью и полом? Слышите шаги? Вот полоска света тускнеет, уступает место черноте, вот дверь, которую я оставил приоткрытой, описывает дугу и с глухим стуком бьется об ограничитель. В проеме появляется силуэт.

Представьте, как сама собой захлопывается дверь, как она в своем платье – нет, – в сарафане, приближается ко мне, и вот представьте, что она точно такая, какой я ее представлял, – от нее разит пойлом, разит куревом, пахнет дешевым цитрусом. В темноте я толком не вижу ее лицо, но вижу следы потекшей туши, я вижу черные зрачки, будто смещенные, съехавшие чуть в сторону от центра радужки. И вот представьте, как она проклиняет меня, желает мне смерти, как она, пошатываясь, бросается ко мне, на меня, обвиняет шею руками, чуть ли не плачет – нет, – вся в слезах, как она прилипаёт губами к моей щеке, сквозь поцелуи провозносит:

Как же я скучала

Представьте, как ее речь звучит вторым голосом в моей голове, *как же я по тебе скучала* словно сквозь меня просвечивает кто-то еще, ему-то она и говорит, представьте себе двойную экспозицию, экранизацию подтекста *думаешь, я тупая?* представьте запах ароматизированного блеска, представьте, как мы пятимся назад, шаг за шагом, на ходу она снимает туфли, как ее руки скользят – нет, – шарят по талии моих брюк, как я думаю одно, жду другого *думаешь, я поверила?* А происходит третья. Представьте, как она рывками выдергивает ремень, едва не срывая петли, и вот представьте, как я икрами упираюсь в боковину кровати *что ты уехал?* как я валяюсь на кровать *думаешь, ты такой особенный?* как мне на лицо падают шелковистые волосы, как она целует меня, покусывает хрящ – нет, – мочку моего уха, как она шепчет *думал взять меня на слабо?* я вижу, как она сворачивает ремень, продевает его через балку изголовья и обвиняет вокруг моей шеи *думал из-за нее броситься под поезд?* как она тянет за конец ремня, медленно тянет на себя *ты что, маленький мальчик?* чувствую, как железная бляха приминает кожу коньячного цвета, приминает мою кожу *ты что – соска?* она тянет ремень на себя – чем туже затягивает, тем легче дышать. *я знаю, как ты любишь* и вот представьте себе невесомость, полную декомпрессию *я сделала это для нас* наконец, я могу думать о действительно важных вещах *кто-то должен был сказать ей* я вижу, как тонкая полоска света падает на стол, липнет к ноутбуку, к записной книжке *сказать о нас* я ничего не контролирую – нет, – я контролирую все и всех. Представьте, что этими записями я могу стереть их, как стер черные полосы ластиком, могу смять, как смял фольгу, я могу прихлопнуть их, как прихлопнул того комара, – эти кроты могут спрятаться разве что на том свете – нет, – не могут, для бога мертвых нет (я

не хвастаюсь, я констатирую). Я – их судья. Я – их палач. Я – их гробовщик *я готова быть кем угодно, но не готова быть нижем (это цитата)* и вот представьте, как я лежу, размякши в пустоте, как сворачивается, пенится темнота вокруг, контуры поверх контуров, представьте, что карта в кармане брюк впивается, самым уголком впивается и ей, и мне в кожу. Представьте, что стучат – нет, – колотят в дверь, что чем туже она затягивает ремень, тем свободнее я становлюсь, и я буду свободен столько, сколько смогу не дышать. Представьте, как она шепчет – нет, – просит – нет, – умоляет *войди* – нет, – *выйди в меня*. А в дверь все колотят, все срежиссировано как надо, не прикопаться. Представьте, как говорят в темноте два голоса (это цитата), как она шепчет на ухо, покусывает мочку, как сверкают черные зрачки, и вот представьте, когда уже почти, я говорю – нет, – думаю – нет, – я кричу, и тут можно даже процитировать:

– Как же прекрасна моя жизнь!



ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ: «МЫ НА 95% СОСТОИМ ИЗ ПРОШЛОГО»

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ РАССКАЗАЛ ЕГОРУ АППОЛОНОВУ О ПАССИОНАРНОСТИ, СНОВИДЕНИЯХ, ПУТИ ПИСАТЕЛЯ И ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕМЕНИ



ЕГОР АППОЛОНОВ
Журналист, автор книги
«Пиши рьяно, редактируй
резво» («Альпина Паблшер»,
2019), главный редактор
журнала «Аэроэкспресс».

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ
Родился в 1966 году в Москве.
Онучил юридический факультет
МГУ. Дебют — повесть «Бесно-
нечный праздник» (1997). Роман
«Перевод с подстрочника» (2013)
стал финалистом премий «Ясная
Поляна» и «Большая книга»
и лауреатом премии «Венец» Союза
писателей Москвы. В 2020 году
получил премию «Ясная Поляна»
за книгу «Собиратель рая».

- Хотел бы начать с обсуждения романа «Собиратель рая» и процитировать одну из фраз: «Всякое настоящее ненастоящее, а настоящее только прошлое». Вы тоже так считаете?
- Нет, я так не считаю. Это слова моего героя, Короля, но я ближе к персонажу, которого зовут Карандаш, неудавшемуся писателю. И вообще не могу сказать, что готов подписаться подо всем, что там несут мои герои, это их своеволие. Я не считаю, что настоящее только прошлое, но мне был интересен тип человека, для которого все самое важное в прошлом. Я хорошо понимаю смысл этой фразы, это не пустые слова. Могу их объяснить. Речь идет о том, что из прошлого до нас доходят самые существенные, ключевые вещи. Тогда как настоящее — это некий хаос, в котором существенное и несущественное, важное и неважное практически неотличимо. Человек, испытывающий острую потребность в порядке, естественным образом обращается к прошлому. К вещам более значимым, прошедшим проверку временем, обладающим стилем, своеобразным выражением лица, можно сказать. Вот один из смыслов этой фразы.
- Коль скоро вы упомянули Короля, я помню одну из его фраз: «Да вот врете вы все, не верим мы тому, что вы пишете».
- Так Король характеризует писателей. Карандаш неудавшийся писатель. Этой фразой Король высказывает все, что он думает о нашем брате.
- Насколько вы дистанцируетесь от своих героев, и в частности от Карандаша, которого вы упомянули? Вы больше наблюдатель или соучастник этого процесса? Или же вы просто следуете за героями, которые ведут себя очень своенравно?
- Когда герои начинают вести себя своенравно, это значит, что дело пошло, значит, книга «покатилась». Значит, текст обретает некое подобие собственных внутренних законов. Но это случается не сразу, не всегда, и, конечно, я на это не рассчитываю. В то же время я далеко не лирический писатель, я не стою за всеми своими персонажами, как, скажем, Платонов.

Чем герои от меня дальше, тем мне интереснее. Они выражают точки зрения, далекие от моей, и это меня радует, интригует.

- Я для себя вывел два типа писателей, которых я назвал садовниками и архитекторами. Садовники – это те люди, которые бросают некое зерно замысла на лист, и дальше просто что-то из него прорастает. Писатель не очень понимает, к чему все это приведет. Архитекторы планируют все дотошно. Самый яркий пример – Джозеф Хеллер, который бесконечно планировал свою «Уловку-22», есть в Сети такой огромный план – четыре ватмана А3, – в котором он прописал всю последовательность сцен. Как пишете вы?
- Я где-то посередине, наверное. Чем больше я знаю наперед, тем увереннее я себя чувствую. Как-то меня спрашивали: «Что для вас самое сложное?» Вынужден признать, что сюжет – вещь чисто вспомогательная, рациональная, если не искусственная. Для меня представляют наибольшую сложность рациональные ходы мысли, потому что они меня меньше всего интересуют. Сюжетные повороты мне тяжело даются. Я с некоторым трудом заставляю себя выдумывать, куда свернет история. И, как правило, чем больше сюжета дано заранее, тем легче мне дается собственно то, что меня интересует в книге: мысль, образ, стиль, детали, спонтанные поступки и жесты. При этом я не могу положиться на самопроизрастание текста, никогда так не делаю. Но когда это происходит, это всегда радует. Ведь пишешь, чтобы что-то возникло само. Я уже сказал, когда книга обретает самостоятельное движение, это значит, что дело пошло.
- Насколько в вашем представлении «Собиратель рая» – текст, удавшийся с точки зрения его непредсказуемости, насколько замысел, вернее, конечный результат отделился от первичного замысла?
- Финал я придумал уже, когда дело зашло далеко за середину. В этом смысле это была для меня неожиданность. Естественно, когда я знаю, чем дело кончится, у меня появляется уверенность, что я смогу довести текст до конца. «Собиратель рая» нанизан на стержень драматического сюжета поисков матери, которая в свою очередь ищет свою квартиру, в которой она выросла. Здесь больше уходов от сквозной линии сюжета, чем в предыдущих текстах. Предыдущие романы целиком подчинены гнету сюжета. Но в моем представлении, конечно, писатель тем свободнее, чем больше и легче ему удается уйти от этого сюжетного гнета. Притом что конечный результат остается достаточно занимательным и удачным.
- А вам вообще сложно писать? Вы говорили о том, что пишете медленно, пишете от руки, долго думаете над текстом. Насколько это для вас мучительный процесс? Потому что вы говорили: писать для того, чтобы это доставляло удовольствие.
- Флобер говорил: «Я люблю творчество, как монах свою власяницу». Это то мучение, которое доставляет удовольствие. Но в моем случае все-таки, я думаю, попроще. Во-первых, потому что я либо пишу, либо не пишу. Когда я пишу, все идет не так уж сложно. Другое дело, что я не могу писать по 20 страниц в день, как Дмитрий Львович Быков, или Лев Николаевич Толстой, или Достоевский, который «жарил» по 50 страниц за один подход. У каждого свои возможности. Для меня две-три страницы – это удавшийся день. Мне хватает под завязку. Когда появляются эти три страницы, возникшие из ниоткуда, ты чувствуешь глубокое удовлетворение. Когда ты садишься и у тебя ничего нет, а к концу дня откуда-то берутся три страницы. Откуда они взялись? Неужели это я написал?
- Может быть, в этом и состоит магия писательства, когда ты не очень понимаешь, что и откуда берется?

Только те произведения, корни которых уходят глубже сознания, представляют подлинный интерес и имеют шанс остаться, помимо чисто социологических причин.

- Да, конечно, момент иррационального всегда присутствует в любом творчестве, и это – самое интересное в нашей работе. Я как-то сказал – правда, не помню, вслух ли, – что только те произведения, корни которых уходят глубже сознания, представляют подлинный интерес и имеют шанс остаться, помимо чисто социологических причин.
- А вы знаете ключи? Как уйти глубже сознания, в подсознательное? Есть ли какие-то, ненавижу это слово, рецепты? Что-то такое, что лично вам позволяет туда докопаться?
- Рецептов не знаю, но для меня большое значение имеет сюрреалистическая практика. Всевозможные сны и прочее. Даже в таком мрачно-реалистическом романе, как «Собиратель рая», сны персонажей имеют большое значение и всячески обсуждаются героями. Сюрреализм – этот «изм» мне наиболее интересен из всех тем, которые были озвучены в XX веке, для меня он по-прежнему важен. Скажем, мой любимый роман «Темное прошлое человека будущего» – это такой сюрреалистический детектив или триллер, где есть и вполне реальные, и даже исторические события, но самое важное происходит с героем во сне, – за это я его и люблю.
- Раз уж вы заговорили о снах. Сон «голый среди одетых» в романе «Собиратель рая». Для главного героя это страх разоблачения. Это просто придуманная история или, может быть, что-то, что протянулось какой-то ниточкой из вашей жизни?
- Этот сон? А вы мне покажите человека, которому бы это не снилось. В этом фишка сюрреализма. Он срабатывает, когда человек обнаруживает, что ему снятся те же самые сны, о которых ты рассказываешь. Голый человек среди одетых – один из тех снов, которые видят очень многие. Дело в том, что алфавит снов не бесконечен. Часто возникают совпадения. В этом неодолимая сила Кафки. Когда вдруг обнаруживаешь, что тебе снится практически то же самое или очень близкое к тому, о чем он пишет. А у него уже весь этот путь пройден до конца, и ты понимаешь, что путь этот безвыходен. Кафка – один из тех писателей, от власти которых я всю жизнь пытаюсь избавиться.
- От власти как влияния?
- Да, от влияния.
- Но вы говорили, что нужно искать своих писателей. Не для того, чтобы им подражать, а для того, чтобы черпать в них вдохновение.
- Чтобы от них отталкиваться.
- А насколько сейчас вы далеко ушли от своих любимых писателей в своем творчестве?
- Трудно сказать. Надеюсь, все-таки достаточно далеко, чтобы меня с ними не сравнивали. Я помню, что «Перевод с подстрочника» любители и знатоки

- усердно сравнивали с Кафкой. Сейчас, по крайней мере, это никому не приходит в голову. Да и для «Перевода с подстрочника» это, конечно, очень неточное сравнение. Там, кстати, практически никаких снов нет.
- Ваши сны, которые вам снятся, дают какие-то ответы лично вам? Помимо творчества, безусловно. Может, вскрывают какие-то мысли, о чем-то заставляют задуматься?
 - Конечно, сны – это, так сказать, школа жизни. Очень серьезная школа жизни, способ расширения сознания, откуда многое можно черпать. Не хочу сказать, что я занят какими-то эзотерическими практиками в этой области (а практик таких расплодилось немереное количество). Но с другой стороны, нет такого человека, которому бы не снились сны. Это было бы признаком какой-то ущербности. Мне это интересно. Я понимаю, что этот путь важен, он обогащает. Сам по себе путь не очень оригинален. Оригинально то, что можно оттуда выудить.
 - Сон для вас – альтернативная реальность?
 - В снах, среди прочего, сжимается время. Мы видим в них те тревоги, те угрозы, которые в реальном времени от нас отстают бесконечно далеко. В снах открываются те места, о которых мы еще не знаем. Я вспоминаю какие-то конкретные сны... Так что это серьезный способ заглянуть в будущее.
 - Вы готовы рассказать о каких-то страхах, явлениях, которые вскрыли ваши сны? О чем-то, что вы о себе узнали, наблюдая за собой из сна?
 - Не готов. Все, что я хотел о себе сказать, есть в моих книгах.
 - Коль скоро мы говорим о времени, вспоминается цитата из текста: «От времени никак не вылечиться». Значит, время – это болезнь?
 - Это, по-моему, у Саши Соколова в романе «Между собакой и волком» сказано о болезни времени. Но время – не только болезнь.
 - Тогда вспомню цитату: «Время создано смертью».
 - Бродский очень точно сказал.
 - Но может быть, все как раз наоборот? С Бродским я бы не согласился и сказал бы, что время создано жизнью. Ведь если нет субъекта, нет и времени. Как вы считаете?
 - У Бродского еще есть шикарное определение: «Время есть мясо глухонемой вселенной». То есть именно свойство живого в ней, биологического. О свойствах времени можно долго говорить. Это чисто философская тема. Но это, скорее, вопрос к физикам.
 - Каковы признаки времени, в котором мы живем сейчас? Ваши книги от него дистанцируются. Как бы вы охарактеризовали время «здесь и сейчас»?
 - Время существует как физическая величина, то есть та самая болезнь всякой плоти. И время – как эпоха, масштабное явление, которое одним словом никак не охарактеризуешь. В целом, конечно, ничего хорошего о времени «здесь и сейчас» я сказать не могу. Даже если не заикливаться на пандемии и связанных с этим проблемах (потому что о них говорят бесконечно все кому не лень и просто не хочется вступать в этот хор). Для меня гораздо большая угроза и наиболее явно бросающаяся в глаза характерная черта времени – удручающая виртуализация. Благодаря пандемии это радикально ускорилось. Произошло практически переселение людей в виртуальный мир. Утрата вкуса к реальности, интереса к реальности мне представляется гораздо более удручающим явлением, чем пресловутая пандемия.

Понятно, что это происходит неизбежно, потому что с чудовищным перенаселением планеты, со всеми этими миллиардами нужно что-то делать. Самый простой способ решения проблемы – запихнуть их всех в виртуальный мир.

Все это теперь недорого. От каждого человека зависит, какой из двух миров он выберет. Но для того чтобы выбрать реальный мир, нужно принять на себя все тяготы этого реального мира. В виртуальном мире можно существовать без малейшего усилия. Все потребности удовлетворяются несколькими нажатиями на кнопку. Это ужасно, потому что люди с детства погружаются в этот мир. Вот это кажется мне гораздо более скверной чертой нашего времени.

- **Сложно ли вам сохранять дистанцию и не поддаваться этой тенденции, не проваливаться в Сеть?**
- Это требует некоторых усилий. Например, я только недавно приобрел себе смартфон. До последнего у меня был крохотный Sony без выхода в интернет. Потом уже стало ясно, что без гаджетов не обойтись. Вам просто выворачивают руки и затягивают в Сеть. Приходится прилагать усилия, чтобы туда не провалиться. Я сопротивляюсь.
- **Но пишете вы по-прежнему от руки?**
- Да. Какие-то не свои тексты, отзывы, рецензии я печатаю на компьютере вполне свободно. Надеюсь когда-нибудь перейти на компьютерное письмо и в прозе, но пока мне это трудно дается.
- **Мне кажется, бесконечно сложно писать от руки. Это то же самое, что снимать на пленку. У тебя нет тысячи кадров, из которых ты можешь выбрать один. В твоей пленке всего 36 кадров, и ты продумываешь композицию, замысел, измеряешь свет и только потом нажимаешь на затвор. Когда вы пишете от руки, вы чувствуете связь руки с мозгом? Что дает вам письмо от руки?**
- Связь головного мозга с текстом, руки с мозгом – я и так более или менее пока чувствую. Это вопрос привычки, на самом деле, вопрос свободы печати вслепую. Я пока не освоил десятипальцевый метод набора. Мне приходится все время править опечатки. Это раздражает и выбивает из колеи. Я несколько раз пытался писать прозу на компьютере, пока не получается. Ошибки – это одна часть проблемы. Главное же, что у тебя возникает отчужденный от тебя текст. Напечатанный, он как будто сразу не твой. А пока этот текст написан от руки, ты на него смотришь как на черновик. Ты его почти не боишься.
- **А что значит бояться текста, чего вы можете бояться, смотря на текст?**
- Того, что он ушел и в нем ничего не поправишь.
- **Ведь всегда можно переписать.**
- Да, вы правы. Мое нежелание писать на компьютере – это вопрос привычки, на самом деле. Не стоит в это вкладывать слишком много смысла. Все исходит из моего неумения печатать вслепую.
- **Как выглядит ваша работа, сколько черновиков вы делаете? Или сразу пишете начисто?**
- Минимум два черновика, иногда больше. Я всегда имею в виду, что потом это будут перепечатывать. Поэтому текст должен выглядеть более или менее читабельно. Мой первый черновик, как правило, нечитабельный. Я пишу так: два листа рядом – на одном убегающие мысли, чтобы они окончательно не убежали (когда они есть, по крайней мере), на другом текст.
- **А когда вам не пишется, что вы делаете?**
- Иду гулять – во-первых. Во-вторых, как правило, всегда есть чем заняться.
- **Когда вы пишете роман, вы пишете каждый день?**
- Стараюсь, но я же никогда этим не зарабатывал. Почти всегда была какая-то работа. Это нормально. У Петера Хандке, моего любимого австрийского писателя, есть дневник – «История карандаша». Там есть фраза schreiben allein geht nicht – невозможно только писать и больше ничего не делать. Пресловутое вдохновение от количества свободного времени не увеличива-

Пока этот текст написан от руки,
ты на него смотришь как на черновик.
Ты его почти не боишься.

- ется. Сколько его было, столько и есть. Кто-нибудь, вроде Быкова, наверняка может писать бесконечно, но я, увы, нет.
- Вы полагаетесь на вдохновение в своем творчестве. Кто-то из писателей сказал, что вдохновение – инструмент любителя, а профессионалы просто садятся и пишут.
 - Видимо, я остаюсь любителем. До сих пор, несмотря на свои четыре романа, я отчетливо это чувствую. Мне совершенно необходима – чтобы это занятие было оправданным – изрядная доля самообмана. Верить, что то, что я делаю, вообще кому-то нужно. А для этого необходимо вдохновение. Без сильного порыва вдохновения обмануть себя не получается. Это непростая задача.
 - Теперь, когда изданы книги, вы стали лауреатом «Ясной Поляны», вам, быть может, не нужно больше себя обманывать? Или по-прежнему думаете о том, как воспримут каждый новый текст?
 - Я не думаю о том, как воспримут новый текст. Я прекрасно осознаю, что мир без меня закончен и завершен, прекрасно без меня обходится своими проблемами, которые может обсуждать бесконечно. Для того чтобы «вдвинуть» в этот мир целую книгу длиной в 300 или 500 страниц, надо обладать уверенностью в том, что ты что-то такое наваял, что откроет людям глаза. У меня нечасто бывает такая уверенность. Эта уверенность – одна из функций вдохновения.
 - Вы говорили о том, что писатели больные люди.
 - Прямо так и говорил, «больные люди»?
 - «Писатель не совсем нормальный человек» – точная цитата. Как вы думаете, человек рождается, может быть, с уже измененной последовательностью нейронных связей, хромосом внутри себя? Каким-то внутренним отклонением, которое тянет его к листу... Ведь этот писательский зуд, как говорил Чехов, он неистребим.
 - Думаю, что кто-то рождается, кто-то культивирует это в себе. Я начал сочинять задолго до того, как начал что-то писать. Был таким сочинителем устных приключенческих сериалов в школьные годы. Откуда берется это стремление придумывать истории? Что-то наследственное в этом, безусловно, есть. В том возрасте не задумываешься, почему у тебя получается. Да и не стремишься к тому, чтобы получалось. Просто сочиняешь, да и все. Я думаю, это вопрос темперамента, прежде всего. А дальше от человека зависит, как его приспособить, этот темперамент. Естественно выбрать писательство, если ты больше ничего не умеешь, поскольку оно не требует каких-то специальных навыков, кроме ориентации в литературе.
 - Мне как раз кажется, что это бесконечно сложно – писать хорошие книги. Да, сейчас, в связи с тем, что есть Сеть, есть самиздат, появились сотни тысяч сетевых писателей, как они себя называют. Но мне кажется, что это все-таки очень-очень сложно – создавать хорошие тексты. Нет, я не соглашусь с вами, что писать просто.

- А я говорил, что просто?
- Вы говорите, что не очень сложно, если ты ничего не умеешь, кроме как ориентироваться в литературе.
- Я имел в виду, что это не требует специальных знаний, специальных технических умений.
- А как же драматургия, как же законы драмы?
- Я имел в виду технический аспект. Чтобы быть художником, нужно уметь нарисовать лошадку. Точнее, раньше нужно было – до появления акционистов и всевозможных пуссирайтов. Чтобы быть фотографом, надо владеть фотографической техникой, освещением. Для того чтобы быть писателем – я не говорю «хорошо писать», – ничего не нужно, кроме как уметь писать. А дальше уже зависит от ума и таланта.
- Можно ли этому научить?
- Раньше я считал, что нет, теперь я стал более трезво к этому относиться. Понял, что многим вещам можно научить, по крайней мере, упростив этим жизнь стремящемуся к писательству. Мне пришлось все узнавать на своей шкуре, пробиваться методом проб и ошибок, хотя особых ошибок не было. Моя первая же повесть была опубликована, даже хвалима. Возвращаясь к вопросу: в принципе, тут многое можно объяснить и многому научить. Другое дело, что нельзя научить стать талантливым писателем. Я говорю только о технической стороне вопроса: построение сюжета и так далее.
- Прилепин как-то сказал: «В нее [литературу] въезжают на двух лошадках: врожденный дар и мастерство. Одной, как правило, не хватает». Каково ваше определение дара, таланта?
- Сколько их было, желающих дать определение таланта... Теперь я уже примерно понимаю, что это такое. Талант состоит из двух вещей. Первое – это, конечно, темперамент, а второе – вкус к оригинальности, чутье на нее. Как у моего героя Короля из «Собирателя рая» есть чутье на антикварные вещи, так и должно быть чутье на то, чего нужно избегать. Этому можно научиться в какой-то степени, то есть развить это чутье. Я как-то сформулировал это таким образом: если сказано «а», то можно говорить все что угодно, кроме «б». Не должно быть этого примитивного логического следования одного из другого. Кому-то это дается от природы. Есть такие, кто сразу это понимает, но не факт, что сразу сможет это реализовать. И да – Прилепин абсолютно прав, – к этому нужны такие составляющие, как усидчивость и прочее занудство. Но главное, что изначально без этого чутья ничего не будет. Ничего интересного, скажем так. Написать-то можно много всего.
- Кормак Маккарти как-то сказал: «Все написанные мною книги стоят на фундаменте прочитанных мною книг». Писатели ориентируются на свой опыт. Кто-то говорит: «Я вырос в книжном шкафу, благодаря этому стал хорошо ориентироваться в том, что вообще такое литература». В вашем случае, насколько прочитанная литература помогла вам этот фундамент выстроить?
- Повторюсь, любимые писатели нужны только для того, чтобы от них отталкиваться и писать наоборот. Этот импульс «наоборот» очень важен. Мне этот импульс представляется почти синонимичным тому таланту, о котором я только что говорил. Я бы не сказал, что я вырос в книжном шкафу. Для меня как раз гораздо большее значение имел жизненный опыт. Поэтому я благодарен годам работы в московской адвокатуре, веселым 90-м и прочим жизненным подвигам, от которых я никогда не прятался. Вы процитировали Прилепина, по этому поводу я скажу пару слов о Захаре. Это единственный писатель, которому я завидую. Но завидую, конечно, вовсе не успеху и не

тому, что или как он пишет, хотя он часто отлично пишет – что-то лучше, что-то хуже, не берусь судить, мы работаем в разных областях литературы и, скорее всего, для разного читателя. Главное, я завидую его возможности поехать, к примеру, в Донецк, организовать там бригаду или воинское соединение, командовать им. Поступкам, которые мне в силу проблем со здоровьем просто уже не по зубам. А вообще, раз уж мы говорим о писательстве, то я как раз полагаю, что из книжного шкафа писатели не рождаются. Я думаю, что сейчас, в наше унылое время, для интересной литературы необходимо мужество. Мужество, жизненный риск, которые, кажется, остались в прошлом веке. Сейчас эти качества очень востребованы. Именно потому, что для них осталось мало места.

- **Например, опыт Хемингуэя?**
- Хемингуэй довел все это до некоторого идиотизма, я говорил, скорее, о Прилепине. Но опыт Хемингуэя близок к тому, о чем я говорю, да.
- **Что мешает вам сделать какие-то решительные шаги, которые обогатили бы ваш жизненный опыт?**
- Я это всегда и делал. Потом была травма. Я основательно поломался в 2009 году, с тех пор я уже не тот. Плюс мне 54 года. Будь я более целым и здоровым, я бы и сам поехал куда-нибудь. Может быть, не в Донбасс, но нашел бы куда.
- **Уместна цитата из романа «Собиратель рая»: «Когда прошлое перевешивает настоящее, это старость». Вы сказали также в одном из интервью: «Когда тебе перевалило за полсотни, видишь мало веселого в этой жизни».**
- Не совсем. Видишь не «мало веселого», веселое-то видишь. Но видишь и подлинное лицо жизни.
- **Вы сейчас находитесь в каком состоянии – ваше настоящее пока перевешивает прошлое?**
- Прошлое перевешивает уже давно.
- **А чем это обусловлено?**
- Этот перевес приходит с возрастом. Человеческий опыт ограничен, многое, раз уж ты не умер, переживается по второму, третьему, пятому разу. Переживания с каждым разом становятся все более блеклыми, в силу повторения. Самые острые переживания остаются в прошлом. До некоторой степени литература для меня – способ в какой-то степени вернуть молодость, пережить забытую остроту ощущений. В отличие от жизни, на бумаге эта острота ощущений не исчезает безнадежно. По крайней мере, имеет шансы сохраниться.
- **То есть вы пишете для того, чтобы сохранить и что-то зафиксировать для себя?**
- Нет, нет. Что-то открыть, понять непонятое. Заметить незамеченное.
- **Писатель, в таком случае, медиум, который раскрывает какие-то темы, которые важны для людей. Писатель – ключ, который пытается нащупать важные для человечества вопросы, как вы считаете?**
- Мне это не близко. Я не говорю о писателях вообще, я в состоянии говорить только о себе. Мне это не очень интересно – писатель как медиум общества. Я склонен решать свои собственные проблемы. И какими-то разными, иногда не совсем честными способами пристегивать их к общим темам.
- **Значит ли это, что писательство для вас некая форма психотерапии?**
- Нет. Пока у меня с психикой нормально, в психотерапии я не нуждаюсь. То, о чем я только что сказал, – способ открыть новое, сбросить налет повторяемости с жизни, достичь какого-то свежего опыта и свежего восприятия, не дать ему пройти незамеченным. Но момент анализа, конечно, тоже присутствует.

Я не думаю, что литература настолько влияет на ситуацию времени, чтобы чувствовать за нее ответственность.

- Вот вы сказали о повторяемости прошлого и о том, что оно блекнет. Мне кажется, уместно вспомнить цитату «Ностальгия – наркотик, отравивший кровь настоящего». Может быть, поэтому у нас так много ностальгической прозы, потому что многие писатели отравлены этим наркотиком? Как бы вы вообще охарактеризовали современную русскую литературу, она ведь действительно во многом очень ностальгична и действительно обращается к тем эпохам и временам, которые уже давно ушли.
- Я бы сказал, что «Собиратель рая» не ностальгический роман. Из того, что герои так или иначе подвержены ностальгии, как и многие люди их возраста или нашего возраста, совершенно не следует, что этому подвержен автор. Ностальгия здесь тематизируется. Но то, что во многих книгах присутствует перебирание деталей советского прошлого и соревнование, кто больше вспомнит, – я лично ничего против этого не имею. Это не мой случай, я совершенно этим не занят, наоборот. На примере Марины Львовны (матери Короля. – *Прим. ред.*) видно, что ностальгия – это болезнь. Человек в деменции – это человек, уже проглоченный ностальгией, человек, в котором она полностью победила. Сам Король зарабатывает на ностальгии, перепродает вещи с блошиных рынков. Так что он к ностальгии достаточно прагматично относится.
- Но, может быть, это внешний признак Короля? И если копнуть глубже и заглянуть в надтекстовый смысл и попытаться разобраться в истинной мотивации его поступка, это страх настоящего?
- Страх пустоты.
- А Король-то голый.
- Да, это страх пустоты. Необходимость прикрыться, насобирать вещей и из них сложить себя. Но это то, что я о своей книге и о себе хотел сказать. А что касается литературы – естественно заниматься прошлым в условиях мутности и невразумительности настоящего. Мы на 95 % состоим из прошлого, из памяти.
- А почему так, почему мы не можем зафиксироваться в моменте здесь и сейчас? Чем это обусловлено?
- Тем, что «здесь и сейчас» занимается журналистика. Литература занимается вещами поглубже, стремится проникать глубже, а чем глубже ты проникаешь в человека, тем больше там прошлого.
- Писатель Алексей Иванов сказал, что мы должны стремиться писать о герое нашего времени. «Географ глобус пропил» – это одна эпоха, «Ненастье» – это другой герой нашего времени. «Тобол» – третий герой совершенно иного времени. А вы, по-моему, как раз сказали, что о герое нашего времени писать не надо, если я не ошибаюсь.
- Отлично помню, как Король на рынке говорит: «Я тебе не герой вашего времени, не надейся на это. Мне это время не указ. Я ему ничего не должен». Дело в том, что это считается такой стереотипной писательской задачей – погоня за героем нашего времени. Я всегда и вполне сознательно описывал

- маргиналов, мне кажется, в них гораздо больше интересного можно увидеть, в том числе и в отношении современности.
- **Может быть, и есть это пророчество в писательстве, когда есть что-то, что становится характеристикой времени, в котором мы живем.**
 - Возможно, но специально гоняться за героем нашего времени у меня нет ни малейшего интереса. Пусть этим занимается писатель Иванов.
 - **Мы говорили сегодня о признаке времени, эпохи, в которой мы живем, отстранившись от литературы. Как бы вы его охарактеризовали, какое определение вы могли бы дать такому герою? Кто этот человек, какой он?**
 - Не знаю.
 - **Человек, живущий в Сети? Аватар?**
 - Я думаю, героев много. Они могут быть разными, в зависимости от взгляда автора, кого он захочет назначить героем времени. Просто имейте в виду, что «герой нашего времени» Печорин тотально враждебен своему времени и действует на Кавказе, то есть в совершенно другой стране. Вырубается из времени, выходит из него. И в последнюю очередь может рассматриваться в качестве «героя своего времени». Но Лермонтов так его назвал, и теперь мы так к Печорину относимся.
 - **При этом вы долго себя считали, боюсь за точность цитаты, писателем нишевым, с узкой аудиторией. Сейчас ситуация, безусловно, изменилась. Не считаете ли вы себя героем этого времени, человеком, который выступает неким проводником между читателем и текстом, который раскрывает читателю какие-то важные вопросы.**
 - Я не до конца понял вопрос, но могу сказать, что я себя героем времени точно не считаю.
 - **Но чувствуете ли вы ответственность за то, что вы пишете?**
 - Естественно, я чувствую ответственность с точки зрения качества текстов, которые пишу. Но не с социальной точки зрения. Я не думаю, что литература настолько влияет на ситуацию времени, чтобы чувствовать за нее ответственность.
 - **Коль скоро вы сказали о качестве. У Хемингуэя было такое неплохое определение, что у каждого писателя есть внутренний встроенный радар, и он назвал его, дословная цитата, «детектором дерьма». Этот внутренний радар позволяет писателю определять, что хорошо, а что плохо. Вы для себя как определяете, когда текст получается? Есть ли у вас этот радар, который вам позволяет сказать, что текст получился или не получился или что нужно переписать, переделать, переработать.**
 - Я довольно часто переделываю, перерабатываю. По-моему, это очевидные вещи практики письма. Что-то получается или не получается с точки зрения целого, которое держишь в уме, когда пишешь. Думаешь о том, что должно получиться в итоге, и ориентируешься на этот образ.
 - **Вам сложно редактировать свои тексты?**
 - Это не самая простая задача – что-то менять в уже сделанном, написанном. Я пишу довольно плотно. Может быть, в последнем романе это меньше выражено. Но первые два романа... Там все очень четко связано. Как только ты начинаешь что-то менять, возникает необходимость что-то еще изменить дальше, и так далее. Довольно непростая работа.
 - **Но на компромисс вы не пойдете? Если чувствуете, что где-то сидит какое-то сомнение, вы перепишите?**
 - Когда как. Кроме того, все равно важно сначала закончить, потом начать переписывать. С такой прагматической точки зрения я стараюсь подходить к работе с текстом просто потому, что не всегда удается закончить.

- Не все тексты, которые вы начинаете, удается закончить?
- Да, некоторые тексты я оставлял незавершенными.
- А чем это обусловлено? Интерес уходит, какой-то страх?
- Иногда разочаровываюсь в замысле, иногда просто не знаю, как заканчивать. Или я слишком рано взялся за тему, скажем, не придумав до конца, куда это должно меня вывести. Потом эти неоконченные отрывки могут пойти в какую-то другую работу.
- Вы говорили: «Мне интереснее наблюдать, чем участвовать». И вторая цитата: «Я занимаю в жизни позицию наблюдателя». Что вам такая позиция дает, помимо материала для книг?
- Это вынужденный выбор. У меня не хватает пороку участвовать. Я же сказал, что я завидую Захару, его пассионарности. Вот этого у меня, конечно, нет. Даже если я был более целый и менее поломанный, я бы не смог так участвовать, как он. У меня другой взгляд и другая позиция – но я с уважением отношусь к человеку, который так отважно демонстрирует свою публичную позицию и реализует ее. Я наблюдатель именно потому, что меня просто не хватает на то, чтобы участвовать, вторгаться в ситуацию. Либо, когда я это делаю, меня это обычно не устраивает. Я думаю, куда я влез, какого рожна мне все это нужно, сидел бы уж лучше, читал бы или писал.
- Публичность накладывает какую-то ответственность, какие-то обязательства на вас? Или вы сохраняете свободу?
- Я очень надеюсь сохранять свободу и в дальнейшем. У меня нет никакой особенной привычки к публичности, хотя после «Перевода с подстрочника» было довольно много интервью, но я не публичный человек. Говорить я готов о чем угодно, но я не говорящая голова, постоянно этим заниматься я бы никогда не стал.
- Есть границы, за которые вы не позволите никому другому переступить, какое-то ядро личности, которое будет известно только вам, которое никогда не выйдет в публичную плоскость?
- Да, конечно. Я даже думаю, 9/10 никогда не выйдет в публичную плоскость. Я об этом не собираюсь говорить.
- Но писательство – это в какой-то степени публичное обнажение все же.
- Это контролируемый процесс. Да, обнажение есть, но не в буквальном смысле, это обнажение души, а не гениталий. По книгам очень многое можно узнать о писательской душе, но не о его интимной жизни. Есть какие-то экстремальные случаи, вроде Лимонова, но я думаю, что и он наврал с три короба.
- Тот же Эдичка... Лирический герой, мне так кажется. Возникает ли в вас потребность поделиться своими переживаниями, страхами, сомнениями с кем-то? И кто те люди, к которым вы пойдете для того, чтобы вскрыть свои внутренние нарывы?
- Это тяжелый вопрос. У меня сейчас нет таких людей, к которым я бы пошел вскрывать свои нарывы. Но хуже то, что, как все нормальные люди, я довольно часто испытываю такую потребность. И вообще очень высоко ставлю эту возможность – говорить всерьез. Такие разговоры редки в нашей жизни. Более того, всякий раз, когда мне это удавалось, я потом чувствовал себя так, точно меня публично вырвало. Или не публично, но в компании. Это сложная и не до конца мною исследованная территория. Но, в любом случае, надо ценить моменты, когда такая возможность возникает, говорить о личном, выходить за рамки литературы. Это одно из редких благ этой жизни.
- Вы чувствуете себя одиноким человеком?
- Не так, как в юности, я человек женатый, и счастливо женатый.

- **А в юности почему чувствовали себя одиноким?**
- Потому что почти все себя чувствуют одинокими в юности. Кроме того, я же совершенно внесистемный. Существую вне литературного сообщества. Жил и существую вне контекста. И подозреваю, что останусь таким же.
- **Это ваша гражданская позиция?**
- Нет. Так сложилось. Но как-то, видимо, это соответствует мне, моему складу характера. Хотя часто мне не хватает литературного общения. Я юрист по образованию, я не кончал никаких филологических или литературных заведений. Я довольно мало вращался в литературных кругах. В молодости у меня была какая-то литературная компания, но все, с кем я начинал, уже сошли с дистанции. Давно причем сошли. А среди новых героев у меня знакомых почти нет.
- **А почему вы с этой дистанции не сошли?**
- Потому что мне доставляло удовольствие двигаться дальше. Потому что я рано и лихо начал. И до сих пор считаю (и так считаю не только я), что «Темное прошлое человека будущего» – мой самый радикальный роман. Как это часто бывает, первая попытка – самая удачная. Я не хочу сказать, что это самый удачный текст. Он неровный, но его ценители считают, что выше я так и не прыгнул. Раз уж мне тогда удалось, я решил, что надо продолжать. Почему не сошел? Потому что получалось. Чаше получалось, чем не получалось.
- **Но, тем не менее, это тяжелый путь? Или в нем есть определенная легкость по-прежнему?**
- Я думаю, что легкость – самое ценное, что есть в писательстве. Если бы она была постоянной – это было бы неинтересно. Я даже не очень завидую тем, кто пишет так, как, скажем, Дмитрий Львович Быков... Который раньше хватался, что может написать роман за две недели. Мне бы так не хотелось.
- **В таких скоростях нет искренности. Это мое субъективное мнение. Я не говорю сейчас о Быкове, я говорю в принципе о том, чтобы выдавать текст в год. Это же ваша цитата: «Роман в год – некая конъюнктура». Тексты, которые сделаны в угоду рынку. Там нет достоверности.**
- Нет, не соглашусь. Нет связи между этими понятиями.
- **Вы думаете? Ведь большой текст должен прорасти. Ему нужно время.**
- Это все метафоры. Искренность и время работы над текстом никак не связаны. Кроме того, я не думаю, что Быков неискренний автор. Я очень люблю его как поэта и недостаточно знаю как прозаика, чтобы на эту тему высказываться. Набоков написал первый набросок «Приглашения на казнь» за две недели. Тоже далеко не самый искренний писатель. И в то же время это пронзительно искренняя вещь. «Приглашение на казнь» – одна из его несомненных вершин. Правда, перерабатывал текст Набоков еще долго. Но он сам писал, что первый вариант был написан за две недели, в порыве ураганного вдохновения. Ключевой вопрос именно во вдохновении. На кого-то оно изливается водопадом, а на кого-то – в час по чайной ложке. Важно, чтобы оно в принципе было.
- **Что мешает вам войти в писательские круги и общаться со всеми писателями? Вы хотите или не хотите? Чувствуете дистанцию? Вам не интересно?**
- Сложно сказать. Во-первых, чисто технически, да, я уже в том возрасте, когда люди моего возраста разошлись поодиночке. Потом, я живу не в Москве. Специально ездить на встречи... С кем-то я бы с удовольствием общался. Я не хочу сказать, что я живу затворником. Так сложилось. Я даже не знаю, существуют ли эти круги. Раньше был ЦДЛ, где все встречались, и напивались, и делились на либералов, патриотов, славянофилов и западников. Сейчас

я просто не знаю таких мест. С тем же Быковым мы несколько раз виделись в московской рюмочной. Теперь она закрылась.

- **Как ваша жизнь изменилась за последний год? С момента, может быть, объявления лауреатом «Ясной Поляны»?**
- Посыпались предложения взять у меня интервью. Но так обычно и происходит, когда книга попадает в финал какой-нибудь большой премии. Точно так же было с «Переводом с подстрочника», когда он был в шорт-листе «Большой книги». Первые два романа я просто не выдвигал ни на какие премии.
- **Это было осознанное решение?**
- Это результат того, что я существую вне литпроцесса. Мне казалось, что эти романы настолько хороши, что меня должны найти и открыть. Мне казалось, что еще немного – и я буду европейским писателем, нормальным европейским писателем, как те, на ком я вырос. Потому что никаких сомнений в том, что роман хорош, не было. Им восторгался даже такой человек, как Анатолий Найман, которому мало что нравится. Я и сейчас не сомневаюсь, что это хороший роман, но этот роман не переведен ни на один язык.
- **Может быть, время еще не пришло?**
- Агентства, когда выходили на меня, сказали, что для перевода нужно несколько романов. К тому времени, когда я закончил второй, агентства уже не стало. Потом второй роман издали так, что он прошел мимо читателя. Я надеюсь, что после победы в «Ясной Поляне» тексты переиздадут. Несколько тиражей вполне могло бы разойтись. Другое дело, что миллионов на мне не сделаешь.
- **У вас есть какая-то обида на эту русскую действительность? Потому что быть писателем в России не самое завидное дело, это не в Америке.**
- Да нет. Во-первых, я не думаю, что быть писателем настолько уж хорошо в Америке. Там точно такая же, даже более ультимативная, чем здесь, ставка на успех. Как раз в России есть ниша непризнанного, незамеченного модерниста. Благо их столько было. Самые лучшие писатели, по крайней мере, в XX веке, были признаны после смерти. Всегда себя можно этим утешить.
- **Можно это назвать неким андеграундом?**
- Да, конечно. Мой любимый роман Маканина – «Андеграунд». Такая ниша очень удобная, уютная, в ней можно просидеть всю жизнь, и никакой обиды, все довольно. Я очень рад, что я из нее выбрался благодаря Елене Шубиной и мне не приходится в ней сидеть. Все-таки книги выходят. И раньше выходили. Были хорошие отзывы – от того же Наймана и еще некоторых людей, чьему мнению я доверяю. Ведь сам автор не знает, насколько книга получилась. От этих людей я знал, что все мои четыре романа хороши. Хотя бы только по плотности языка это довольно редкие тексты. Конечно, они заслуживали быть переведенными хотя бы на несколько европейских языков. Но нет так нет.
- **Вы, кстати, сказали, что удача или неудача не зависит от того, сколько у тебя болельщиков. А от чего она зависит?**
- Я имел в виду не жизненную удачу, а удачу текста.
- **Считаете ли вы себя удачливым писателем?**
- Да, конечно. Не в плане больших тиражей, а в том, что я написал четыре романа. Кое-что я бы поправил во втором – «Персонаже без роли», – если бы его наконец сподобились переиздать.
- **«Писать я хочу, минимально идя на компромиссы» – ваша цитата.**
- Совсем не идти на компромиссы – значит залечь в глубоком андеграунде.
- **Сложно ли сохранять эту грань: чуть пойти на компромисс и при этом оставаться собой?**
- Нет. Среди моих любимых писателей в основном те, кого читать интересно. Не важно, сюжетная или бессюжетная проза, но она держит читателя. На мой

- взгляд, читатель не должен читать книгу, ориентируясь только на авторитет автора. Рынок – не вредная вещь в этом отношении, она как-то фильтрует тексты. Иначе мы были бы похоронены перед многотомными романами жизни, вроде Пруста, и никогда бы из-под них не выбрались.
- **Ваша писательская судьба сильно изменилась после того, как вы стали издаваться у Елены Шубиной?**
 - В плане заметности да. Первая же книга, которая вышла у нее, сразу же оказалась в шорт-листе премии «Большая книга». Естественно, она что-то для этого делала, за что я ей бесконечно благодарен. Конечно, это многое меняет. Все-таки эта жизнь в андеграунде, она возможна... Но приятного в ней мало. Гораздо больше энергии уходит на оправдание для себя такой жизни, чем на признание, интервью и так далее. Хотя это, конечно, тоже отбирает и время, и силы.
 - **Но вам это льстит – внимание?**
 - Вначале льстило, теперь я уже понимаю, что такая позиция, которую занял, предположим, Сэлинджер...
 - **Затворничество вы имеете в виду?**
 - ...В ней нет ничего героического, наоборот, совершенно естественная, напращивающаяся позиция автора сверхпопулярной книги, которой является «Над пропастью во ржи». Прекрасно понимаю, что его настолько достали желанием с ним общаться, что Сэлинджер естественным образом закрылся.
 - **А может быть, Сэлинджер боялся, что он не создаст, так и получилось, ничего более сильного и великого, чем то, что сделал? Боялся, что он писатель одной книги?**
 - Это не так. Он не писатель одной книги. Он написал четыре или шесть повестей, рассказы, а кроме того, он написал два законченных романа, пять рассказов и, по-моему, комментарий к какой-то индусской книге.
 - **В сознании массового читателя он – писатель одной книги.**
 - Просто следующие романы, те, которые он написал в своем затворе, еще не изданы. Сэлинджер завещал издать их через двадцать лет после смерти. Существует фонд Сэлинджера. Они сказали, что лежит два больших законченных романа. Ждем.
 - **А вам в этом андеграунде, когда вы там сидели, было тяжело? Отчаяние не накатывало? Хотелось еще чем-то заняться? Возможно, приходили мысли, что вы вообще идете какой-то не той дорогой?**
 - Нет. У первых книг, особенно у «Темного прошлого...», было признание. Пусть это было признание нескольких человек – может быть, сотни... Но я знал несколько десятков человек, и это были люди, чьему мнению я доверял. Благодаря чему я был уверен, что книга удалась.
 - **То есть этого было достаточно?**
 - В принципе, нет. Достаточно для того, чтобы принять свое положение и писать дальше. Никаких серьезных сложностей с этим не было.
 - **Кстати, к вопросу о побеге от реальности. У вас была такая цитата: Кыштырбастан – это такая страна, куда я сбегу, когда мне не найдется места в этой реальности. А вы вообще пытаетесь от нее сбежать или, наоборот, сейчас, может быть, когда эта реальность вышла к вам навстречу, вам с ней больше захотелось познакомиться?**
 - Не то чтобы раздача интервью – способ познакомиться с реальностью, и не то что я не был с ней знаком до того. Пытаюсь ли я уйти от нее? Нет. Когда я три года работал в адвокатуре, занимаясь защитой по уголовным делам, я неплохо был знаком с нашей реальностью, причем с такими сторонами, которые не каждому открываются. Симпатия к этим сторонам жизни во мне

осталась. Остался интерес. Просто на какое-то время надо закрываться, чтобы работать. Поэтому я начал всерьез писать, оказавшись в Германии. Когда расстаешься с Россией, создается нужная дистанция от этой жизни. А потом снова начинаешь скучать.

- **Когда вы пишете какой-то большой текст, вы скучаете по реальности? Вы же, наверное, по-прежнему закрываетесь?**
- Да, да. Точная ремарка.. Мы с Шамилем Идиатуллиним об этом говорили. Он вспомнил, что самое тяжелое для него усадить себя за стол и начать писать.
- **Шамиль говорил мне, что он ленивый писатель. Пытается до последнего момента не писать, оттягивает до последнего момента и только когда уже не может не написать текст, садится и начинает писать.**
- При этом он восемь романов написал. В любом случае, мне это знакомо. Действительно, запереть себя и заставить писать по молодости было одной из главных проблем. До какой-то степени и сейчас ты понимаешь, что пока ты жил в Кыштырбастане, пока писал об этих стариках на рынке, действительность благополучно уходит, и ты уже плохо в ней ориентируешься, плохо понимаешь, что происходит вокруг. Но довольно быстро это чувство восстанавливается, хотя тут нагрянула эта чертова пандемия, и все боится общаться, попрятались по своим дырам, и это меня тоже раздражает со страшной силой.
- **У вас осталась неуверенность в себе, несмотря на тот успех, который у вас есть? Когда вы садитесь за текст, есть ли какой-то страх, что он может не получиться?**
- Ты тогда и садишься, когда чувствуешь некий, довольно сильный импульс. Ты свел какие-то узлы замысла, открыл какие-то ходы. И как раз этот самообман действует на полную катушку. Верить, что ты сейчас создашь нечто существенное.
- **Надолго хватает этого самообмана?**
- В идеале – до конца. Собственно, он продолжается всю жизнь. Я не думаю, что моя книга непременно самая лучшая. Но я думаю, что мои романы достаточно своеобразны, чтобы претендовать на свое место во времени.
- **Так думают и члены жюри престижных премий.**
- Хорошо, что тут мы с ними совпадаем.
- **Не возникает ли у вас раздвоение личности – между Евгением Чижовым, который не пишет, и Евгением Чижовым, который пишет. Это два разных человека, один и тот же человек?**
- Все-таки один и тот же. Есть такая прекрасная формула Флобера, помогающая справиться с гипертрофированным самолюбием: «Я писатель, когда сижу за письменным столом». Но я добавлю: и не только тогда. Писатель – это наблюдатель. А наблюдать мне свойственно всегда.
- **То есть вы все время писатель?**
- Мой письменный стол не имеет границ.
- **Как близкие относятся к тому, что вы делаете?**
- После того, как стали выходить книги, относятся хорошо.
- **От каких граблей вы хотели бы уберечь молодых писателей, на которые вы наступили в своей жизни?**
- Я не думаю, что я на много граблей наступил. Я бы, наоборот, советовал побольше наступать на грабли и делать выводы из ударов лбом. Посоветовать быть осторожнее? Нет, я бы так не сказал. Писатель должен рисковать, наступать на грабли. Просто он не должен тащить все это на бумагу и описывать все свои жизненные опыты. Так что молодым писателям совет таков: пусть бьют свои лбы, это на пользу. И еще детей не нужно много рожать, это

главное, что могу сказать. Потому что дети не должны отмучиваться за родительские грехи.

- **И напоследок спрошу: что изменилось в вас с момента выхода первого романа?**
- С возрастом ты становишься все менее подвижным, все больше увязаешь в себе, и в какой-то момент твой текст, творчество становится самым доступным способом от себя сбежать и открыть для себя что-то новое. В какой-то степени это прорыв обратно в молодость, возвращение в молодость, когда это удается.
- **Может быть, это возвращение к себе?**
- У меня нет уверенности в фиксированной человеческой идентичности. Кайф литературы, кайф открытия, изобретения в том, что ты открываешь нечто совершенно новое в себе, уходишь прочь от старого.
- **Получается, это писательский путь. Приходишь в книгу одним человеком, выходишь из нее другим человеком.**
- В идеале да. У меня есть статья об этом, довольно удачная, на мой взгляд: «Ситуация писателя: свой среди чужих, чужой среди своих». Висит у меня на сайте и вышла в яснополянском сборнике и еще в какой-то газете... Там есть о выходе за рамки идентичности. Писатель становится тем человеком, который создал новую книгу, книга дает ему новую идентичность. В удачном случае – когда она идет в народ и становится хоть сколько-то востребованной.
- **Текст создает писателя.**
- Да, шикарные слова. Мой первый и самый лихой роман «Темное прошлое человека будущего» заканчивается тем, что герой говорит своему автору: «Это не ты меня создал, это я тебя создал и сделал тем, кто ты есть».



НАША ПОБЕДА

СООБЩЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ

ЯН КАРСКИЙ. «Я СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ ПЕРЕД МИРОМ:
ИСТОРИЯ ПОДПОЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА» (CORPUS, 2012)



МИХАИЛ БУТОВ
Писатель, литературовед,
критик. Лауреат премии
«Русский Бунер». Замести-
тель главного редактора
журнала «Новый мир».

1 сентября 1939 года двадцатипятилетний подпоручик конной артиллерии Ян Козелевский (Ян Карский – его последний подпольный псевдоним, на Западе он оставит в качестве официального имени) встретит в Освенциме. Это название еще не связано намертво с лагерем уничтожения, это просто место на польско-немецкой границе, и здесь произошли яростные танковые атаки первого дня Второй мировой войны. Будущий Карский изучал дипломатию, уже работал в МИДе, но еще прежде окончил конно-артиллерийское училище. Неделями раньше в Варшаве он получил секретный приказ о мобилизации – и был отправлен в расположение своего полка. О том, что высшее командование ждет нападения, младшим офицерам не сообщали. Все догадывались, но надеялись на лучшее.

17 сентября остатки разбитой и практически небоеспособной армии движутся к восточной границе – и тут становится известно, что на территорию Польши вступила Красная армия. В тот же день происходит встреча. Советская пропаганда – радио, громкоговорители – всячески подчеркивает, что в поляках не видят врагов, а пришли с целью взять под защиту украинское и белорусское население и призывают присоединиться к «русским братьям» – но, как выясняется позже, предварительно сдав оружие. У польских военных нет выбора, но попадают они в итоге не в казармы для перефор-

мирования, а в лагерь. Издевательств здесь нет, но есть нехватка еды, тяжелая работа – традиционный лесоповал, враждебное отношение местного населения, поскольку все «польские паны» считаются фашистами. Некоторое время спустя немцы и русские договариваются об обмене пленных – те, что из территорий, которые теперь приписаны рейху, должны отправиться в рейх, и наоборот. Но только солдаты, не офицеры. Карский меняется формой с другим заключенным и переезжает в немецкий лагерь – весьма вероятно, избежав таким образом Катыни.

Разницу между русским и немецким лагерями Карский чувствует сразу – здесь к пленным относятся как к скоту, в ходу любое унижение, физическое насилие – обыденность и жизнь не стоит ничего. Но Карскому удается бежать при транспортировке на новое место, на ходу выпрыгнув из окна вагона. Он благополучно добирается до Варшавы и уже через несколько дней, связавшись со старым другом, примыкает к подполью.

В собственно боевых операциях он участия не принимает, его обязанности с самого начала – курьерские. Одно из первых заданий – попытка установить связь с польским подпольем в советском теперь Львове – оканчивается ничем, ГПУ куда серьезнее гестапо, здесь подпольщикам особо не развернуться и они боятся любых контактов, пред-

полагая провокацию. Затем он отправляется во Францию – сообщить польскому правительству в изгнании (после захвата Франции оно переместится в Лондон) о реальном положении дел в Польше. Собственно, именно после этой его миссии начинается успешная работа Делегатуры – представительства правительства на оккупированной земле. Карский постоянно подчеркивает, что основной задачей польского подполья было именно сохранение даже в таких условиях дееспособного польского государства – и эта задача выполнялась вплоть до того момента, когда Сталин назначил для Польши коммунистическое правительство.

При следующей попытке перехода границы Карский в Словакии попадает в гестапо, проходит через пытки и собирается покончить с собой, но его переправляют в Польшу, и тут прямо из больницы у него получается связаться с подпольщиками – и ему устраивают побег. Отсидевшая некоторое время в горном имении, начинает заниматься также и пропагандистской работой, он описывает своеобразные, но действенные ее приемы.

В конце 1942 году Карского, к тому времени уже не просто курьера, а, как ни странно это звучит, своего рода чиновника в подпольном государстве, отправляют в Лондон, чтобы он сообщил о положении дел и польскому правительству в Лондоне, и высшим английским властям. Как работают в подполье государственные и политические структуры, включая парламент, печать, даже школы, – он знает из собственного опыта. Но перед отъездом ему устроили встречу с двумя людьми, в прошлом влиятельными лицами в еврейской общине, которые возглавляли еврейское сопротивление. Оба они находились в глубоком отчаянии. От них Карский узнает о готовящемся в гетто восстании, обреченность которого всем заранее ясна. И еще – впервые узнает о массовом истреблении евреев в Польше – и слышит цифры, в которые трудно поверить. Уже уничтожено более трехсот тысяч. Остается разве что четверть от прежнего их числа.

Карскому предлагают рискованную экскурсию в гетто – чтобы увидеть вещи своими глазами. Здесь он становится, помимо прочего, свидетелем охоты – ребята из гитлерюгенда на улицах ради удовольствия отстреливают людей. Для того чтобы он глубже прочувствовал происходящее, ему устраивают и более опасную вылазку – в лагерь смерти.

Лагерь расположен не слишком далеко от Варшавы, охраняют его украинцы. За соответствующую плату он получает форму охранника и его проводят через ворота – сами украинцы говорят ему, что

за нормальные деньги тут можно и еврея выкупить. Однако большинство выкупать некому. Прогрессивные технологии уничтожения людей, «душевые» и «Циклон Б» в этот не самый крупный лагерь не добрались. Но пытливая немецкая мысль и без них нашла оптимизирующее процесс решение. Голых людей плотно набивали в товарные вагоны, в которых пол был покрыт слоем негашеной извести. После чего вагоны просто отгоняли в поле, в тупик. Через сутки имели надежный, гарантированный результат. Карский наблюдал только процесс погрузки – с обычными эсэсовскими шутками-прибаутками и стрельбой в толпу. И ему хватило. Он долго не мог прийти в себя, собраться с силами и уехать обратно в Варшаву из дома неподалеку от лагеря, где встречался с проводником и переодевался.

Информация из Польши представляет ценность. В Лондоне у Карского продолжительная и плотная программа – он встречается не только с деятелями польского правительства, но и со многими западными политиками, готовит доклады, однако встречи с Черчиллем так и не происходит. Лондон – центр огромной, практически всемирной военной машины. Карский признается, что отсюда и участь поляков в оккупации, и вклад польских военных в ведущую войну выглядят совсем иначе, чем в Варшаве. Трудно заподозрить его в симпатии к русским, и все же он задается вопросом: могли ли жертвы, которые выпали на долю поляков, сравниться с беспримерными страданиями и беспримерным героизмом русского народа? И он опять возвращается к мысли: главное, в чем суть, отличие и достоинство именно польского сопротивления, – сохранение и поддержание в самых жестких условиях структуры и функций собственного государства.

Карский просится обратно в Польшу, но его отправляют дальше на Запад – с США – с тем же заданием, и здесь ему удается даже встретиться с президентом Рузвельтом (на этом моменте и кончается книга). Польское лондонское правительство думает о времени освобождения своей страны, рассчитывает на помощь Англии и Америки (как бы забывая, что точно так же рассчитывала на помощь западных держав, обещанную договорами, и в 1939-м). Думает и о месте Польши в структуре послевоенной Европы. Обсуждаются – с надеждой на лучшие варианты решения – и будущие отношения с Советским Союзом (ведь даже знаменитое трагическое варшавское восстание в 1944-м одной из целей имело просигнализировать, что Польша готова бороться с немцами вместе с Красной армией). Но Тегеранская конференция, где, в сущности, будет определена полити-

ческая судьба Польши, уже не за горами, и Карский чувствует, что его послание Западу вряд ли что-то изменит, в лучшем случае – принято к сведению.

А вот с сообщением об участии евреев происходит именно то, что после войны будет сложно, трудно осмысливать антропологи и философы. Оно не помещается в картину мира, не укладывается в базовые мировоззренческие представления – и потому практически никем не воспринимается, возникает своего рода ситуация ложной слепоты. Трагический эпизод – встреча в Лондоне с представителем еврейских социалистов в польском правительстве. Карский просто рассказывает ему все, чему стал свидетелем. И через некоторое время узнает, что тот покончил с собой, потому что ничего не смог сделать для своих соотечественников. Отравился газом.

И все же, и все же... Самое первое сообщение о массовом уничтожении евреев было сделано в Швейцарии членом Всемирного еврейского конгресса Ригнером, но в Америке его подвергли сомнению, попросту – сочли выдумкой, еврейскими преувеличениями. Сообщение Карского тоже практически не услышано, но подозрений в «преувеличении» оно уже не вызывает.

Новая задача, поставленная Карскому, – создание художественного фильма о польском сопротивлении. Кроме того, он должен выступать с лекциями и писать статьи в польскую, американскую и европейскую прессу. Однако Голливуд не был особо настроен снимать про поляков, денег не было, дело не трогалось с места. И тогда Карский получил совет написать книгу. Его имя было на слуху, издатель быстро нашелся. И вот за два месяца, прерываясь только на сон и еду, он пишет польский текст «Истории подпольного государства». Еще два месяца уходят на перевод и редактуру. С издателем не все просто. С одной стороны, от автора требуют, чтобы сам он изобразил себя погероистей и проакцентировал «приключенческую» сторону подпольной жизни в ущерб идейно-политическому материалу. С другой – некоторые моменты представлялись драматизированными и сочиненными, что оскорбило Карского, и для разрешения ситуации понадобилось письмо за подписью польского премьер-министра: подлинность всего изложенного Карским удостовералась от имени Польской республики. Наконец, из книги вырезали главу об участии в сопротивлении коммунистов и об отношении советских к польскому подполью (а уже в июле, после совместных действий Армии Крайовой и Красной армии по освобождению Люблина, вышедшая из подполья Делегатура была

арестована – и теперь лагерь Майданек принимал новых заключенных, а в Люблине расположился соборный в Москве Польский комитет национально-го освобождения, который теперь, при поддержке русской армии, должен был считаться единственной законной польской властью). С русскими сейчас на Западе никто ссориться не хотел. Все, что от этой главы осталось, – короткое объяснение в эпилоге: «Польским подпольным государством, которому я служил, руководило лондонское правительство в изгнании. Мне известно, что, помимо наших структур, существовали другие организации, действовавшие по указаниям или под влиянием Москвы. Но поскольку я писал лишь о том, чему сам был свидетелем, то не стал упоминать о них в книге».

Книга вышла в конце ноября 1944-го, еще раньше отрывки из нее были напечатаны в журналах, например, мощнейшая глава о женщинах-подпольщицах – в женском гламурном, как сказали бы сегодня, Harper's Bazaar. Уже в декабре ее признают лучшей книгой месяца, общий американский тираж достиг 360 тысяч.

В принципе, он пишет пропагандистскую книгу. Она должна послужить совершенно определенной цели, и он даже постоянно советуется по разным вопросам с людьми из польского правительства. Но абсолютная правдивость, на которой Карский настаивает, делает ее чем-то куда большим, ставит в ряд самых пронзительных и насыщенных текстов о Второй мировой. И кратким пунктиром событий, которые пересказаны в этой заметке, она, конечно, не исчерпывается. Ну, например, она полна уникальных подробностей о существовании и деятельности подполья, часто удивительных. Карский, например, говорит о том, что подполье – не только какие-то боевые и диверсионные действия, но и мощный бюрократический аппарат, который должен согласовывать эти действия и обеспечивать, например, финансами (вот, кстати, как это было устроено у отечественных подпольщиков – где бы прочитать?). Что у него в какой-то момент была в Варшаве просто контора, офис с секретаршами, причем они даже не выдавали себя за какую-нибудь фирму. Что, в принципе, жизнь подпольщика была в чем-то даже безопаснее жизни обычного горожанина – ведь у него были качественно изготовленные документы, деньги, продуманные городские маршруты. Однажды в Варшаве немцы устроили грандиозную облаву, забрали десятки тысяч человек, и многие из них потом отправились в лагерь или вообще были расстреляны – по разным подозрениям. В облаву попали сотни подпольщиков – и все были

отпущены, подозрений не вызвали. Впрочем, если заглянуть в справочный отдел книги, это утверждение Карского вызывает некоторые сомнения. Почти каждая биографическая справка на упомянутых им участников подполья кончается гестапо.

Увы, успех сам по себе долго не держится – особенно американский. В июле 1945 года Англия и США признали польское коммунистическое правительство. Теперь деятельность Карского становится бессмысленной. Он на некоторое время едет в Европу, а вернувшись в США, видит, что его, в общем-то, уже забыли (хотя в Европе книга будет довольно активно переводиться на разные языки в первые послевоенные годы – и само название последней главы «Я свидетельствую перед миром» выносится на обложку именно во французском издании). Переживание полного поражения нанесло ему тяжелейшую травму. Через несколько лет он получил докторскую степень по политологии – и затем преподавал в Джорджтаунском университете. Кто он и что с ним было в прошлом, там знал только ректор. Он женился на своей давней, еще довоенной лондонской знакомой, польской еврейке – и у них был уговор вообще никогда, ни при каких условиях не вспоминать, не говорить о войне.

В 1977-м Карского нашел Клод Ланцман, режиссер знаменитого фильма «Шоа», восстановившего память о холокосте. И волей-неволей Карский возвращается в публичное поле – как человек, первым рассказавший о холокосте миру. В последние двадцать лет жизни ему присуждают немало титулов и наград, он выступает на влиятельных международных собраниях. Еще при Ярузельском в Польше снимают запрет на упоминание его имени, но вот первое польское издание книги отчего-то появляется лишь в 1999 году.

«Когда окончилась война, – сказал Карский в выступлении на Международной конференции освободителей узников нацистских концлагерей в 1981 году, – я узнал, что ни правительствам, ни политическим лидерам, ни ученым, ни писателям ничего не было известно о судьбе евреев. Все они были удивлены. Убийство шести миллионов невинных людей прошло для них незамеченным... В тот день я стал евреем. Я еврей-христианин. Еврей-католик. И не считаю ересью свое убеждение в том, что человечество совершило второе грехопадение: одни – исполняя приказ, другие – не обращая внимания, одни – не желая знать, другие – оставаясь равнодушными, одни – из эгоизма или лицемерия, другие – по холодному расчету. Этот грех будет преследовать людей до конца света. Он преследует и меня. И это справедливо».

История отношений нашей страны и Польши в предвоенные и военные годы – точно не то, чем нам следует гордиться (пускай сегодня уже видна вынужденность многих из принятых тогда решений и заключенных договоров). Но как бы там ни было, в конце концов мы боролись против общего врага. Карский, подвергавший себя риску подпольщик, оказался и участником очень одинокого сопротивления – когда его голос продолжал звучать там, где его по тем или иным причинам не слышали (возможно, не могли услышать), либо распространялся в среде, уже заведомо пораженной предательством (даже если оно называется умной политикой). Как всякая подлинная трагедия, это – для всех людей. Значит, и наше.



САМАЯ ЧЕСТНАЯ КНИГА О ПОСЛЕВОЕННОМ СССР

ДЖОН СТЕЙНБЕК. «РУССКИЙ ДНЕВНИК.
ФОТОГРАФИИ РОБЕРТА КАПА» («ЭКСМО», 2017)



АННА МАТВЕЕВА
Родилась в Свердловске. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Первые публикации появились в середине 90-х годов. Автор множества книг: «Заблудившийся жоней», «Па-де-трау», «Перевал Дятлова, или Тайна девяти» («лучшая

вещь в русской литературе 2001 года», по мнению Дмитрия Быкова), «Небеса», «Голев и Настро», «Найти Татьяну», «Есть!», «Подожди, я умру — и приду», «Девять девяностых», «Завидное чувство Веры Стениной», «Призраки оперы», «Лолотта», «Горожане», «Спрятанные рени». Лауреат премий Lo Stellato (Италия),

журнала «Урал», премии имени Бажова, финалист российских литературных премий — имени Белкина, Юрия Назанова, «Большая книга», «Национальный бестселлер», Бунинской премии и др. Произведения переведены на итальянский, английский, французский, чешский, китайский, финский, польский языки.

Читаемый-почитаемый в СССР американский классик не так уж часто упоминался тогда в связи с другой своей ипостасью – военного журналиста, а ведь была эта ипостась весьма значимой. Стейнбек, как многие пишущие по живому авторы, доверял только своим глазам, ушам и прочим органам чувств, потому и писал о бомбардировках Лондона или солдатах, ожидающих высадки с корабля в Дувре, не по чужим рассказам. Но об этой стороне творчества нобелевского лауреата говорить в СССР было не принято.

Зато о том, что Стейнбек вроде как пламенный коммунист и потому так любим по нашу сторону железного занавеса, знали все. А между тем, готовя к публикации свое самое известное произведение – «Гроздь гнева», – писатель всячески подчеркивал, что книгу эту нельзя считать коммунистической пропагандой. Он потребовал, чтобы на форзаце появились слова «Боевой гимн Республики» именно для того, чтобы подчеркнуть: роман не коммунистический, а патриотический, потому и название для него взято из американской патриотической песни («Я увидел, как во славе сам Господь явился нам, / Как Он мощною стопой гроздь гнева разметал»).

Но от слухов так просто не откреститься, прошлое веточками не закидаешь... Никого не волновало, что социалистические симпатии Стейнбека уже к концу 1930-х сошли на нет, что в книге «И проиграли бой» действуют, мягко говоря, не самые симпатичные коммунисты. Да, ФБР подозревало Стейнбека и его соавтора по «Русскому дневнику» Роберта Капу, о котором ниже, в симпатии к красным, но при этом сами красные дали писателю и фотографу разрешение на въезд в СССР! В нелегкие послевоенные годы, уже омраченные Фултонской речью Черчилля и предчувствием холодной войны, пребывающий в депрессии Стейнбек и его соавтор Капа оценили этот шанс по достоинству.

«Русский дневник» описывает 40-дневное путешествие двух американцев по СССР, начавшееся 31 июля 1947 года и завершившееся в середине сентября. Этакий «Одноэтажный Союз» с картинками, а точнее, с поразительными фотоснимками, которые мог сделать только Капа.

Настоящее имя фотографа, отправившегося в СССР вместе с Джоном Стейнбеком, – Эндре Эрне Фридман. Выходец из Венгрии, самый известный в истории военный фотокорреспондент, он прославился фотографией падающего солдата, сраженного пулеметной очередью во время Гражданской войны в Испании, и множеством других работ. Капа наблюдал японское вторжение в Китай и снимал высадку союзников в Нормандии, он буквально преследовал главные войны столетия – и одна из них все-таки свела с ним счеты... Капа подорвался в Индокитае, на наземной mine, когда ему не было еще и сорока пяти лет.

Стейнбек, прощаясь с другом, скажет о нем почувствованные слова: «Он мог сфотографировать движение, веселье и разбитое сердце. Он мог сфотографировать мысль. Он создал свой мир, и это был мир Капы. Посмотрите, как он передает бескрайность русского пейзажа одной длинной дорогой и одинокой фигурой человека. Посмотрите, как его объектив умеет заглядывать через глаза в душу человека».

Путешествие в послевоенный Советский Союз стало для Капы и Стейнбека, испытанием... прежде всего терпения!

Идея отправить писателя и фотографа в земли будущего врага принадлежала New York Herald Tribune, и Стейнбек тут же ухватился за эту возможность обеими руками. В семье у него давно не ладилось, новые произведения не вызвали у публики бурных откликов, кризис подступал со всех сторон, реальность паясничала, быт заедал... И вдруг – СССР, не хотите ли поехать, посмотреть, как они там справляются после войны?

«Я наконец-то понял, что я мог бы сделать в России, – признавался своему дневнику Стейнбек. – Я мог бы написать подробный отчет о поездке. Путевой дневник. Такого никто не делал. А это одна из тех вещей, которые людям интересны, и это то, что я могу сделать, и, наверное, сделать хорошо».

Безработный по причине внезапного окончания всех войн фотограф Капа охотно присоединился к Стейнбеку, и друзья принялись готовиться к поездке, выслушивая мнения окружающих об СССР и России, о странных людях Страны Советов.

«– О, эти русские, – рассказывал нам один таксист. – У них мужчины и женщины купаются вместе, да еще и голыми.

– Да ну?

– Да точно. А это так аморально!

При дальнейших расспросах, правда, выяснилось, что человек прочитал заметку о финской бане. Но он сильно переживал, что именно русские так себя ведут».

Стейнбек бывал в СССР до войны, с первой женой Кэрол. Тем интереснее ему будет увидеть Союз теперь.

Летели до Стокгольма, потом через Хельсинки и Ленинград добирались в Москву.

За сорок дней пути Стейнбек и Капа если и убедились в чем точно, так это в том, что «простые русские – такие хорошие люди». Все остальное, увиденное ими и услышанное, сложно было определить столь же однозначно, ведь только слепой и глухой не распознал бы того, что от гостей пы-

тались скрыть. За ними постоянно присматривали, строго следили, чтобы не случилось отклонений от маршрута, писали подробные отчеты об американцах «наверх» (Капа нравился наблюдателям больше, чем Стейнбек, – они находили фотографа более толерантным и дружелюбным). Из окна гостиницы Капа снимал понравившегося ему мастера по ремонту фотоаппаратов, а тот «мастер», как выяснилось позже, фотографировал его.

Около 4000 негативов Роберт Капа привез из СССР, несколько сотен страниц путевого дневника исписал Джон Стейнбек. Москва, Киев и Тбилиси – традиционный, выверенный маршрут иностранцев того времени, «водочное кольцо», как выразилась в предисловии к «Русскому дневнику» Сьюзен Шиллинглю, специалист по творчеству Стейнбека. Но этим американцам удалось побывать еще и в Сталинграде.

Их не бросают в одиночестве – напротив, окружают вниманием и чрезмерной заботой. Кормят, поят, развлекают, вот только действительно важных вещей не показывают, на главные вопросы отвечают общими словами, и еще приходится постоянно ждать – то позволения покинуть Москву, то нужного человека, то разрешения на фотосъемку – особенно если собираешься снять что-то сомнительное (с точки зрения хозяев).

Страна лечит раны, нанесенные войной, – казалось, что они смертельные, но Союз возрождается прямо на глазах.

Москва у Стейнбека – «любопытный, изменчивый город», где на обочинах разбиты военные огороды с картофельными и капустными грядками. В музее Ленина писателю приходит в голову мысль, что вождь «ничего не выбрасывал» и «в мире не найдется более задокументированной жизни». А Капа говорит, что «музей – это церковь русских».

В Киеве объектив Капы и перо Стейнбека фиксируют пока еще не снесенные развалины зданий – ведь времени прошло так мало, к тому же бульдозеров в СССР пока что нет. При этом «в России всегда думают о будущем. Об урожае будущего года, об удобствах, которые будут через десять лет, об одежде, которую очень скоро сошьют. Если какой-либо народ и научился жить надеждой, извлекать из надежды энергию, – пишет Стейнбек, – то это русский народ».

Простые люди Страны Советов легко идут на контакт с американцами. Украинская колхозница решается на соленую шутку, размахивая огурцом перед объективом Капы, но намного чаще спрашивают все-таки о том, не собираются ли американцы нападать на СССР.

Одна из самых щемящих фотографий «Русского дневника» сделана Капой в сельском клубе, где девушки танцуют «шерочка с машерочкой» – к тому же босиком. А одна все-таки урвала парня, и он – в ботинках!

«Мы спросили одну девушку, почему она не танцует с парнями. Она ответила:

– Это хорошие женихи, но их так мало пришло с войны... Так что танцевать с ними – это нажить себе неприятности. А потом они такие робкие...

Девушка засмеялась и снова пошла танцевать».

В разрушенном Сталинграде ждала намного более жуткая встреча с другой девушкой, портрета которой Капа не сделал: «Перед гостиницей, прямо под нашими окнами, была небольшая помойка, куда выбрасывали корки от дынь, кости, картофельную кожуру и прочее. В нескольких ярдах от этой помойки виднелся небольшой холмик с дырой, похожей на вход в норку суслика. И каждый день рано утром из этой норы выползала девочка. У нее были длинные босые ноги, тонкие жилистые руки и спутанные грязные волосы. Из-за многолетнего слоя грязи она стало темно-коричневой. Но когда эта девочка поднимала голову... У нее было самое красивое лицо из всех, которые мы когда-либо видели. <...> В кошмаре сражений за город с ней что-то произошло, и она нашла покой в забвенье».

Жертвы войны были и такими, и каждая достойна сострадания – вот об этом пишет Стейнбек, и хотя Капе в Сталинграде почти не разрешали фотографировать, его снимки, сделанные здесь, рассказывают на свой лад о том же самом. Но принимающей стороне не мог понравиться такой подход – от гостей ждали приглашенных красивеньких историй и перманентного восхищения подвигом советского народа... Они, конечно, восхищались, но замечали и другое.

В Грузии американцев поили и кормили так, как это умеют делать только в Грузии. «Мы потихоньку начинали верить, что у русских (в широком смысле) есть секретное оружие, действующее, по крайней мере, на гостей, и это оружие – еда», – эти строки Стейнбека вдохновлены, конечно же, грузинским гостеприимством. Но даже тост за процветание США не смог бы отвлечь Стейнбека и Капу от желания увидеть то, что от них скрывают, – ну или не слишком приветствуют интерес побывать, к примеру, на службе Католикоса в храме Давида.

По окончании путешествия авторы «Русского дневника» оказались, честно говоря, в затруднительном положении. Рассказывать о том, чего им не показали, было бы, наверное, правильнее, но

они выбрали другой путь. Подобно тем писателям, которые находят, за что похвалить плохую книгу своего приятеля, и молчат о ее провальных сторонах, Стейнбек и Капа выпустили в свет «рассказ не о России, а о нашей поездке в Россию».

«Мы пишем о том, что сами видели и слышали, – заявил Стейнбек в предисловии к первому изданию, вышедшему в апреле 1948 года после публикации отрывков в New York Herald Tribune. – Я понимаю, что это противоречит подходу, принятому у большей части современных журналистов, но именно поэтому мне будет легче писать».

«Русский дневник» не понравился ни американским читателям, ни советским чиновникам (переводить его на русский тогда, конечно, никто и не думал. Американцы сочли книгу поверхностной, а красные так обиделись на слова Стейнбека о том, что он, дескать, не коммунист и не сочувствует коммунистам, что окрестили его гиеной и гангстером).

Но если прочитать впечатления Стейнбека (и просмотреть снимки Капы) сейчас, и сделать это, пользуясь незамутненным (а точнее, замутненным иначе, нежели полвека назад) взглядом, открывается неожиданное. Искусство умолчания, которым Стейнбек владел виртуозно, и «пропущенные» кадры Капы превратили «Русский дневник» в максимально честное и точное свидетельство жизни, которая досталась людям послевоенного СССР – страны, одержавшей большую победу еще большей ценой.



САМЫЙ ДОВОЕННЫЙ ФИЛЬМ О ВОЙНЕ



ФЕДОР ШЕРЕМЕТ

Родился в 2002 году в Екатеринбурге. Окончил гимназию № 9. Работал ассистентом режиссера. Публиковался в «Российской газете» и других СМИ. Начинающий киновед, сценарист и режиссер.

Война народная, война священная... война нежданная. Главное слово сорок первого года – «вероломно». Немец вероломно напал, сжег, разбомбил. РККА и весь советский народ долго еще будут собираться с силами, прежде чем дать захватчику должный отпор. Оно и ясно – совсем недавно Молотов и Риббентроп радостно трясли друг другу руки, Эйзенштейн ставил вагнеровскую «Валькирию» в Большом театре, а Жданов кричал с трибун о кознях французов-англичан. Народ подпевал «Волге-Волге» и жевал пломбир – жить ведь стало лучше, веселее. Послевоенные певцы орденов и медалей тоже разводили руками: завтра, дескать, была война. Пришла беда, откуда не ждали.

Да ждали, конечно. Аж с середины тридцатых, когда в кино еще гремели «Борцы» фон Вангенхайма. Воздух буквально пропитался солдатским потом и острым пороховым духом – унюхали его, понятно, и режиссеры. Из-за миссии Канделаки и прочих попыток «наладить связь» с рейхом говорить о грядущей войне можно было только метафорами и двусмысленностями. Власть же недвусмысленно эти фильмы давила. А иногда – разрешала. Игрища с прокатом того же «Александра Невского» стали настоящей притчей во языцех*. Но самый агрес-

сивный, воинственный и бескомпромиссный фильм о наступающей войне современники смотрели без проблем. В тридцать девятом году.

Иван Пырьев – это Гайдай (и Рязанов, и Данелия, и вообще все мало-мальски успешные послевоенные комедиографы), только на тридцать лет раньше. В условиях торжествующего соцреализма делать по-настоящему смешные фильмы как-то разучились – эксцентрическая комедия была под запретом, мэтр Протазанов терял хватку, а кульбиты «Лысого»** ну никак не соответствовали идеалу просвещенного рабочего. Так что все тридцатые за жанр отдувались два режиссера – Григорий Александров и сам Пырьев. С первым все понятно – большой знаток зарубежного репертуара***, он крайне удачно (а главное, вовремя) переложил формулу американского мюзикла на язык родных осин. Иван Александрович пошел другим путем – и буквально с первого захода**** создал фундамент, на котором «та самая» советская коме-

** Лысый – герой популярных в дореволюционной России фарсовых комедий. Показателен фильм «Лысый влюблен в танцовщицу».

*** Александров, «протеже» Эйзенштейна, сопровождал своего наставника в большой зарубежной поездке, в ходе которой они надолго осели в Голливуде – вероятно, там Григорий Васильевич и нашел вдохновение для будущих шедевров.

**** С первого захода в комедию. Его предыдущие работы – «Государственный чиновник», «Конвейер смерти», «Партийный билет» – подвергались жесткой критике со стороны власти и часто запрещались.

* «Невского», содержащего множество аллюзий на современную политическую обстановку, выпустили в прокат в 1938 году на фоне напряженных отношений с Германией, но после заключения Пакта о ненападении в 1939-м фильм убрали на полку. Вернули его лишь через два года, с началом Великой Отечественной войны.

дия будет стоять еще почти сорок лет, – «Богатую невесту». Образцовый сталинский лубок возлежал на трех слонах: песнях, кукурузных зубах и национальном колорите. Ничего не напоминает? Любимые до мигрени «Свадьба в Малиновке», «Человек с бульвара Капуцинов»... И, конечно, «Трактористы».

Этот фильм смотрели все – по степени затасканности среди довоенных лент «Трактористы» уступают разве что «Чапаеву». Сказ о том, как танкист полюбил колхозницу, да и женился на ней – удивительно живучая история, способная найти отклик даже в нежной душе современного россиянина. Но вот любая попытка детально вспомнить сюжет проваливается после «трех веселых друзей» и «забодай тебя комар». Неужели где-то в этом пасторально-колхозном раю прячется свирепая милитаристская пропаганда?

В том-то и дело, что не прячется. Предчувствие бойни разлито в воздухе, сквозит в характерах, песнях, словах – и кажется оно не мрачным предсказанием оракула, но веселым ожиданием схватки. Веселье граничит с безумием: главного героя зовут Клим*, в переводе с латыни «мягкий», «кроткий». Кроткий танкист, только-только вернувшийся с Халхин-Гола – подходящий типаж для макабрической любовной истории. По всему фильму раскиданы странные и даже пугающие намеки – вроде зарытой в землю немецкой каски, над которой председатель колхоза произнесет целую проповедь. Кажется, что в эту счастливую, почти брызжущую серотонином страну понемногу проникает другой мир – боли и мучений. А румяные мѳлодцы и пышные девки, сплошь населяющие тот мифический СССР, с радостью бегут ему навстречу: комбайнеры старательно приседают в противогазах, местный секс-символ Марьяна Бажан штудирует книгу про танкистов – это ведь куда интереснее вскапывания картошки! Иногда доходит до того, что призыв умереть за правое дело соседствует с веселой прибауткой: «Опять немца, забодай его комар, на нашу землю тянет. Драться будем!»

Наверное, вы заметили, как часто в тексте звучит «танк». По сути, это металлическое чудище и есть главный герой картины. Да, все ездят на тракторах – все-таки колхоз, – но ведь в самом фильме звучит: «Трактор, хлопцы, это танк!» Невинная аграрная машина в любой момент может ошестиниться смертоносной сталью. В наэлектризованном воздухе грядущей катастрофы каждая вещь, каждый человек будто обретает своего мрачного двойника – и в случае чего

тонкую грань между ними очень легко преодолеть. И тогда «Трактористы» станут «Танкистами».

Апогей этого кошмара – речь председателя Кирилла Петровича на свадьбе – а как без этого – Клима и Марьяны. Приведу ее целиком:

«Вы от доброго корня, хлопцы. Вы – плоть от плоти рабочих и крестьян нашей родины, которые гнали шляхту до Варшавы, которые немцам всыпали как надо и кровью завоевали власть, землю и социализм! Будьте ж, хлопцы, достойны своих отцов! Берегите и никому не позволяйте рушить ваше счастье! Бейте в хвост и в гриву всякого, кто сунется на нашу землю! Живите, хлопцы, размножайтесь, веселитесь – забодай вас комар! Но каждую минуту будьте готовы встретиться с врагом!»

Грубая, но действенная манипуляция сознанием масс: призыв не посрамить «отцов», вспомнить героическое прошлое, набить морды инородцам здесь сочетается с радостными интонациями свадебного спича. Триумфальное приветствие новой жизни – еще и торжественные проводы в последний путь.

Весь ужас в том, что ни создатели, ни зрители фильма не увидели противоречия в этой чудовищной дихотомии. Вот уже двадцать лет все они жили под дамокловым мечом судьбы – голод, репрессии, война, что хуже, ожидание войны закалили людей, сделали их почти апатичными к будущему страны. Как скажут – так и будет. Все равно нужно было смеяться, радоваться, любить – в общем, жить. Пусть и под прицелом танкового дула.

Страх приедался, опасность забывалась. А в преддверии войны народу нужно было напомнить – враг не дремлет. Показать зверства условных нацисто-фашистов, что в прошлом делал и сам Пырьев, было глупо – никто на такую депресятину не пошел бы. Потому условные триггеры закладывались в сверхпопулярные тогда жанры – мюзиклы, мелодрамы и, разумеется, комедии. Глубоко их не закапывали, хотя тогдашние методы киновыразительности вполне позволяли замаскировать их до полной невидимости – просто не было нужды прятать что-либо от зрителя. Задача была только одна – показать. Остальное – идеология.

И что же нам теперь делать с «Трактористами»? Сжечь все копии и предать забвению? Разумеется, нет. Даже если мы проигнорируем огромную художественную ценность фильма, он останется важнейшим историческим документом. По этой, на первый взгляд необременительной комедии можно реконструировать целую эпоху. Ту странную предвоенную эпоху, когда даже комедии звали на смерть.

* Ныне самостоятельное, имя Клим является производным от типичного для римской аристократии Климента.





Авторы рисунков на обложке

1-я страница:
Екатерина Стародумова

2-я страница:
Яна Севостьянова,
Татьяна Безбородова,
Александра Нашенцева

3-я страница:
Глеб Лимонов,
Ольга Ляхова

4-я страница:
Арина Четина

ISSN 0132-2036 20.012

